

*«Клыкастый»
профессор*

В. Долух

Москва, 2013 год

УДК 622.323-051(470+571)+936
ББК 33.361(2Рос)
D19

Долгих В. Ф.

**D19. «Клыкастый» профессор/
В. Долгих. – Изд. «Центр». –
М. – 2013 год – 240 стр.**

формат: 70x100/16
объем: 15 п.л.
печать офсетная
тираж 2000 экз.

© В. Долгих.

ISBN 9-805-6696-0039-9

Изготовлено «Издательство «Центр»

Об авторе

Василий Федорович ДОЛИХ родился 12 февраля 1947 года в селе Сорочкино Сорочкинского района Тюменской области.

Закончив в 1966 году Тобольский рыбопромышленный техникум, свою трудовую биографию он полностью посвятил рыбной отрасли. Более 15 лет Василий Федорович трудился на разных должностях на производственных предприятиях.

В 1983 году был переведен в центральный аппарат Министерства рыбного хозяйства РСФСР. Имеет высшее образование.

Писательской деятельностью Долих Василий Федорович увлекся в 2004 году.

Первой изданной книгой стал автобиографический двухтомник «Моя судьба родом из Сибири». За ней последовал роман о современной деревенской жизни «Рассвет на закате». Кроме этого, статьи и рассказы Василия Федоровича неоднократно публиковались в журналах и газетах.

В марте 2012 года Долих Василий Федорович был принят в члены Московской областной организации Союза писателей России.

Очередная книга, которую мы хотим представить вашему вниманию, состоит из невиданных рыбацких и охотничьих историй, рассказов и повестей.

Насколько автору удалось в этой книге донести слова и мысли до читателя, сможет ответить только сам читатель.

*Рыбацкие
истории
из прошлого
столетия*

Эти истории произошли в те годы, когда я – молодой, амбициозный и вполне успешный специалист – работал в Подмоскowie начальником Шалаховского рыбоводного участка, входящего в состав мощного Егорьевского рыбокомбината. И сам участок был крупнейшим нагульным прудом, искусственно созданным на реке Ина, которая впадала в Оку в районе села Дединово, Луховицкого района. Общая площадь этого искусственного водоема составляла 750 гектаров, и простирался он среди хвойных и смешанных лесов почти на девять километров. Основными задачами, которые стояли передо мной и бригадой рабочих, были: весеннее заполнение водоема наводковыми водами, зарыбление годовиками карпа, амура и толстолобика, кормление их в течение лета комбикормами рыбных рецептур, круглосуточная охрана от браконьеров, осенний сброс воды из пруда, вылов выращенной товарной рыбы и реализация ее торговым организациям Москвы и области. Красивый пейзаж местности, отдаленность от населенных пунктов, возможность «удачно» порыбачить и поохотиться, а также отдохнуть душой и телом, как магнитом притягивали сюда людей разного звания, профессий и общественного положения. В субботу и воскресенье, когда все нормальные люди отдыхали, в наизулку к своей основной работе, по поручению директора, я обязан был заниматься приемом гостей и созданием условий для их хорошего настроения. Ну, а настроение гостей зависело от количества пойманной рыбы, вылитой водки и капризов погоды. Здесь я должен сразу отметить, что приезд на участок гостей любого ранга и лов рыбы в пруду осуществлялся вопреки существующему на тот период закону о государственном социалистическом предприятии. Мы категорически не должны были пускать посторонних лиц на территорию рыбокомбината, и тем более, добровольно разрешать или «воровать» выращенную промышленным путем рыбную продукцию. Но во все времена существовала поговорка: «Если нельзя, а сильно хочется, то можно». А отдохнуть на природе и удачно порыбачить всегда и всем хотелось.

Малаховский участок я возглавил в 1967 году. Осенью этого же года был призван в ряды Советской Армии, а в апреле 1969 года, отслужив положенный срок, вновь вернулся на прежнее место работы. Работа очень нравилась, и поэтому уже тогда я считал себя счастливым человеком. Присмотревшись ко мне, умный и требовательный директор Егорьевского рыбокомбината Разульнов Евгений Иванович проникся доверием и дал полную самостоятельность и свободу действиям. Это не только повысило интерес к работе, но и позволило в дальнейшем стать руководителем высокого ранга в системе рыбной отрасли.

За несколько лет работы на участке мне повезло познакомиться со многими интересными, знаменитыми и мощественными людьми. Но, несмотря на их известность и значимость в государственном масштабе, для меня они все были простыми рыбаками-любителями, со своими привычками, причудами и человеческими пороками. И я их принимал такими, какими они становились на природе, оставив свое «Я» за пределами мощного шлагбаума, перегородивающего въезд на Малаховский рыбобродный участок. Всех приезжающих летом гостей я классифицировал по группам. Первая: спокойные и полезные для рыбокомбината и рыбной отрасли люди – министры разных ведомств и крупные хозяйственники союзного значения; вторая: знаменитые люди, являющиеся гордостью всей страны, но бесполезные для рыбокомбината и отрасли – космонавты, писатели, артисты, спортсмены; третья: бесполезные, но необходимые – работники ЦК КПСС, обкома партии и рангом пониже; четвертая: беспокойные, но полезные для рыбокомбината – руководители промышленных предприятий и объединений, органов внутренних дел и спецслужб; пятая: свои – местные руководители советских и партийных органов, предприятий и личные друзья. За период работы в должности начальника участка с гостями и лично со мной произошло много курьезных историй и смешных случаев, о которых хочу рассказать.

Бензин кренче водки

В середине августа 1970 года, накануне открытия утиной охоты, на участок приехали: директор люберецкого городского комбината бытового обслуживания и начальник музея трофейного оружия генерал-лейтенант Советской Армии. С ними я был уже хорошо знаком, поэтому, несмотря на разность в возрасте и социальное положение, отношения у нас были товарищескими. После радушной встречи гости стали перетаскивать вещи (оружие и рыболовные снасти) из легкового автомобиля «Волга», принадлежащего главному бытовому городу Люберцы, вещи, а я продолжил ремонт подвесного лодочного мотора «Вихрь», который забарахлил в день их прибытия. Хотя поломка двигателя была не очень сложной, провозиться пришлось не менее двух часов. Когда я устранил неисправность и поставил все разобранные ранее механизмы на место, на улице уже стемнело. Мои гости сидели на деревянных лавках, установленных вдоль длинного стола и с нетерпением поджидали, когда я освобожусь, чтобы отметить встречу и их приезд на природу. Но одну бутылку водки они уже распечатали и граммов по сто выпили.

Крепко затянув в креплении «магнето» последнюю гайку и установив лодочный мотор в металлическую бочку, наполненную водой, я взял со стола пустую бутылку и пошел к стоящему недалеко мотоциклу «Урал». Отсоединив от карбюратора резиновый шланг, засунул его конец в горло бутылки и открыл топливный кран. Нацедив из топливного бака граммов триста бензина, снова закрыл кран, натянул конец шланга на трубку карбюратора и вернулся к агрегату. Дальше начался процесс испытания технического состояния мотора. Я открыл заслонку карбюратора, плеснул немного бензина, поставил бутылку с оставшейся жидкостью на длинный деревянный стол и резко дернул за шпагатную веревку, накрученную на «магнето». Двигатель вначале чихнул, затем несколько раз «выстрелил» выхлопами газов в воду и устойчиво застучал. Я с облегчением вздохнул, а мои гости весело воскликнули: «Ура! Появился еще один повод, чтобы выпить и обмыть «воскресший» движок!». Все приступили к сервировке стола привезенными деликатесами. А мне ничего не оставалось, как умыть руки с мылом и присоединиться к ним.

После треска лодочного мотора окружающий нас лес стал казаться безмолвным и сказочно таинственным. Метров в десяти от барака стоял электрический столб и висящий на нем фонарь слабо освещал стол. Но, это было неважно. И при худшей видимости мы могли найти на столе все, что хотелось. Естественно, это была водка. Долго не раздумывая, я взял со стола первую попавшуюся уже открытую бутылку и разлил ее содержимое в два граненых стакана, которые стояли напротив моих гостей. Себе налил из второй, тоже початой бутылки, и официальная часть, посвященная нашей встрече, началась.

Генерал на правах главного гостя торжественно произнес тост и лихо, погусарски, опорожнил стакан до дна. Последовал его примеру и бытовик. Пил он медленно, а когда завершил, стал нюхать воздух в пустом стакане. «Какой-то запах странный у водки? Бензином сильно отдает. Моя водка так пахнуть не должна. – «Как-никак, «Посольская», а не «Московская», разлитая на водочном заводе города Шацка», – проворчал недовольно люберецкий бытовик и взял в руки со стола обе пустые бутылки. В следующее мгновение тишину леса разбудил его возглас и причитания: «Так мы и на самом деле бензин выпили! Ужас! Афанасьевич, ты как себя чувствуешь? Необходимо срочно водкой дезинфицировать пищевод и желудок! Да как же это могло произойти? Василий, ты, что не мог понюхать, прежде, чем разлить по стаканам?». Не дождавшись ответа, стал быстро срывать с очередной бутылки металлическую пробку. В это время генерал смотрел на него испуганными глазами и постоянно обнюхивал стакан. Как только в нем появилась водка, он залпом выпил и начал остервенело закусывать разного рода соленьями. После первого стакана профилактической жидкости был употреблен второй, потом третий. Только когда опорожили три бутылки «Посольской», оперативное лечение желудков закончилось. Гости стали стремительно хмелеть, и мне пришлось увести их на отдых в отдельную комнату.

Причину произошедшего я понял сразу, как только услышал возглас бытовика. Моя небрежность и невнимательность привели к такому, почти трагическому, результату. Если бы я не поставил бутылку с бензином на стол, то наша долгожданная встреча прошла бы намного спокойней и интересней. Но, что случилось, то случилось. Определив гостей на ночлег, я направился в соседнюю комнату, где отдыхала моя жена, и улегся спать. Подъем предстоял ранний и хлопотный.

В три часа утра я был уже на ногах и занимался подготовкой плавательного средства к отплытию. Установил на лодку «Казанка» отремонтированный лодочный мотор, уложил на дно все то, что необходимо для успешной и интересной охоты и в половине четвертого, приступил к побудке гостей. Если сказать, что они тяжело вставали, это значит ничего не сказать. Генерал и бытовик прибывали еще не в «форме» и не очень соображали, что от них требуется. Но, поняв наконец, что находятся на природе и им предстоит выехать в такую рань на утиную охоту, стали медленно вставать и одеваться.

До места высадки охотничьего «десанта» добирались минут тридцать. Рассадив с горем пополам гостей в зарослях камыша на двух небольших островах, я поднялся на лодке по водоему с километр выше и остановился в ожидании рассвета. Как только первые солнечные блики стали подниматься из-за леса,

завел мотор и стал снова по небольшим плесам и протокам, где на ночь собирались утки. Огромные стаи еще непуганой дичи нехотя взлетали с насиженных мест и, лениво поднимаясь в небо, низко пролетали над островами, где сидели в «засаде» мои гости. Я предвкушал успешную охоту, но выстрелов со стороны островов не следовало. «Они что там, уснули? Так ведь можно и зорьку проспять!» – невольно подумал я и стал совершать очередной круг по водной глади. Второй мой удачный заход тоже не принес результата. Утки низко пролетали над островами, а выстрелов я по-прежнему не слышал. Третий круг совершал больше для себя, а не для гостей. Врезаясь на полной скорости в стаю сидящих на воде кряковых и чирков, прямо с хода и почти наугад стрелял по этой массе. Итоги оказались вполне ожидаемыми и во всех отношениях приятными для самолюбия азартного охотника.

Удовлетворив охотничьи амбиции и подобрав с воды подстреленную дичь, я направился в сторону островов, где оставил своих компаньонов.

Бытовика заметил сразу. Он стоял на краю острова и с виноватой улыбкой на лице поджидал, когда нос лодки упрется в берег. «Вы почему не стреляли? Утка сама на ствол садилась. Можно было с одного выстрела по паре матерых иметь», – спросил я «охотника», хотя ответ был написан на его лице... – «Виноват, сон оказался сильнее меня», – честно ответил бытовик и стал забираться в лодку. Заметив на дне охотничьи трофеи, добавил: «Я смотрю, ты за меня и за себя отличился». «Куда мне было деваться? С ваших островов выстрелов не слышно, а утка косяками прет. Вот и пришлось отстреливаться от нее», – пошутил я и стал кормой отходить от острова.

С генералом было все сложнее. Он спал на подстилке из камыша так крепко, что даже не слышал, как мы причалили к острову. «Может, бензин на нас так сильно подействовал? Всю ночь спали, и никак выспаться не можем», – глубокомысленно заметил главный бытовик города Люберцы и стал расталкивать своего приятеля. С большим трудом открыв глаза, генерал удивленно посмотрел на нас и спросил: «Что случилось? На охоту пора собираться?». «Не на охоту, а с охоты пора возвращаться», – ответил я, и мы с бытовиком засмеялись. – «А когда же будем на уток охотиться?» – спросил не пришедший в себя генерал. «Кто не проспал зорьку, тот это уже сделал. А тот, кто храпел, тот только уток распугивал», – ответил бытовик и хитро посмотрел на меня. – «Мужики, а у нас есть что выпить? А то запах бензина до сих пор не дает свободно вдыхать в себя прелести природы», – спросил генерал. «В моем рюкзаке бутылка водки должна быть», – сообщил бытовик и направился к лодке.

Минут через двадцать с содержимым бутылки гости разделались, и мы стали собираться в обратный путь. Но, отойдя от острова метров на сто, я заметил,

как со стороны леса на нас надвигалась огромная стая кряковых. – «Орудия к бою! Прямо по курсу на бреющей высоте нас собираются атаковать матерые утки», – успел выкрикнуть я, подняв ствол ружья вверх. Сделали это движение и мои спутники. А еще через тридцать секунд с нашей лодки, словно с крейсера «Аврора», прогремели несколько залпов. В тоже мгновение генерал, совершив сальто назад, вывалился из «посудины» за борт. Произошло это так быстро и неожиданно, что я не сразу смог правильно отреагировать. Пока выключал передний ход и глушил двигатель, генерал оказался в метрах двадцати за кормой лодки. Чтобы не поднять большую волну и не усугубить состояние «неудачного» охотника, к нему мы подходили уже на веслах.

«Операция» возвращения генерала в лодку была сложной и тяжелой. Одежда и резиновые рыбацкие сапоги до предела наполнились водой, чем значительно увеличили его вес, а он сам, растерявшийся и не до конца отошедший от влияния спиртного, почти не предпринимал никаких попыток, чтобы нам помочь. Наконец тело генерала перевалилось через борт и сползло на дно лодки. Минут на пять установилась полная тишина. Первым пришел в себя «пострадавший». Прокашлявшись и просморкавшись, он испуганно спросил: «А ружье мое где? В воду свалилось?». Эти слова вернули нас к действительности. К счастью, с очень дорогим ружьем генерала было все в порядке. Оно валялось рядом с телом хозяина и его стволы «обмывались» струями воды, вытекающими из одежды и сапог охотника. – «В лодке твое ружье. Нужно срочно ехать на базу и приводить тебя в чувство. Не дай бог простынешь и заболешь. Тогда меня твоя Лиза со света сживет», – произнес бытовик и командовал: «Заводи, Василий, свой агрегат и вперед. Хоть на улице еще лето, но вода уже холодная. У нас даже надежного народного средства от простуды не осталось». «А утку хоть одну сбили?» – вновь проявился генерал. Мы с бытовиком посмотрели на генерала, затем на окружающую акваторию и только сейчас заметили невдалеке от себя трех кряковых уток, безжизненно переваливающихся на волнах, уткнувшись головками в воду. «Три трофея видим. Но есть ли среди них твоя, сразу сказать не можем. Придется баллистическую экспертизу проводить», – пошутил бытовик. «Какая экспертиза? Без нее ясно, что две из трех – мои утки. Вон, какой дуплет я произвел! Даже за борт вывалился!» – высказался генерал и улыбнулся. «Ты старый вояка, а не знаешь, что во время совершения из охотничьего ружья дуплетного выстрела, оно должно находиться в устойчивом положении, и с крепко прижатым к плечу прикладом», – съехидничал бытовик. «Поучи еще отца, как с мамкой спать. Давайте, собирайте трофеи и везите меня на базу. Пора уху есть и нутро прогревать», – спокойным голосом высказался генерал, и мы приступили к выполнению его распоряжения.

В деревянном бараке мы были примерно через час. «Потерпевший» снял всю мокрую одежду, включая нижнее белье, с помощью бытовика отжал максимально из нее воду и развесил на капроновых веревках, натянутых между двух высоких сосен. Равноценной замены его одежде у меня не оказалось, поэтому я предложил свою пижаму, которую генерал с благодарностью принял, но с великим трудом натянул на себя. И если штаны еще как-то закрывали телеса, то лацканы пижамы на животе не сходились сантиметров на двадцать. Как бы там ни было, основная «срамота» была прикрыта, и этого было достаточно, чтобы всем сесть за стол и приступить к оздоровительным процедурам.

Примерно через час выпитые во имя благих целей четыреста граммов водки и съеденные две миски наваристой ухи утомили охотничий азарт генерала, и он удалился в комнату на отдых. А мы с бытовиком после обеда занимались каждый по своей программе. Я в соответствии с обязанностями начальника участка проверял на кормовых точках поедаемость рыбой комбикорма, а он сидел с удочками на берегу пруда и вытаскивал один за одним жирных карпов.

В пять часов вечера, завершив дела, я пригласил гостей вновь испытать охотничью удачу. На мое предложение положительно отреагировал только бытовик. Оказалось, что во время нашего отсутствия генерал проснулся, вышел на улицу, посидел у стола на лавке и, выпив стакан водки, вновь удалился в барак для продолжения отдыха. Разбудить его и мобилизовать на охотничью забаву нам не удалось. Мы особенно и не усердствовали, помня утреннюю трагическую вылазку на природу.

С вечерней охоты вернулись затемно. И в этот раз она была удачной, но уже для обоих. Пока щипали перья, опаливали на костре пух и разделявали утиные тушки, моя жена поставила на стол тарелки с отварным карпом, выловленным днем бытовиком, и с различной зеленью, которой в августе было изобилие. Крепко выпив, вкусно закусив и наговорившись на охотничьи темы, около двенадцати часов ночи мы отправились в барак отдыхать. Все, что происходило потом, узнали только утром из рассказа жены.

Часа через два, после того как мы уснули, проснулся выпавшийся генерал. По-видимому, он не сразу сообразил, где находится. Но, наконец, вспомнив и подсчитав, сколько времени прошло с момента отъезда из дома, он тихим голосом запричитал: «Лиза! Лизонька! Я снова тебя обманул. Обещал поздно вечером вернуться, а сам уже вторые сутки беспробудно пьянствую. Родная моя, простишь ли ты меня на этот раз? Вот вернусь домой и все объясню тебе. Я ведь вчера чуть не утонул, моя дорогая». Потом он поднялся с кровати, в темноте разыскал выключатель и включил свет. Увидев спящего напарника,

он попробовал его разбудить. На этот раз уже бытовик был в таком состоянии, в каком сам генерал пребывал несколько часов подряд. Не добившись желаемого результата, генерал разыскал в карманах брюк товарища ключи от машины и вышел на улицу.

Мы с женой спали в другой комнате, отгороженной фанерной стенкой, и все действия генерала через нее хорошо были ей слышны. Когда генерал вышел из барака, она забеспокоилась, понимая, что старый вояка находился еще в неадекватном состоянии. Через пять минут после его ухода послышалось приглушенное урчание двигателя «Волги». «Куда это он собрался ехать, на ночь глядя? Разобьется, где-нибудь в лесу», – подумала жена. В это время двигатель усиленно зарычал, и автомобиль тронулся с места. Но буквально через минуту рокот стих, а еще через три минуты мотор «Волги» и вовсе заглох. «Пойду посмотрю, что он там вытворяет», – решила моя половинка и стала одеваться. И как только вышла из нашей комнаты, в прихожей чуть не столкнулась с генералом. «Шурупчик! Понимаешь, в Москве меня очень сильно ждет жена. Я ей обещал вернуться с охоты поздно вечером и обманул. Хотел забрать приятеля и поехать домой, однако его машина гудит, но не едет. Я не знаю, что с ней могло случиться? У меня точно такая же «Волга» в гараже стоит, и с ней никогда не было никаких проблем. А эта тронулась метров на двадцать и остановилась, словно заколдованная.. Может ты мне сможешь столкнуть ее с места?» – обратился он к моей жене и, не дожидаясь ответа, вышел из барака.

Когда Шура оказалась на темной ночной просеке, генерал сидел уже в машине и гремел ключом зажигания. Наконец, двигатель завелся, из выхлопных труб повалил дым и, смешавшись с плотным предутренним туманом, окутал молочной пеленой всю машину. Жена услышала хруст включающих скорость шестеренок, но движения машины не последовало. Через минуту из работающей машины вылез и сам генерал. Не выключая первую передачу, он обошел кругом «Волгу» и удивленным голосом стал вести диалог сам с собой: «Дым, какой-то вокруг машины... Наверное, что-то горит? Надо заканчивать эксперимент, а то спалю чужую легковушку». Немного помолчав, предложил: «Попробуй, Шурунок, толкнуть машину сзади. Может, все-таки удастся тронуться с места». Очередная попытка оказалась тщетной. Генерал заглушил двигатель, вылез из машины, закрыл за собой дверку и, что-то бормоча себе под нос, пошел в барак коротать время до утра.

Проснувшись в шесть часов, я оделся и вышел из комнаты. Оказавшись на улице, посмотрел на «Волгу» и понял, что ночью на ней кто-то из гостей пробовал выехать из лабиринтов лесного массива. А еще меня смутил несколько задранный вверх зад машины и оторванные от земли колеса. Я подошел бли-

же и надавил на левую сторону багажника. Зад машины легко накренился в мою сторону. «На чем это мост сидит? Вроде пеньков высоких здесь нет», – подумал я и, нагнувшись, посмотрел под днище машины. От увиденного мне стало смешно. Каким-то образом «ночной» водитель наехал на край невысокой круглой чурки, та перевернулась, стала на «попа» и оторвала от земли задний мост «Волги». «Вот это фокус! Даже если захочешь так сделать, не сможешь, а тут словно специально кто-то поставил машину на этот постамент», – подумал я и пошел в барак будить гостей. А уже через пять минут дремавшая доселе природа была разбужена мощным хохотом троих мужчин и веселым полувизгом одной молодой женщины. «Да, братцы! Хорошую шутку сыграл со мной чурбачок. Если бы не он, то неизвестно, что бы я натворил, управляя машиной в пьяном виде», – вытирая ладонью слезы смеха, произнес бравый генерал. «Это точно!» – подтвердил бытовик, и мы вновь хором рассмеялись.

Позавтракав и часа три порыбачив на пруду, мои гости погрузили вещи в «Волгу», поблагодарили меня с Шурой за гостеприимство, сели в машину и не спеша, в хорошем настроении, двинулись в сторону автомобильной трассы Касимов–Москва.

*Члены ЦК КПСС
тоже умели плавать*

Э тот веселый случай с возможными трагическими последствиями произошел в 1972 году, в самый разгар жаркого лета и пылающих в ряде восточных районов Московской области лесных и торфяных пожаров. Обстановка была настолько серьезной и угрожающей, что в Шатурском, Егорьевском, Луховицком, Павлово-Посадском и Орехово-Зуевском районах руководство Московской области было вынуждено объявить чрезвычайное положение. На борьбу с пожарами были брошены очень большие силы, включая орденоносную Таманскую дивизию в полном составе. Но, несмотря на это, окончательно справиться с огнем удалось только к концу лета, когда появились долгожданные дожди.

Шалаховского участка эта проблема коснулась непосредственно. Буквально в двухстах метрах, за дамбой, полыхали мощные хвойные леса и тлели торфяники, заволакивая по утрам всю прилегающую местность едким и плотным дымом. Часам к десяти утра дым потихонечку рассеивался, а на смену ему по верхушкам деревьев, словно перегоняя друг друга, летели злые языки огня и уничтожали все живое, попадающее на пути. Вначале это всех пугало, но постепенно народ к природному гневу привык и стал принимать меры по его обузданию.

Аномально жаркая погода стала тяжелым испытанием для жителей Москвы и прилегающих к ней крупных городов. Если в предыдущие годы люди могли в выходные дни выехать на природу и вволю надышаться свежим воздухом, то объявленная чрезвычайная ситуация лишила их такой возможности. Все съезды с центральных автомобильных дорог, ведущие в лес или к водоемам, были перекрыты шлагбаумами и перерыты бульдозерами. Поэтому любители природы были ограничены рамками территорий садовых участков и стенами городских квартир.

Но были и такие категории людей, которые вырывались из этих ограничений и разными путями оказывались рядом с вожденной прохладой воды и ее обитателями. К таким счастливчикам относились ловкие браконьеры всех мастей: «блатные», «высокие» начальники и знаменитости союзного значения.

В числе самых привлекательных мест отдыха этих людей стал Шалаховский водоем. Браконьеры словно псы, сорвавшиеся с цепи, рыскали ночами вдоль границы рыбоводного хозяйства и в самых скрытых от глаз рыбоохраны местах выставляли различного рода ловушки и сети. Автомобили «блатных», «высоких» чинов и знаменитостей почти каждую субботу в шесть часов утра стояли у мощного шлагбаума и нетерпеливо поджидали, когда я его открою. Мне такие «непрофильные» обязанности не нравились, но, понимая, что это не причуды директора рыбокомбината, а его тяжелая должностная ноша, приходилось изображать беззаботное выражение лица и восторженно приветствовать очередных гостей.

Благодаря сухой и жаркой погоде в июле и в августе вода в пруде достигала самых оптимальных температур для максимально ускоренного роста рыбы. И если бы не пожары, представляющие реальную угрозу населению района и области, то этот рыболовный сезон можно было смело считать самым удачным за многие годы. Такую же оценку, по-видимому, ставили нашей работе и браконьеры, у которых при задержании изымалось не менее пуда отборного карпа. Поэтому борьбе с браконьерством, а по сути хищением, я и члены моей бригады посвящали львиную долю своего ненормированного рабочего времени. И практически занимались этим круглосуточно.

Накануне той субботы, о которой пойдет речь, я и еще трое добровольных помощников из числа личных друзей всю ночь посвятили борьбе с браконьерами. Добравшись еще засветло на водометном катере КС-100 до верховья огромного пруда и замаскировавшись в зарослях камыша, мы терпеливо стали поджидать смельчаков и больших любителей поживиться за государственный счет. И дождались. На небосклоне появились первые признаки рассвета, когда мы услышали приглушенный разговор, а затем на протоке показалась резиновая надувная лодка, на которой сидели три крупных мужика. Один из них осторожно греб веслом, а двое других напряженно всматривались в предрассветные сумерки. Минут через пять они подплыли к торчащему из воды деревянному колу и стали вытаскивать из воды сеть, ячеи которой были до предела забиты рыбой. Я подождал, когда они закончат процедуру, завел стартером мощный двигатель и, не разогревая его, рванул в сторону браконьеров. Эффект неожиданности так сильно сработал, что мужики не только не выбросили сеть и рыбу за борт, но и сами остались на месте. Посвятив канцелярской работе больше часа и составив на браконьеров протоколы, мы покинули место засады и вышли в сторону базы. До приезда «гостей» оставалось не более часа. «Рассажу их по местам, и тогда часов пять посплю», – мечтательно подумал я, сходя с катера по трапу на берег.

К моему недовольству и удивлению, состав влияющих на жизнь в стране «рыбаков-любителей» на этот раз был расширенным и неоднородным. Обычно союзные министры и работники других организаций не любили вместе рыбачить на одной «площадке». Но в этот раз произошло невероятное. Вместе с пятью министрами и их заместителями, приехали высокопоставленные сотрудники ЦК КПСС, Совета Министров СССР и РСФСР. В основном я всех их знал и по отдельности уже принимал на Шалаховском участке. Когда я подошел к шлагбауму, то услышал в свой адрес веселые приветствия, язвительные шутки и колкие вопросы. Больше всех в этом преуспевал Министр строительства и строительных материалов СССР Яшин Алексей Иванович, с которым я был знаком более двух лет. «Ты что сегодня такой хмурый и неприветливый? Не

выспался, что ли? Наверное, молодуха лет восемнадцати не давала спать? Мы тебя уже час поджидаем у шлагбаума. Поднимать-то собираешься его, или нам обратно в Москву уезжать?» – спросил он, здороваясь со мной за руку. В это время к нам подошел Разгульников, прибывший одновременно с ними, и тихим, но твердым голосом произнес: «Открывай быстрее замок. На «министерское» место я сам гостей сопровожу и расскажу вдоль берега».

Испытывать терпение больших людей я не стал и, подняв шлагбаум, пропустил правительственные «членовозы» на территорию вверенного мне рыбоводного объекта. Возглавляла кортеж «Волга» моего директора, так кстати приехавшего на помощь.

Когда «ЗИЛы» и «Чайки», сверкая на солнце вороненой сталью кузовов, ровным строем проехали по дамбе и скрылись за опушкой леса, я опустил шлагбаум, закрыл замок и направился в сторону комбикормовых складов, чтобы провести с рабочими утреннюю планерку и совершить на катере контрольный обход по всему периметру пруда. Несмотря на то, что глаза слипались и не хотели созерцать мир, пришлось еще более двух часов заниматься решением производственных проблем.

Вернувшись на базу, от сторожа я узнал, что мой непосредственный начальник покинул участок и укатил в Москву, переложив на меня всю ответственность за обеспечение хорошего отдыха для высокопоставленных «рыбаков». «Ну, вот и выспался! – невольно подумал я, а вслух выдал сторожу поручение: «Я сейчас попробую в каюте немного отдохнуть, а если кому-то из гостей понадобится, то разбудишь, понял?». «А вдруг кто еще приедет? Им шлагбаум открывать?» – спросил в свою очередь сторож. «Только тем, кого хорошо знаешь. А для всех остальных меня на участке нет», – предупредил я и пошел в сторону катера.

Не успел еще спуститься в каюту, как у сторожки появился человек. Переговорив о чем-то со сторожем, он стал удаляться в сторону шлагбаума. А через минуту туда же пошел и сторож. «Еще кого-то на природу потянуло», – недовольно пробурчал я и остался на палубе, чтобы определиться с новым пополнением. Вскоре на дамбе появились две «Волги», хозяев которых я тотчас определил. Зеленая, которая шла впереди, принадлежала председателю Горисполкома Комарову Николаю Романовичу, а следующая за ней, черная, – первому секретарю Горкома КПСС Белову Григорию Алексеевичу. «Ну, вот теперь точно все гости в сборе. Только мне от этого не легче. Обязательно сейчас найдут какое-нибудь занятие и для меня», – с горечью подумал я и полез в каюту.

Мое пророчество попало в точку. Не прошло и часа, как на палубе катера появились сторож и персональный водитель первого секретаря Горкома – Ни-

колай. «Федорович, меня послали за тобой. Белов просит, чтобы ты подплыл к ним на катере», – заявил водитель. «Зачем?» – спросил я. «Не знаю. Мое дело маленькое. Приказали, я исполняю», – ответил Николай и покинул каюту. «Ну что? Поднимать трап на катер?» – спросил сторож. «Ладно, иди к себе в сторожку, сам справлюсь с ним», – ответил я и завел мощный двигатель.

Когда медленно подходил на катере к берегу «министерского» места, то уже издали понял, что активность и азарт у рыбаков иссякли. Знойное солнце стояло в зените и бросало свои яркие лучи прямо на их головы. Кое-кто из гостей, проявляя чудеса спортивной злости и терпения, еще стоял на берегу и рассеянно смотрел на поплавок, но большая часть рыбаков сидела на лавках за деревянным столом, установленным среди высоких сосен, и играла в преферанс.

Пришвартовав у входа в обводной канал катер, я выпрыгнул на берег и подошел к прибывшим руководителям района. Поздоровавшись со мной, председатель Горисполкома, улыбаясь, спросил: «Ты, за что же, Василий, гостей района не уважаешь? Сам на катере по пруду раскатываешься, а их на солнце-пеке жарить. Мог бы и им показать всю красоту егорьевской природы». «Не поступало раньше такой просьбы от гостей. А вот сейчас она прозвучала из ваших уст, Николай Романович, и я готов немедленно ее исполнить. Поэтому прошу всех, кто желает, подняться на борт моего «крейсера», – весело отреагировал я на замечание авторитетного в городе начальника, чем вызвал искренние улыбки у высокопоставленных «рыбаков». «Вот и сразу бы так действовал!» – произнес слова одобрения Яшин и первым направился в сторону катера.

Минут через двадцать все «рыбаки», кроме водителей и некоторых сопровождающих лиц, находились на палубе водометного катера и ждали отправления. Я втянул на палубу трап, опустился в рубку-каюту, завел двигатель и задним ходом отошел от берега. Затем перевел ресивер на «полный вперед» и вышел в открытый водоем. Полюбовавшись красотами прибрежной природы и побаловав легкие свежим воздухом, несколько человек спустились в каюту к сервированному столу и продолжили карточную дуэль. На водоеме царствовал полный штиль. Состояние души у всех пассажиров было самым благоприятным. На середине пруда я выключил передний ход, заглушил двигатель и, не бросая якоря, стал безмятежно дрейфовать. Рыбаки продолжали заниматься каждый своим делом. Несколько минут я наблюдал за заядлыми картежниками в каюте и, поняв, что им на воде гораздо комфортнее, чем на суше, поднялся на палубу, на которой расположились остальные высокопоставленные пассажиры. Опьяненные созерцанием приятного зрелища и подставив солнечным лучам обнаженные до пояса торсы, они щурились глаза и блаженно улыбались.

Решив, что и мне можно немного подремать, я вытащил из вещевого ящика телогрейку, постелил ее на крышке моторного отсека и лег на спину, подставив лицо солнцу. Волшебная летняя тишина иногда прерывалась выкриками чаек и скрипучими голосами больших серых цапель. А над гладью воды почти беззвучно, словно дельфины, совершали воздушные кульбиты жирные карпы, длинные амуры и крупные толстолобики. Под это монотонное однообразие меня вмиг одолел сон.

Проснулся я с каким-то тревожным предчувствием. Мне показалось, что кто-то призывно кричит. Я оторвал от лежанки голову и посмотрел в сторону дамбы. «Может, во сне приснилось?» – успокоил себя. Вдруг сознание пробило электрическим током: «А где мои пассажиры? Неужели все в каюту перебрались?» – подумал я и в это время вновь услышал далекий голос, призывающий на помощь. Я резко вскочил на ноги и стал внимательно всматриваться вдаль. Через мгновение заметил в западном направлении, в двухстах метрах от катера, барахтающихся в воде людей. Я посмотрел на носовую часть, затем через кормовое окно в каюту и обнаружил там только одного Костоусова Анатолия Ивановича, министра станкостроительной и инструментальной промышленности СССР. Положив под голову руки, он мирно спал за игральным столом. Словно ошпаренный кипятком, я стал лихорадочно соображать, как подойти на катере так, чтобы не накрыть волной беспомощных купальщиков и не утопить окончательно тех, у кого плавучесть уже полностью исчерпана. Быстро запустив двигатель и включив задний ход, стал на самых малых оборотах подбираться к своим высокопоставленным пассажирам. Не дойдя до них метров тридцать, выключил задний ход, вышел на палубу, выкинул за борт якорь и стал затаскивать на катер всех, кто в моей помощи нуждался. О возможных последствиях в те минуты я не думал. Не до этого было. Купающиеся держались недалеко друг от друга, но в разных позах. Большинство лежало на спине и слабыми движениями рук поддерживало себя на плаву.

Первым пловцом, который оказался на палубе, был Комаров Николай Романович. Несмотря на солидный возраст, он еще сохранил силы, чтобы самостоятельно совершить этот сложный маневр. Затем по очереди я вытащил из воды Гарбузова Василия Федоровича – министра финансов СССР, Оруджева Сабита Аттаевича – министра газовой промышленности СССР, Елютина Вячеслава Петровича – министра высшего и среднего образования СССР, Яшина Алексея Ивановича, Судачкова Бориса Ивановича – первого заместителя Управляющего делами РСФСР, Полякова Михаила Ивановича – заместителя заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС и Белова Григория Алексеевича – главного коммуниста города и района. Еще несколько человек нашли в себе запас сил и сами поднялись на борт. И только тогда, когда на палубе оказался

последний «клиент», я понял, насколько сильно устал от этого мероприятия, которое продолжалось не менее тридцати минут. Крупные мужики, собственный вес которых составлял не менее ста килограммов, ослабленные длительным барахтаньем в воде и скованные страхом, словно дельфины, скользили в моих руках и с большим трудом втягивались на корму катера. Вытянув Белова, я забрался на крышу каюты и стал медленно осматривать поверхность пруда, боясь оставить без помощи еще кого-нибудь из пассажиров. Потом с трудом восстановил в памяти число пассажиров, взошедших на палубу, чтобы полюбоваться природой с воды, и облегченно вздохнул: «Вроде все на месте!». К этому времени некоторые рыбаки стали потихонечку приходить в себя. «Ну, сейчас полетят!» – без особой боязни подумал я. И угадал. Первым, кто начал меня «склонять» по всем падежам, был Яшин Алексей Иванович. Его словно провало. Красивое сочетание матерных слов с угрожающими фразами лились из него, как вода из прорванной плотины пруда. «Да ты понимаешь, что чуть не совершил государственную диверсию?! Девять членов ЦК КПСС могли утонуть из-за твоей халатности! Случись это, меньше расстрела тебе бы не дали!» – по-видимому, больше от радости, что остался жив, чем от злости на меня, кипятился Яшин. «Алексей, ты что набросился на парня? Тебя в воду он толкал? Вон Костоусов не пошел с нами купаться и сейчас спокойно отдыхает. Так что прекращай моего тезку расстрелом пугать. А то он больше нас к себе на рыбалку не пустит», – вступился за меня Гарбузов Василий Федорович. Все остальные лежали на палубе и набирались сил. Желания разносить меня ни у кого больше не было. Примерно через час Белов приказал: «Давай двигайся в сторону берега. Пусть гости еще немного порыбачат». Я завел двигатель и направил катер в сторону «министерского» места, где хозяев заждались помощники и водители. Совершив, перед тем как швартоваться, пару успокоительных километровых кругов, катер уткнулся носом в береговой песок. Группа «водоплавающих», поддерживаемая персональными водителями и заместителями, осторожно спустилась по трапу на землю. Никаких упреков, угроз и прочих нравоучений в свой адрес я больше не услышал. Министры и их заместители, не задержавшись долго на берегу, тихо сели в правительственные лимузины и минут через двадцать хвост пыли от удаляющегося кортежа скрылся за поворотом. Оставшись один, я поднялся на палубу любимого катера, убрал трап и, включив заднюю скорость, медленно стащил нос с песка. Добравшись до середины пруда, выкинул за борт якорь и вновь лег на импровизированную лежанку. А через минуту я погрузился в крепкий и спокойный сон.

Поздно вечером, когда я, наконец, проснулся, то почувствовал всю тяжесть нервного перенапряжения прошедших суток. Такого нелепого случая в моей практике еще не происходило. Я четко понимал, что люди, имеющие особый

государственный статус, находились на тоненьком волоске от возможной гибели. А что ждало в таком случае меня самого, даже и представить не мог. Позже от Судачкова Бориса Ивановича узнал и детали произошедшего. После того, как я уснул на палубе, наигравшиеся в карты, напившиеся пива и осоловевшие от жары, мои пассажиры решили искупаться. Корма водометного катера находилась низко от уровня воды, и им не составило труда опуститься, окунуться в воде и самостоятельно забраться на палубу. Поэтому они смело попрыгали в пруд. И, несмотря на возраст и солидность, по-мальчишески стали удивлять друг друга умением нырять и плавать. В это время произошло непредвиденное. Откуда-то вдруг налетел порыв ветра и увлек за собой незаякоренный катер. Обнаружили они это не сразу, а лишь тогда, когда он отделился от них метров на пятьдесят. «Пловцы» бросились вдогонку, но железная машина не останавливалась, а продолжала отдаляться. Проплыв за катером метров триста, истратив много сил и поняв, что его не догнать, они прекратили погоню и стали кричать. Этот крик пловцов и разбудил меня. «Да, зря понадеялся на «авось» и не бросил в воду якорь!» – подумал я. «Но и гости неправы. Прежде чем прыгать всем в пруд, могли бы меня разбудить или пару спасательных кругов с собой взять», – нашел частичное оправдание я себе. Но никаких последствий не наступило, и оправдательные речи не потребовались. Как-будто в выходные дни на Шалаховских просторах ничего интересного не произошло.

Министр обиделся

Через две недели на рыбалку вновь приехал Елютин Вячеслав Петрович – министр среднего и высшего образования СССР и председатель ВАК. В этот раз с ним с начала и до конца находился сам Разгульников. К министру у директора рыбокомбината был личный меркантильный интерес. Ему необходимо было пристроить в престижное высшее учебное заведение сына Володю, окончившего в том году среднюю школу. И все шло гладко до тех пор, пока Разгульнову не вздумалось покатать гостя по пруду. Я в это время занимался с бригадой рабочих производственными делами и радовался, что директор сам развлекал высоких гостей. Вскоре к комбикормовому складу подъехал Гуреев Иван, водитель Разгульнова, и передал мне указание прибыть на катере к «министерскому» месту. Затея мне не понравилась, но не выполнить указание начальника я не мог. И через пять минут уже гнал водометом волну в сторону отдыхающих. Приняв пассажиров на борт, развернул «посудину» и вышел в очередное путешествие. Я тогда еще не знал, что прогулка затянется на три с лишним часа. Дойдя до Демидовской мельницы, хотел повернуть назад, но Разгульников опередил меня указанием: «Дуй до верховины, а возвращаться будем вдоль левого берега!». До верховины оставалось километра два, и весь путь проходил в основном по бывшему руслу реки Цна. Вокруг стеной стояли заросли камыша, из которых то и дело взлетали селезни, чирки, цапли и скопы. Пассажиры стояли на палубе и с восхищением любовались живой природой. Подойдя к верховине, я пришвартовался и высадил «туристов». Они поднялись на дамбу выростных прудов и долго слушали вдохновенный рассказ Разгульнова о рыбокомбинате. Дождавшись завершения экскурсии, и когда все поднялись на палубу, я развернул катер и тронулся в обратный путь. Километра два от верховины мы прошли благополучно. Оказавшись на открытой воде, я приблизился к левому берегу и пошел вдоль него. Внезапно двигатель чихнул, потом еще раз и через минуту заглох. Я погонял ключом зажигания стартер, но признаков жизни мотор не подавал. «Вот еще этого не хватало!» – подумал я и вылез из рубки на палубу, чтобы определиться с причиной отказа двигателя. Открыл крышку машинного отделения, но визуальный осмотр ничего не дал. Рядом стоял Разгульников и полусшепотом спрашивал: «Что там у тебя случилось?». «Пока не знаю», – таким же тихим голосом ответил я. «Заводи быстрее, а то министр уже торопится!» – потребовал директор. Я вернулся в рубку, включил замок зажигания, посмотрел на приборную доску и с ужасом понял, что в топливном баке закончилась солярка. «Да, ситуация! Как же об этом сказать Евгению Ивановичу?» – озабоченно подумал я. Но тот уже сам заглянул в каюту и спросил: «Нашел причину?». «Нашел. Солярка в баке закончилась», – упавшим голосом сообщил я. Директор хотел было «не отходя от кассы» ввалить мне за разгильдяйство, но сдержался, повернулся к гостям и

сообщил: «Произошла небольшая поломка двигателя, придется ждать техническую помощь или добираться до места пешком по берегу». Новость явно не понравилась Елютину. «Ждать помощь нам некогда. Давайте подгребайтесь к берегу и пойдем пешком», – процедил через губу он.

Многотонную посудину совковой лопатой не разгонишь, а имеющийся на палубе шест до дна пруда не доставал, поэтому был пока бесполезен. Я схватил лопату, встал на правой стороне кормы и начал, сколько было сил, грести вперед. Разгульнов поднял с палубы трап и помогал, как мог. Катер сантиметр за сантиметром стал приближаться к берегу. Как только глубина позволила применить шест, его тут же пустили в дело. Скорость передвижения заметно увеличилась. Минут за сорок путь, разделяющий «туристов» с левым берегом, был почти преодолен. Но из-за густых зарослей камыша подойти вплотную к сухому месту не удалось. Уткнувшись в них носом, катер безнадежно встал. Не теряя времени, все, кроме меня, разделись догола и попрыгали в воду, затаившую ряской, водорослями и прочей болотной растительностью. За удаляющимися оставался только неширокий след чистой воды. Я спустился в каюту и стал дожидаться помощи, так как был уверен, что, несмотря на недовольство мной, Разгульнов обязательно предупредит рабочих о маленьком и курьезном ЧП. Часа через два со стороны складов послышалось тарыхтение кормораздатчика, идущего на выручку. А минут через сорок он был уже под бортом КС-100. Капитанил на нем Чулков Николай. Он без лишних вопросов понял, что произошло, взял ведро и стал переливать солярку из топливного бака кормораздатчика в бак катера. Залив ведер пять, Николай вручную прокачал топливный насос двигателя, и вскоре мощный мотор катера вновь весело зарычал.

Когда возвращался на базу, то думать о возможных претензиях Разгульного мне не хотелось. Да и не чувствовал я себя в случившемся особенно виноватым. Прогулка на катере произошла спонтанно, без наличия времени на ее подготовку. Так что случилось то, что должно было случиться в подобном случае.

В начале новой недели я прибыл на центральную усадьбу рыбокомбината для участия в расширенной планерке. Подсознательно думал, что меня ожидает «взбучка» за произошедшее в выходные дни, но ошибся. После моего доклада о состоянии дел на участке, Разгульнов с тревогой посмотрел на меня и спросил: «Как думаешь, в связи с жарой и загазованностью воздуха заморы рыбы не будет на твоём хозяйстве?». Я не ожидал такого вопроса, но к ответу был готов. «Локальные заморы могут быть, но весь водоем они не охватят. За состоянием кислорода в воде следим днем и ночью. Пока все в норме. В некоторых застойных местах падает до двух кубиков. Но это не страшно», – обстоятельно ответил я. «А что думаешь предпринять, чтобы не допустить

и локальных заморов рыбы?» – спросил Разгульнов. «В ночные, «пиковые», часы по этим участкам пуцу весь имеющийся маломерный флот и кормораздатчики. Думаю, выйдем из положения», – высказал я свое соображение. «Я тебя прошу, не прокараул и не погуби рыбу! А то, не дай бог, получится, как с Елютиным. Нужно рыбу спасать, а у вас не заправленная или сломанная техника окажется», – «уколот» директор меня. Но тут же спросил: «Переживаешь, наверное, по случаю сорвавшейся прогулки?». Потом вдруг рассмеялся и продолжил: «Вышли мы на берег и быстро пошли по браконьерской тропе. Жарко. Слепни, комары, пауты слетелись на нас потных и стали беспощадно жалить. Вскоре министру пить захотелось, а кроме прудовой воды вокруг ничего нет. Через три километра вышли на поляну в районе деревни Шалахово. В это время Наталья Шустова из колодца воду доставала. На наше появление она даже внимания не обратила. Вытащила из колодца ведро, отцепила его от «журавля» и пошла к дому. Елютин стал ей вдогонку кричать: «Эй, женщина, угости водичкой». А она будто не слышит, идет дальше. Вот тут-то и прохватило министра. Он стал громко кричать на нее: «Совсем народ охамел, члена правительства простой водой не хочет напоить! Он для народа всего себя на работе отдает, а вот обратился раз с просьбой и взамен глотка не получил». Мне за него неудобно стало. Даже его сын на него стал ругаться. Чувствую, помрет министр без воды. Я быстро догнал Наталью Николаевну и объяснил ей, что от нее требуется. Шустова повернулась в сторону остальных и с присущей ей прямоотой сказала: «А мне какой хрен разница – министр он или поп, лишь бы мужиком был и радость мне доставил!». В общем, напоила она всех холодной водой, принесла из дома булку хлеба и с десяток сырых куриных яиц. На улице, у ее дома, мы все это съели и пошли дальше. Когда расставались с Елютиным, он искренне просил, чтобы я извинился от его имени перед Натальей, а тебе предложил выговор вкатить. Как ты смотришь на это?». «Вы начальник, вам виднее, что заслужил», – ответил я. «Ладно, поезжай быстрее на свой участок, не до выговоров нам сейчас», – произнес Евгений Иванович и добавил: «На связь выходи не реже одного раза в сутки! Понял?». «Так точно!» – по-военному ответил я.

Побыв дома с семьей до пяти часов утра, в шесть часов я был уже в своих «территориальных» водах и выдавал команды личному составу Шалаховского рыбоводного участка.

*Охотничий трофей
олимпийского
чемпиона*

Лето 1972 года было не только на жару и пожары щедрым, но и на новые встречи и знакомства. В этот год в немецком городе Мюнхене проходили летние Олимпийские игры. И я, как бывший боксер и истинный болельщик за советских спортсменов, старался не пропустить ни одного дня показа соревнований. Так как на Шалаховском участке телевизора не было, сажился на мотоцикл «Урал» и мчался в деревню Рахманово к местному леснику и старшему товарищу – Тарасову Ивану Ивановичу. Мы устраивались с ним в горнице напротив небольшого черно-белого экрана телевизора и с жадностью всматривались в происходящее. Порой наши восклицания и комментарии были такими сильными, что хозяйка дома, Татьяна Ивановна, открывала в горницу дверь и испуганно спрашивала: «Что случилось? Плохо с кем-то из наших стало?». И не дождавшись ответа, закрывала дверь и уходила заниматься своими делами. В один из таких дней мы смотрели четвертьфинальные бои боксеров. Для меня этот вид спорта был близким и понятным, и следил я за происходящим на ринге как профессионал. После завершения зрелищных встреч нескольких пар очередь дошла до весовой категории второго среднего веса – до 75 килограммов. Посмотрев на экран, Иван Иванович протянул в его сторону руку и громко выкрикнул: «Так это же мой крестник, Лемешев Славка! Вот дает! Как же он на Олимпиаду попал? Он же еще пацан!». Я повнимательней посмотрел на стоящего в углу ринга стройного русого парня с пижонскими усиками и спросил: «А ты откуда его знаешь?». «Я же сказал тебе, что Славка – мой крестник. Я не только его, но и родителей лет сорок знаю. Мать его – местная уроженка, а отец – из деревни Колычево. Это они после войны в Москву перебрались. Иван то, отец Славки, майором войну закончил», – ответил лесник, и мы с повышенным интересом стали наблюдать за его крестником. Но насладиться боем Слава нам не дал, да и не только нам, а всем болельщикам СССР. Уже в начале первого раунда длинным правым боковым ударом он послал соперника в нокаут.

И все остальные встречи на этой Олимпиаде Лемешев Слава заканчивал досрочно. Ну а финал вообще произвел на всех болельщиков огромный фурор. Финн, с которым встречался Слава, уже стоя на постаменте второго призера, поднимал его руку, тряс головой и как-то неестественно улыбался. По-видимому, он никак не мог понять, почему уже в первом раунде оказался на полу и не смог дальше продолжать бой. На той Олимпиаде Славе не было равных соперников. И если бы не международные политические интриги, кубок Баркера был бы вручен ему, а не кубинцу Стивенсу. Хотя и тот был очень мощным и талантливым боксером. Но больше всех, наверное, был рад победе крестника Иван Иванович. Это, конечно, мое субъективное мнение, так как рядом со мной в тот момент был только он. Лесник, дождавшись объявления Вячеслава победителем, потребовал от жены бутылку самогона, и в связи с тем, что в те времена я не употреблял алкоголя, один опорочил ее до дна.

Пока Иван Иванович был еще в форме, я спросил его: «А как ты стал крестным отцом Лемешева Славы?». Лесник улыбнулся, хитро посмотрел на меня и ответил: «Когда он с родителями и со старшими братьями приезжал в деревню Парыкино к его тетке Татьяне, я часто бывал у них в гостях. В те времена я очень сильно курил. Однажды, в шутку, предложил пятилетнему Славке зажаться «козьей ножкой». Он не отказался, и не успел я среагировать, как он вдохнул табачный дым в легкие. Что было дальше, ты даже не представишь себе! Сначала Славка испуганными глазами смотрел на окружающих, и с минуты ничего не мог сказать, затем его стало рвать, а Мария, его мать, набросилась на меня с кулаками и готова была разорвать на куски. Слава богу, тогда все закончилось благополучно. Вот с того времени я стал называть Славку крестником, а он и не возражает». Немного помолчав, лесник вновь хитро посмотрел на меня и спросил: «Сережке твоему сколько лет?». «В сентябре пять будет. А что?». «Может мне и его крестным стать? Смотришь, и из него олимпийский чемпион получится», – засмеялся лесник.

Так случилось, что уже в конце августа 1972 года я познакомился не только с Лемешевым Вячеславом, но и с его старшим, вернее, средним братом – Юрой, их женами – Оксаной и Еленой, и родителями. Вскоре наше знакомство переросло в дружбу на многие годы, в течение которых происходили разные приятные события и курьезные случаи.

В апреле 1973 года братья Лемешевы приехали ко мне на участок на утиную охоту. Я взял у Ивана Ивановича три подсадные утки и часов в пять вечера повез на дюралевой лодке «Казанка» с подвесным мотором своих друзей в сторону островов, где из камыша были сооружены шалаши – укрытия. Определив братьев на охотничьи точки и посадив на воду напротив их шалашей по одной подсадной утке, я провел с каждым из них небольшой инструктаж и отправился на свой остров.

Лет селезней начался около двенадцати часов ночи. И хотя моя подсадная утка не очень активно криком подзывала к себе самцов, за ночь мне все-таки удалось добыть трех водоплавающих. Я напряженно вслушивался в ночную тишину, но со стороны друзей особой оружейной канонады не слышал. Зато очень громко и призывно стонали их утки. «Они, что там, уснули? Селезни бедных уток до смерти загоняют», – невольно подумал я.

Как только рассвело и активный лет диких уток прекратился, я достал из камышей подбитых селезней, положил их в лодку, завел мотор и направился в сторону островов, где находились братья Лемешевы. Первым на пути оказался тот, на котором должен был находиться Юра. Я подошел к острову вплотную и стал звать охотника. Но, несмотря на шум двигателя и мои крики, из шалаша никто не показывался. Не было видно на прежнем месте и подсадной утки. Озабоченный увиденным зрелищем, я сошел на берег и направился к шалашу.

Картина, которую увидел, повергла меня в смятение и смех. Огромный, почти двухметровый гигант, раскинув руки, издавая мощный храп, крепко спал на соломенной подстилке, а рядом с ним валялись пустая бутылка из под водки и остатки закуски. Я попробовал его разбудить и толкнул осторожно ногой в бок. Но, поняв, что это бесполезное занятие, поднял пустую бутылку с земли, и наполнив ее в пруду водой, стал медленно выливать прохладную влагу на лицо охотника. Юра вздрогнул, пошевелил губами и стал медленно открывать глаза. «Ты что, обалдел!?» – произнес гигант и перевернулся со спины на правый бок. Поняв, что он уже не спит, но и не проснулся до конца, я спросил: «Охотник, а где подсадная утка и твои трофеи?». «Какая подсадная утка?» – тихо спросил Юрка, но вдруг встрепенулся и почти в ту же секунду вскочил на ноги. «Федорович, я наверное ее убил!», – унылым голосом сообщил он. «Как убил? Почему убил? Ты что, совсем слепой? Утку от селезня отличить не смог?» – не на шутку рассердился я и вышел из шалаша. Юрка, опустив голову, шел за мной. «Ты понимаешь, я с вечера сильно продрог от холода и, чтобы не заболеть, выпил бутылку водки. Не знаю почему, но меня так развезло, что в темноте я даже не мог сообразить, где утка, а где селезень. Вот и выстрелил наугад. И практически тут же заснул», – оправдывался двухметровый боксер и по совместительству горе-охотник. А когда убитую подсадную утку я нашел в камышах в противоположной стороне от шалаша, Юра голосом провинившегося школяра, попросил: «Федорович, ты не рассказывай никому, что здесь произошло. А то ведь засмеют меня». «Ладно, успокойся. Придется сохранить эту тайну. Но до поры – до времени. Если еще раз ты такую оплошность допустишь, то я обязательно расскажу всем и об этой», – улыбаясь, пообещал я, и мы, забравшись в лодку, поехали к его младшему брату.

Не доезжая до острова, на котором он находился, я сбросил скорость и стал внимательно всматриваться вперед. На острове Вячеслава не заметил. «Может, и он в такой же позе дрыхнет, как его брат?» – подумал я, но в это время слева от лодки, в камышах, что-то зашевелилось. Я вскинул двустволку, снял с предохранителя и на всякий случай крикнул: «Слава, это ты, или подранок?». «Эй! Осторожней! Не стреляйте. Я тут подбитого селезня ищу», – послышался из камыша встревоженный голос младшего из братьев. Вскоре он и сам вышел из прибрежных зарослей, держа в руках крупного селезня и счастливо улыбаясь. «Только одного взял?» – спросил брата Юра. «Одного, и того только ближе к утру», – поглядывая на нас виноватыми глазами, ответил Слава. «Проспал, наверное?» – догадался я. «Было дело», – честно ответил олимпийский чемпион, и мы все весело рассмеялись. По этому случаю я даже сочинил маленькое четверостишие: «Ты же, Славик, не подранок, а охотник удалой! Чаще левой, крепче правой! И противник – в «отходной!»», которое понравилось Лемешеву-младшему и благодаря которому, как он позже признался, в 1973 году, со сломанной левой рукой, выиграл чемпионат Европы по боксу.

Лось-дипломат

В июне 1974 года меня назначили директором рыбхоза «Малая Истра», и я вынужден был покинуть рыбокомбинат «Егорьевский». Затея московского обкома КПСС по переводу меня из Егорьевского района в Истринский мне не очень была по душе, но встать в позу и отказаться от предложения я не решился. Мне было тогда всего двадцать семь лет, и ломать карьеру на ее взлете было бы глупо. Поэтому, как бы тяжело на душе не было, я быстро вошел в рабочий ритм и стал плодотворно работать на новом месте в новой должности. Узнав о моем переводе, «льготные» рыбаки, друзья и товарищи, быстро проторили дорожку и в Истринский район. Так что и здесь за два с половиной года, которые возглавлял рыбхоз, произошло немало веселых и курьезных случаев. И об одном из них этот рассказ.

Однажды позвонил начальник истринского отдела КГБ: «Василий Федорович, ко мне обратилось начальство из Москвы и попросило, чтобы я организовал для какого-то иностранца рыбалку. Ты сможешь принять его у себя на хозяйстве?». Если откровенно, то не очень хотелось связываться с непонятной для меня «публикой», но отказать хорошему человеку я не мог. «Пусть приезжает», – коротко ответил я, и разговор на этом закончился. А уже дня через два рано утром у конторы рыбхоза остановилась белая «Волга» ГАЗ-24. Из салона вылезли четыре человека, включая начальника истринского отдела КГБ. «Ну, вот мы и приехали. Василий Федорович, будь другом, организуй товарищам хорошую рыбалку», – здороваясь со мной, попросил он. Я поочередно познакомился с двумя крепкими мужчинами и хотел было это сделать в отношении третьего, но, посмотрев на него, замер в нерешительности. Передо мной стоял молодой, высокий, стройный негр, с глубокими зажившими ранами на щеках и весело сверкал карими зрачками. В те годы люди с таким окрасом кожи в нашей стране были редким явлением и особенно на периферии. «А это – посол Верхней Вольты, который выразил желание побывать на природе и половить рыбу», – представил важного африканца один из прибывших с ним. «Ну что, если ко мне вопросов нет, то я поеду на работу, а ты, Василий Федорович, постарайся, чтобы нашему гостю понравилась подмосковная природа», – произнес начальник истринского отдела КГБ, и минут через пять белая «Волга» повезла его в город.

Чтобы качественно выполнить просьбу товарища, заняться гостями решил сам. Посадил их в дюралевую лодку, завел мотор и повез в сторону верховья пруда – там была красивая и пышная природа и хорошо клевал крупный и жирный карп. Через минут сорок мы были на месте и занимались обустройством стоянки. Понимая, что посла сопровождают не специалисты-африковеды, с особыми расспросами не приставал и любопытства не проявлял. Уже через некоторое время определилась роль каждого из сопровождающих. По

крайней мере я твердо понял, что один из них, которого звали Алексей, был переводчиком. В общем, у каждого из них была определенная задача, решить которую они решили на территории рыбхоза в непринужденной обстановке и при хорошем настроении. Чтобы настроение поднять, перед началом рыбалки и во время этого процесса бравый переводчик произносил тосты и предлагал всем выпить по сто граммов. И если посол и его главный сопровождающий часто пропускали очередность опрокидывания в себя горячей жидкости, то переводчик такое безобразие себе не позволял. Поэтому не прошло и двух часов нахождения на природе, как полиглот окончательно «сварился» и крепко заснул. А в это время посол с сопровождающим, которого звали Борис Борисович, увлеченно занимались рыбалкой и регулярно вытаскивали на берег крупных рыбин. Отсутствие рядом переводчика их не очень тревожило.

Но произошло непредвиденное обстоятельство, которое не ожидал даже я, в корне изменившее идиллию спокойного отдыха. Я в это время бродил недалеко от гостей по прибрежному лесу и собирал грибы. Услышав громкие восклицания на незнакомом мне языке, бегом помчался в сторону верховины. Еще издали я заметил стоящего в полный рост на дамбе посла, энергично жестикулирующего руками и протягивающего их вперед. Поравнявшись с ним, я посмотрел в сторону пруда и заметил плывущего поперек его огромного лося с ветвистыми, могучими ветвями рогов. Борис Борисович стоял рядом с негром, тоже видел лося, но явно не понимал, почему такие эмоции овладели его подопечным. Чтобы узнать о них, он попытался разбудить переводчика, но сделать это ему не удалось. А в это время эмоции у посла не только не утихали, а наоборот, в прогрессии возрастали. Пнув в очередной попытке разбудить Алексея в бок, Борис Борисович безнадежно махнул рукой и спросил: «А ближе к лосю мы можем подплыть?». «Конечно, можем. Садитесь в лодку и вперед», – живо ответил я и первым перешагнул борт «Казанки». А еще через минуту в лодке сидели и гости.

Когда я нагнал лося, он находился уже на середине пруда, проплыв с правого берега в сторону левого не менее ста пятидесяти метров. Заметив нас, он не стал делать резких движений и продолжил путь вперед. Чтобы дать возможность вдоволь насладиться необыкновенным зрелищем африканскому послу, я повернул на девяносто градусов лодку и стал двигаться параллельно, в метрах пяти от лесного красавца. Посол стоял на ногах и смотрел на лося зачарованными глазами. В это время, чтобы произвести больший эффект на гостя, Борис Борисович схватил льняную веревку, которая лежала на дне лодки и одним концом была привязана к кнехту, как ковбой, раскрутил ее над собой и кинул в сторону головы представителя дикой природы. Не думаю, что он надеялся совершить чудо, но оно у него получилось. Льняная веревка пучком

свалилась на рога лося, запуталась в них и крепко затянулась узлом на одном из отростков. Борис Борисович попробовал было вернуть веревку обратно, но сделать это ему не удалось. Пока этот процесс осуществлялся, сохатый проплыл еще метров сто и его ноги почувствовали донный грунт. В это же время под днищем лодки оказалось затопленное дерево, винт лодочного мотора с силой ударился об ствол, металлическую шпонку срезало и мы лишились самостоятельной плавучести. Лось резко увеличил скорость, веревка натянулась, и дальнейшее наше передвижение полностью зависело от одной «лосиной силы». Попав в очень непростую и комичную ситуацию, Борис Борисович попробовал развязать веревку у кнехта, но у него ничего не получилось, а режущих предметов, как назло, ни у кого из экипажа не оказалось. Времени на раздумья и принятие правильного решения у нас не было. Единственное, что я предложил экипажу лодки, так это выпрыгнуть на ходу прямо в воду. Но воспользоваться моим предложением почему-то никто не захотел. Скорость бега красавца лося только увеличилась. Протащив нас по мелководью метров пятьдесят, он выскочил на заросший камышом берег и продолжил путь в сторону леса. Посол в это время уже сидел на дне лодки и двумя руками держался за борта, а Борис Борисович лежал вниз животом на носу и что есть мочи тянул веревку на себя. Наверное, в другое время я бы посмеялся над ними, но только не сейчас, так как и сам не мог сообразить, что делать, чтобы отцепиться от испуганного и разъяренного зверя. Лодка с шумом проползла по сырому берегу и, не задерживаясь, стала дальше следовать за лосиной силой. Прошел еще какой-то временной отрезок в нашей гонке, когда наконец мы пришли к финишу. Я даже не сразу понял, как это произошло. От внезапного удара носа лодки о полусгнивший, но еще достаточно крепкий высокий сосновый пенек я и мои попутчики вылетели из нее и распластались на земле. Подняв голову и заметив лежащего рядом Бориса Борисовича, я с тревогой в голосе спросил: «Живы? Ничего не сломали?». «Я-то жив, а вот как себя чувствует посол, не знаю», – ответил тот, вскочил на ноги и поспешил к подопечному негру, лежащему в десяти метрах от нас по другую сторону пня. Но, к счастью, и с тем было все в порядке. Поднявшись с земли, он сел на пенек и недоумевающими глазами уставился на приближающегося сопровождающего. Наверняка Борис Борисович в то мгновение в очередной раз плохими словами вспомнил мирно отдыхающего на дамбе переводчика.

Осознавая, что необходимо срочно исправлять сложившуюся ситуацию, я подошел к валяющейся на боку лодке и стал ее осматривать. Не обнаружив в ее днище пробоин и глубоких вмятин, достал в бардачке ключи и запасную шпонку и стал откручивать винт. Закончив несложный ремонт, перевернул лодку на днище, положил в нее бачок с бензином, который при ударе оторвал-

ся от двигателя и улетел метров за пятнадцать, подсоединил к карбюратору шланг, и после этого попросил попутчиков помочь оттащить судно до пруда. Во время проведения ремонтных работ и спуска лодки на воду никто из нас не проронил ни слова. И только тогда, когда мы вновь очутились на дамбе, где мирно похрапывал переводчик и мои попутчики продолжили лов жирных карпов, хорошее настроение и веселая мимика на лице посла африканского государства снова вернулись. А после того, как Борис Борисович, наконец, разбудил Алексея и тот энергично приступил к своим обязанностям, наладилась и благоприятная обстановка для душевной беседы. Благодаря Алексею, мы узнали причину столь эмоционального поведения посла, увидевшего в пруду лось, и его впечатление о гонке с препятствиями. Оказывается, для негра было неожиданным открытием, что в России водятся такие огромные рогатые животные, которые к тому же еще и хорошо плавают. А от гонки в лодке, которую тащил по воде, а затем по земле рогатый зверь, посол и вовсе был в восторге. Не знаю, выполнили в тот раз спутники африканца поставленную перед ними задачу или нет, но твердо уверен в том, что неординарный случай, произошедший в ближайшем Подмосковье, посол запомнил на всю жизнь. Не забыл, наверняка, купание в пруду и лось, у которого после неожиданной встречи с людьми на рогах остался кусок льняной веревки.

*Чемпионы мира
по боксу и в воде
не тонут*

История произошла в 1977 году, когда я уже заметно повзрослел и работал директором Егорьевского рыбокомбината. По установившейся традиции, на открытие осенней утиной охоты ко мне почти ежегодно приезжали братья Лемешевы. Иногда они прихватывали своих друзей-спортсменов. За шесть лет нашей дружбы я познакомился со многими членами сборной СССР по боксу и некоторыми представителями других видов спорта.

Вот и в тот сентябрьский день в моем кабинете появился Лемешев Слава в сопровождении победителя первого чемпионата мира по боксу – Соломина Васи, который был не только выдающимся спортсменом, но и по-настоящему простым в общении парнем и надежным другом. Малой родиной Соломина являлся город Пермь, о котором он всегда хорошо отзывался и скучал по нему.

Слава в тот период алкоголь не употреблял, так как незадолго до приезда тяжело переболел. По этому поводу он, конечно, сильно огорчился, но терпел. Зато мы с Соломиным открытие утиной охоты отметили крепко. Свой «стан» мы разбили в самом красивом местечке, на берегу нагульного пруда, и сразу стали готовиться к утренней зорьке. Развели костер, выставили из машины на деревянный стол все съестное и спиртное и стали готовить шашлык из баранины. Пока нагорали угли и готовилось мясо, мы с Соломиным мало-помалу почти опустошили бутылку водки. А когда на столе появился еще и долгожданный шашлык, доза употребленного спиртного увеличилась. Лемешев сидел с нами рядом и, уплетая за обе щеки деликатесные продукты, вздыхал и высказывал в наш адрес ехидные замечания. Часов в одиннадцать вечера мы закончили ужин и забрались в салон машины, чтобы до начала охоты немного подремать. «Славик, если первым проснешься, то толкни меня в бок», – попросил я товарища, и вскоре все уснули. Я с Лемешевым на передних сиденьях, а Соломин устроился поперек всей машины на заднем. Первым проснулся я, посмотрел на светящийся циферблат часов и недовольно пробурчал: «Почти пять часов утра! Скоро светать начнет, а мы еще «дрыхнем!» – и стал будить охотников. Слава проснулся почти сразу. А вот с Соломиным получилась осечка. Растормошить нам его не удалось. «Ладно, оставь ты его в покое. Пусть проспится, а заодно и отдохнет», – попросил Славик. И мы, схватив ружья и патроны, побежали в сторону камыша, чтобы успеть укрыться и приготовиться к стрельбе по уткам. Минут через десять на востоке начало светлеть и почти сразу послышалась оружейная канонада. Глухое буханье и хлесткие удары раздавались со всех сторон пруда. Мне и Лемешеву на сей раз сопутствовала удача. Сбив по несколько штук кряковых уток, часов в девять утра мы закончили охоту.

Когда довольные результатами утренней зорьки мы вернулись на поляну, где был разбит наш лагерь, то первое, что заметили – отсутствие на месте стоянки ма-

шины. «Что за мистика?! Неужели Соломин без ключа завел машину и уехал? Тогда бы мы услышали шум двигателя», – удивленно подумал я и стал рассматривать след «Волги». Когда повнимательней изучил его, то с ужасом понял, что машина укатилась вперед прямо в пруд. Я сделал несколько шагов по следу и увидел в камыше полузатопленную «Волгу». «А где же Соломин?» – спросил стоящий рядом Слава. Я молча разделся по пояс и полез в воду. Соломина обнаружил спящим у заднего окна на спинке сиденья. Вода в салоне достигла почти до передней панели приборов и постепенно прибавлялась. Я с трудом разбудил тещку. Тот открыл глаза, и, ничего не соображая, слез со спинки сиденья прямо в воду, затем выбрался из машины. Прохладная вода, видимо, немного отрезвила его и он, выйдя на берег, уже с более осмысленным видом спросил: «А как я туда попал?». «Не знаю. Самому интересно понять, как это произошло», – ответил расстроенный из-за машины я. Позже, это явление объяснилось очень просто. После нашего ухода на утиную охоту Соломин проснулся от оружейной канонады. Не очень соображая, где он, вышел из машины, справил малую нужду и, заметив на столе водку и закуску, налил полный стакан и выпил. Через некоторое время эту процедуру повторил. Почувствовав, что пора продолжить отдых, снова полез в салон машины. Состояние его к этому времени было такое, что он стал хвататься за все удобные предметы, чтобы определиться с местом для сна. В результате – случайно снял ручник с тормоза и выключил рычаг переключения скоростей. Машина сначала медленно, а затем с ускорением покатила по береговому уклону в пруд. Продвинувшись по инерции в воде метров пятнадцать, она зарылась колесами в ил и остановилась. Потом, когда вода подошла к заднему сидению, и Соломин ее ощутил, он в полусонном состоянии перелез на спинку заднего сидения и продолжил отдых. Комичность ситуации была бесспорной. Славка до слез смеялся над моим тещкой, а тот спокойно снял с себя всю сырую одежду, отжал воду, разложил на куст рядом с костром и голым уселся за стол, приступив к завтраку. Немного успокоившись от смеха, Лемешев составил ему компанию. Я в это время дошел до сторожей и попросил их, чтобы на помощь они пригнали гусеничный трактор.

Когда я вернулся, Слава уже не смеялся, а только изредка произносил короткие веселые реплики. Соломин продолжал сидеть за деревянным столом и «народным» средством поправлять пошатнувшееся здоровье. Часа через два пришел гусеничный трактор и вытащил машину из пруда. Потом из нее еще больше часа вытекала вода. «Хорошо, что мотор не заведен был», – подумал я и, открыв все двери, стал выгребать из салона накопившийся ил.

Вечернюю и зорьку следующего утра мы провели удачно. После обильного обеда в воскресенье вечером мои друзья покинули территорию рыбокомбината. С понедельника у каждого из нас начиналась работа в соответствии с кругом обязанностей и спортивных пристрастий.

*Кулачный бой
космонавтов*

событиями гостями-рыбаками в рыбокомбинате были космонавты. Чудесные уголки природы Подмоскovie они стали осваивать в конце шестидесятих годов, когда само слово «космонавт» являлось еще незатасканным и имело ценность. От него веяло героизмом, мечтой и неудержимым стремлением в светлое будущее. Первым на пруды нашего хозяйства проторил дорогу Герман Степанович Титов. Следом за ним стали приезжать Попович со своей прекрасной и мужественной женой Мариной, Андриан Николаев и многие другие. Это были люди удивительной скромности, общительные и доступные в обращении. После удачной охоты или рыбалки они могли выпить, спеть, пошутить и ответить на любые вопросы всех, кто их окружал в тот момент – специалистов рыбокомбината, прудовых рабочих и механизаторов. Естественно, что знакомство и общение с такими людьми было не только приятным событием, но и ответственным делом. Директор хозяйства, специалисты и рабочие с удовольствием создавали благоприятные условия для отдыха и делали все, чтобы их приезд не был омрачен даже мелкими неприятностями.

Однажды ЧП с гостями из отряда космонавтов в нашем хозяйстве все-таки произошло. Как-то в конце июля 1977 года пятеро офицеров из Звездного городка приехали на центральную усадьбу рыбокомбината. Из пятерых один уже побывал в космосе, а остальные ждали своего часа. У меня и моего заместителя, Утенина Виктора Андреевича, в этот день не было возможности их сопровождать, поэтому поручено было это сделать главному рыбоводу, Лалетину Михаилу Георгиевичу. Лалетин был человеком порядочным и исполнительным. Но когда выпивал граммов триста водки, не всегда управлял эмоциями. Определив гостей на рыбалку в красивом месте на пятом нагульном пруду, он стал активно участвовать в их отдыхе. Выпивка и закуска у «космических братьев» были всегда в достаточном объеме и ассортименте. Поэтому часа через три все были в приподнятом настроении. Не отставал от них и главный рыбовод. И все бы было хорошо, если бы он не увидел на противоположном берегу залива сидящих с удочками местных пацанов. Лалетин тихонько подобрался к ним, отобрал орудия лова, поломал удилица и, пнув самого старшего под задницу, отпустил на свободу. Потеря орудий лова и «ласковый» пинок под зад ребятишкам не очень-то пришлись по вкусу. Они пришли в свою деревню Титовскую и выложили обо всем этом взрослым. В этот день в деревне отмечался престольный праздник, и мужики были уже хорошо «подогреты». Они быстро вооружились колами и побежали на берег пруда разбираться с обидчиками. Сходу не уточняя, кому принадлежит автомобиль «Жигули» шестой модели, они стали бить кольями по капоту, крыше и окнам. От ударов разлетелись двухкассетный магнитофон и все стеклянное, что находилось на поляне.

Лалетин и «космические братья» голыми руками защищали машину и себя, как только могли. Но силы были явно неравными, поэтому урон понесла обороняющаяся сторона. Бой закончился также внезапно, как и начался. Местные мужики, побросав колья на берег, довольные собой, быстро скрылись в хвойном лесу, оставив поверженных, но гордых офицеров подсчитывать материальные убытки и обрабатывать раны. Справедливости ради необходимо сказать, что и нападающим хорошо досталось, но это не умаляло их победы.

Начало развязки этого конфликта произошло на следующий день. Рано утром ко мне в кабинет почти ворвался начальник межрайонного КГБ, Евгений Тимофеевич, и прямо с порога задал вопрос: «Что вчера произошло на территории рыбокомбината? Кто избил космонавтов? Почему не обеспечили им охрану?». Еще не имеющий информации о произошедшем ЧП, я не сразу понял, о чем идет речь. Не отвечая начальнику межрайонного КГБ, я вызвал секретаря и попросил срочно найти Лалетина и направить ко мне. «Сейчас узнаем, в чем дело», – произнес я, затылком чувствуя неприятный холодок. Минут через пять в кабинете появился запыхавшийся грузный Лалетин. «Михаил Георгиевич, ты что же не доложил мне о вчерашнем ЧП? Давай быстро выкладывай все как было, не томи!» – приказал я. Главный рыбовод в деталях рассказал все, что помнил и, вздохнув, произнес: «Пожалел я ребятишек, нужно было их в Центр приводить и протоколы составлять, а получилось, что жалость боком вышла». Евгений Тимофеевич, выслушав до конца объяснение Лалетина, подошел к столу, взял телефонную трубку, набрал номер начальника районной милиции и попросил: «Константин Максимович, пришли, пожалуйста, в рыбокомбинат сильного оперативника. Дело срочное есть». Через час оперативный сотрудник был в хозяйстве и брал показания у главного рыбовода, на основании которого было заведено уголовное дело. Итоги его оказались очень серьезными. Два взрослых парня, принимавшие самое активное участие в нападении на «космических братьев», за разбой были осуждены на три года каждый. Отзвуки этой необычной баталии в округе долго не утихали, обрастая, как снежный ком, легендами и мифами.

Ошибся адресом

Э тот случай более веселый, чем предыдущий. В один из июльских дней заместитель рыбного хозяйства, Пересыпкин Иван Павлович, привез ко мне на рыбалку начальника хозяйственного управления Совета Министров РСФСР Горева* и его жену. Горев выглядел импозантно: высокий, стройный, брюнетистый и еще довольно молодой мужчина. Под стать ему выглядела и жена. Он быстро освоился в обстановке и приступил к рыбацкой потехе прямо с дамбы. Не прошло и десяти минут, как произошла первая поклевка. Горюнов лихо подсек крупного карпа и стал подтаскивать к дамбе. Но, как только «рыбина» оказалась на бетонной плите, леска оборвалась и карп исчез в пруду. С горя рыбак налил полный стакан водки и до дна выпил. Продолжение рыбалки у него вновь оказалось неудачным. Еще трижды двухкилограммовые красавцы попадались на крючок и трижды срывались на глазах рыбака. Каждую неудачу Горев заглушал водкой.

Поймав в конце концов несколько некрупных рыбин, он вернулся к барачку, где его поджидала вкусная уха, отварная рыба и «Посольская» водка. Раздражение рыбака-любителя чувствовалось во всем. Только после того, как к уже выпитому было добавлено еще несколько рюмок, он успокоился и вместе с женой стал распевать украинские народные песни. Вскоре его благодушие пропало и раздражение вновь обострилось. Глядя на меня, он спросил: «Слушай, директор, в твоём роду евреи были? Мне что-то твой нос не нравится!». Этот вопрос меня очень «зацепил» и, недолго думая, я ответил: «Знаете, к сожалению, я рос сиротой и родословную знаю плохо. Если вас это так интересует, то спросите об этом у моего дяди – Долгих Владимира Ивановича, секретаря ЦК КПСС, и он вам все объяснит более подробно». После моих слов наступила тишина. Лицо у Горева вмиг протрезвело. Он молча встал с деревянной лавки, отошел от стола, попробовал сесть на пенек, но не попал задом на него и свалился рядом. Важный гость поднялся, дошел до машины, на которой приехал, залез в нее и сразу после того, как уселись в «Волгу» его жена и Пересыпкин, машина заудела и рванула с места.

В понедельник, когда я появился в своем кабинете, из Минрыбхоза РСФСР позвонила секретарь Пересыпкина и передала, что он меня ждет во вторник к 11 часам. На следующий день в семь часов утра я выехал из дома, и уже в 10.00 был в приемной Ивана Павловича. Узнав, что я прибыл, Пересыпкин попросил зайти к нему в кабинет. Поздоровавшись, он сразу спросил меня: «Василий Федорович, а Владимир Иванович Долгих, секретарь ЦК КПСС действительно ваш дядя?». «Да нет. Что вы, Иван Павлович, я просто пошутил так», – ответил настороженно я. «Да, Василий Федорович, шутка вам удалась. Товарищ Горев почти до самой Москвы после этой шутки молчал. Когда немного отошел, то много скверных слов в мой адрес высказал за то, что плохо знаю свои кадры

* Фамилия изменена

и за то, что повез его именно в ваше хозяйство. Некрасиво получилось». «Извините, Иван Павлович, меня, но я просто не выдержал придирок и оскорблений», – произнес я. «Ладно, ничего страшного не произошло. Так что, поезжайте к себе и спокойно работайте», – успокоил меня заместитель министра, и мы расстались.

Горев, по слухам, закончил свою успешную трудовую деятельность не совсем удачно. Однажды, во время очередного банкета в Совмине, он вновь радовал слушателей вокалом. Видно так хорошо пел, что даже охранникам захотелось послушать, и они включили громкоговорители, установленные на улице. Так что вся набережная Москвы-реки подпевала ему. А на следующее утро на работу приехал Председатель Правительства и предложил начальнику хозяйственного управления перейти на работу в Большой театр завхозом.

*Партийный выговор
за рыбалку*

Случай этот был последним в моей трудовой биографии, связанной напрямую с Егорьевским рыбокомбинатом. В середине июля 1979 года незадолго до перехода на работу в Москву мне позвонил заместитель Министра рыбного хозяйства РСФСР, Шапкин Евгений Иосифович, и предупредил: «В субботу к тебе на рыбалку приедет председатель Госплана СССР, Байбаков Николай Константинович. Я прошу тебя, Василий Федорович, к его приезду отнестись очень внимательно». Вскоре из Госплана позвонил Управляющий делами и согласовал время и место встречи. В субботу, в семь часов утра, Байбаков и его сопровождение разбирали рыбацкие снасти на Шалаховском рыбоводном участке. Я находился с ними рядом и ждал, когда все будут готовы. Непонятно, по какой причине, но Байбаков не захотел ехать на давно обжитое министрами место на противоположном углу дамбы, а решил рыбачить прямо с откоса плотины. Побросав в воду пруда «фирменную» прикормку-приманку и нацепив на крючки удочек червей, гости чинно расселись вдоль уреза воды и направили взоры на поплавки. Клев рыбы начался почти сразу, что, естественно, рыбакам очень понравилось, и все увлеклись процессом. Чуть позже к ним подъехал на «ЗИЛе» водитель Байбакова и, бросив машину прямо на дамбе, достал из багажника удочку и присоединился к увлекательной процедуре.

В это время по дамбе мимо машины председателя Госплана СССР прошли несколько пожилых людей, которые направлялись в лес за черникой. Они отошли от правительственного автомобиля несколько метров и стали бурно возмущаться: «Нам, простым людям, запрещают даже по дамбе ходить на другую сторону реки, а эти «слуги народа» могут позволить себе рыбу в пруду у всех на глазах ловить! Совсем обнаглели! Давайте, мужики, номер машины запишем и в газету «Правда» напишем!». Один из них нашел в кармане огрызок карандаша и на спичечном коробке записал госномер «ЗИЛа». К сожалению, этот эпизод я не видел, так как в это время находился на комбикормовом складе и разговаривал с рабочими. Водитель машины не обратил на их ворчание внимания, по-видимому считая себя человеком не их категории.

В тот день председатель Госплана СССР и его сопровождающие лица порыбачили до шести часов вечера и, довольные собой, уехали в Москву.

Расплата за беспечность водителя последовала спустя месяц, когда я уже работал в Москве заместителем генерального директора областного объединения «Мосрыбпром», но не для водителя, а для меня. В печатном органе ЦК КПСС, газете «Правда», была опубликована статья, в которой рассказывалось о том, как некоторые руководители рыбоводных хозяйств Подмосковья устраивают индивидуальные рыбалки для частных лиц. Из фамилий всех руково-

дителей рыбоводных хозяйств обозначены были только две: Анисимова Николая Дмитриевича, директора рыбокомбината «Бисеровский», и моя. Статья писалась от имени и по поручению участников Великой Отечественной Войны, кавалеров многих орденов и медалей. Особенно подробно был описан случай на Шалаховском участке с указанием госномеров правительственной машины. Фамилия Байбаков в статье не прозвучала. Но и номеров машины оказалось достаточно, чтобы все вокруг задергались и забеспокоились за свою шкуру. Дня через два после публикации статьи, мне позвонили из Егорьевского рыбокомбината и сообщили, что меня вызывают на бюро Егорьевского горкома КПСС, где я состоял на партийном учете.

На следующий день я прибыл к назначенному времени в горком и стал ждать приглашения в зал заседаний. На бюро рассматривалось несколько вопросов, в том числе и мое персональное дело. Первый секретарь в то время почему-то отсутствовал, поэтому вел бюро второй секретарь. Он с мрачным видом на лице зачитал членам бюро статью из газеты «Правда» и обратился к ним с просьбой высказаться по этому поводу. Но желающих не оказалось, так как все они давно знали меня и понимали, что вины моей в этом эпизоде нет, а просто нужен был «стрелочник». Не дождавшись желающих высказаться, второй секретарь резко, с явной предвзятостью, стал обличать меня во всех бывших грехах: «Мы неоднократно предупреждали Долгих о недопустимости таких злоупотреблений. Просили навести порядок в рыбокомбинате с бесконтрольным посещением его посторонними лицами. Но он своевременно не внял нашим просьбам, и в результате – наш район негативно прозвучал на всю страну в самом серьезном и самом уважаемом печатном органе ЦК КПСС, газете «Правда»! В связи с этим у меня есть конкретное предложение: вынести члену КПСС, Долгих Василию Федоровичу, строгий выговор с занесением в учетную карточку. У кого будут другие предложения?». «Я считаю, что это очень строгое наказание по такому неординарному эпизоду. Мы должны понимать, кто у него был на рыбалке. Мог ли он вообще, не рискуя репутацией и должностью, отказать тем людям. Вину коммуниста Долгих Василия Федоровича я вижу только в одном – не обеспечение условий, при которых контактов такого рода с местным населением не должно было быть. Я понимаю также, что о принятых мерах необходимо будет сообщать в редакцию газеты, поэтому предлагаю вынести ему просто выговор», – высказался со своего места член бюро горкома, генеральный директор хлопчатобумажного комбината «Вождь пролетариата» Хохлов Анатолий Тимофеевич. «Кто еще хочет выступить по этому поводу?» – вновь спросил второй секретарь горкома КПСС. – «Нет больше желающих? Тогда ставлю на голосование по очереди поступления два предложения: первое – объявить Долгих строгий выговор с занесением

в учетную карточку; второе – просто выговор. Голосуем за первое предложение!» – призвал секретарь. К его руке присоединилась только рука нового начальника милиции Егорьевска. «Кто за второе?» – спросил явно расстроенный секретарь. За него остальные члены бюро горкома КПСС проголосовали единодушно. «Рассмотрение персонального дела коммуниста Долгих закончено. Делай для себя вывод из этого, хотя ты сейчас и не работаешь директором рыбокомбината. Есть какие-то вопросы, возражения по поводу проведенного обсуждения? Нет? Тогда можешь быть свободным», – недружелюбно высказался второй секретарь. Когда я выходил из зала заседания, Хохлов, улыбаясь, сказал: «Держись, Василий, выговор не грыжа, с ним жить можно!». «Где-то я уже такие слова слышал», – подумал я и пошел на выход из здания горкома.

*Охотничья
мозаика*

Восьмидесятые годы по долгу службы мне приходилось много ездить по России. Несмотря на высокий пост, который я занимал в Министерстве рыбного хозяйства, я был достаточно молод, поэтому «путешествовал» с большой охотой и интересом. Знакомство с разными регионами, городами и селами расширяли мой кругозор и укрепляли веру в величие и красоту нашей Родины. Особенно нравилось встречаться с близкими по профессии, а значит, и по духу людьми. Они занимали разные должности и звания, но все принадлежали к одной касте – касте рыбаков. Это были люди веселые, дружные, смекалистые, упорные и очень терпеливые. А то, что рыбаки – особая каста, доказывать не надо. Людей этой профессии считают такими на всей нашей планете, в чем я убедился, когда посещал некоторые зарубежные страны. Оптимизм и вера в себя, которые исходили от рыбаков, заражали положительными эмоциями все окружающее пространство. Юмористические истории, рыбацкие байки и анекдоты в этой среде рождались непроизвольно и мгновенно тиражировались. Наверное, их разухабистость и веселость были защитной реакцией на тяжелый физический труд и суровые условия, но как бы там ни было, без этих черт в характере настоящих рыбаков наврядли кто может стать.

Однажды во время посещения рыбоводных хозяйств Тамбовской области генеральный директор объединения «Тамбоврыбпром», Бородаев, привез меня в рыбхоз «Кашма» Моршанского района. Хозяйство по рыбоводным меркам средних размеров, состоящее из двух разных по возрасту производственных участков. Старший, под названием «Двуречье», был построен в начале тридцатых годов, а «Центральный» – пущен в эксплуатацию только в конце семидесятых. Так что рядом с бывальыми рыбаками нарождалось новое поколение соратников, которое свято чтит слабые традиции. Под стать был и директор рыбхоза. Несмотря на молодой возраст, он был по-стариковски рассудителен, выглядел сосредоточенным и уверенным в себе. Его высокая, мощная фигура, открытое русское лицо и умение спокойно и доходчиво объясняться с людьми чело-

веком вызывали у собеседников уважение, а у подчиненных – желание выполнить задание в срок и качественно. Веселые искорки в глазах, чуть детская наивная улыбка на губах говорили о том, какая добрая душа у этого шанта. Звали директора рыбхоза Трофимов Валентин Александрович.

В первый приезд я полностью ознакомился с содержанием хозяйства, побывал в рыбацких бригадах и испробовал на лоне прекрасной природы замечательно приотобленную уху из внушительного ассортимента местной рыбы. Ну и, естественно, были распиты традиционные сто граммов водки за встречу, за хозяина и хозяйство, и за рыбаков в отдельности. Прощаясь, уже после моих слов благодарности за прием и пожелания коллективу хозяйства производственных успехов, директор широко улыбнулся и произнес: «Если у нас понравилось, то рады будем видеть вас не только как лицо официальное, но и простым охотником, грибником или отдыхающим. Всею этого добра в наших лесах имеется в избытке». «Спасибо за приглашение. Я им при случае обязательно воспользуюсь», – ответил я, и мы с Бородаевым выехали в сторону Тамбова. В то время я еще и не догадывался, что эта встреча станет для меня знаковым событием. Буквально через год я был в рыбхозе «Кашма» на открытии утиной охоты, а затем зимой стоял на лесной просеке с карабином в руках на «номере» и ждал счастливого для охотника мгновения, когда из лесной чащи выйдет лось или кабан. Эти поездки продолжают до сих пор, хотя я уже потерял былой интерес к охотничьим забавам. Сейчас за пятьсот километров от Москвы я езжу в основном затем, чтобы пообщаться со своими стареющими «следопытами» и посмотреть на ловкие, умелые действия подрастающего поколения, которое воспитывает прирожденный охотник, успешный руководитель рыбодобывающего хозяйства и шестикратный дед – Трофимов Валентин Александрович. За эти четверть века за время охоты произошло много забавных случаев и курьезных происшествий. С некоторыми из них я решил познакомить читателей.

*«Клыкастый»
профессор*

Часть первая

В самом конце 1999 года я в очередной раз прибыл к Трофимову в гости. Вечером, отметив легким ужином встречу, мы стали готовиться к предстоящей охоте на кабана. Занятие это заняло часа два времени и немного сняло нервное напряжение, вызванное ожиданием предстоящих событий. Разложив продукты питания, боеприпасы и прочее снаряжение по рюкзакам и поставив в прихожей зачехленное оружие на видном месте, в двенадцатом часу ночи мы улеглись отдыхать.

Совершив утренний подъем в приподнятом настроении, мы плотно позавтракали, оделись, взвалили на себя приготовленное вечером имущество и вышли на улицу, где уже поджидал водитель Юра на вездеходе «УАЗ-469». Поздоровавшись с ним, Трофимов приказал: «Подскочи к вольеру. Собак посадим в салон». Юра, невысокий шустрый мужчина лет сорока, молча завел двигатель, включил скорость и тронулся в сторону сараев, стоящих в пятидесяти метрах от дома. Мы с Валентином пошли за машиной. Собаки хозяина почувствовали еще издали. Их радостный визг и отрывистый лай разбудил дремлющие лес и округу. «Валентин Александрович, всех четырех забирать с собой будем?» – уточнил Юра. «Нет, грузим только Шамана и Цыганку», – коротко ответил тот и первым вошел в вольер. А еще через минуты три он, держа на поводке двух красивых и мощных лаек, появился в проеме калитки. Обе собачки для меня были хорошо знакомы. Их я по просьбе Валентина несколько лет назад приобрел у знатного охотника и заводчика в Москве. Приобретение оказалось очень удачным. В возрасте около года эти главные помощники охотников смело вступали в единоборство с любым хищным зверем и всегда выходили из схваток победителями. А к концу второго года о их лесных подвиги

гах говорила вся охотничья рать округи. Эти две лайки работу свою выполняли профессионально, с удовольствием, без лишней суеты и ложных порывов. Иногда они получали жесткий отпор со стороны кабанов и лосей, но это их лишь вдохновляло на новые схватки и соперничество. Вот и сейчас, как только лайки увидели в ранний утренний час хозяина в вольере, поняли, что впереди их ждет увлекательная работа, ради которой они существуют на свете. Оказавшись в салоне машины, собаки свернулись клубочками на заднем сидении и стали ждать дальнейших действий хозяина. Я примостился рядом с ними, а Валентин сел впереди и скомандовал: «Погнали! Завернем в лесничество к Виктору Ивановичу, где нас должны ждать остальные, и поедем дальше». Под «остальными» Валентин подразумевал девять человек, постоянных членов нашей охотничьей бригады. Юра вырулил на основную дорогу и прибавил газу. Минут через десять в салоне стало тепло, и меня потянуло в сон.

Проснулся я от громкого голоса Валентина: «Федорович, просыпайся. Приехали». Я открыл глаза и посмотрел вперед через лобовое стекло. Перед нами стояли две машины, такие же, как у нас, а рядом с ними толпились люди и о чем-то бурно вели беседу. Мне не очень хотелось вылезать из теплого салона на улицу, поэтому, приоткрыв дверку, громко выкрикнул: «Я искренне вас приветствую и очень рад видеть всех в добром здравии и с хорошим настроением». «Валентин Александрович! А это кто с тобой приехал? Раньше мы его не видели в нашей бригаде. Пусть хоть вылезет из машины и представится, как положено по охотничьему уставу. В противном случае в лес мы его не возьмем», – с серьезным видом на лице произнес Виктор Иванович, местный лесник и по совместительству старейший член нашей веселой компании. Поняв, что отсидеться в машине не удастся, я вылез и направился к товарищам. «Мы думали, что в нашем полку появились люди свежие, а оказалось все те же. Федорович, ты совсем в своей Москве обленился? Если так будешь себя вести – на самый плохой номер тебя поставлю. Давай выходи на свет, мы хоть на тебя посмотрим», – протягивая навстречу ладонь, расплылся в улыбке лесник. Я крепко ему и всем остальным пожал руки, обменялся любезными «кол-костями» и занял место в толпе. Между Виктором Ивановичем, Валентином и еще двумя бывалыми охотниками начались непродолжительные прения по поводу проведения предстоящего мероприятия. Вскоре все пришли к общему мнению и выдали команду на посадку в машины.

До места охоты мы добирались больше часа. Огромные сугробы снега, непромерзшая в некоторых местах колея от лесовозов, частые завалы свалившихся старых деревьев заставляли нас то и дело выскакивать из машин и дружно высвобождать их из очередной западни. Наконец, головная машина остановилась на углу лесного квартала, из нее вышел Виктор Иванович и

подошел к нам. «Приехали. Расчехляйте ружья и заряжайте. Десять человек я расставляю по номерам, а сам с Женькой и собаками пойду в загон», – распорядился ровным голосом он, приняв на себя командование парадом. Через некоторое время добавил: «Александрыч! Тебе придется встать на углу, в конце просеки. Там самый сложный участок местности, и не каждый с ним управится». «На лыжах пойдешь в загон?» – спросил Валентин. «Одену на всякий случай. А там видно будет по обстоятельствам», – ответил Виктор Иванович и направился к следующей машине. Выдав всем установку, он вернулся, и мы тронулись дальше. Но не проехав и трехсот метров, Виктор Иванович вновь остановил колонну и жестом руки призвал всех вылезти из машин. Дальше все пошло по отработанной годами схеме. Мы выстроились в цепочку на просеке и, разгребая ногами снег, двинулись следом за лесником. Вскоре по его команде стрелки стали откалываться по одному от колонны и вставать на «номер». Третьим остановился и я. Осторожно осмотревшись на месте, выбрал удобную позицию и стал готовиться к встрече с возможным охотничьим трофеем.

Напряжение стало нарастать после того, как на противоположной стороне от меня послышались приглушенные голоса загонщиков и веселый лай собак. Я снял затвор карабина с предохранителя, освободил ухо от нависающей шапки, затаил дыхание и устремил взор в сторону территории обстрела. А еще через пятнадцать минут правее меня прогремели два выстрела, оповещающие о том, что зверь вышел на кого-то из охотников. Я поднял карабин, прижал приклад к плечу и стал лихорадочно всматриваться в прицельную трубу. Шли минуты, а на горизонте никто не появлялся. «Наверное, уложили наповал», – подумал я, и мне стало немного жаль, что и на этот раз остался не у дел. Неожиданно я услышал пронзительный визг лайки и резкие хлопки очереди, выпущенной из карабина. «Нет, рано успокаиваться. Видно еще кого-то подняли собаки», – подумал я и вновь принял боевую стойку. В это время до моего слуха донесся голос Виктора Ивановича, в котором звучали слова тревоги и отчаяния. «Что-то в загоне произошло! Неужели в лайку попал старый охотник?» – невольно подумал я и стал ждать дальнейших событий. Шли минуты, а ясности не прибавлялось. Наконец, впереди я заметил медленнодвигающегося среди зарослей кустарника Виктора Ивановича. Карабин у него находился за спиной, а на вытянутых руках он нес Шамана. Я приставил ружье к толстой сосне и бегом рванул к леснику на помощь. Поравнявшись с ним, хотел было забрать из рук лайку, но Виктор Иванович, не глядя на меня, глухим, слегка дрожащим голосом, произнес: «Сам Шамана донесу». Я посмотрел на лесника и заметил на ресницах его глаз и щеках крупинки замерзших слез. «Мертвый?» – спросил я машинально. «Пока нет», – коротко ответил лесник и ускорил шаг, разгребая бахилами рыхлый снег.

Оказавшись на просеке, Виктор Иванович осторожно положил лайку на утрамбованную тропу, снял с себя телогрейку и бережно накрыл почти бездыханное тело Шамана. «Может, Александровича дождетса, а уж потом вздохнет последний раз», – скорбным голосом произнес лесник. В это время к нам подбежала Цыганка и, облизав голову Шамана, села рядом и начала жалобно выть. Я посмотрел на нее, а затем на ее напарника по охотничьему ремеслу. Уловив едва заметные движения век его глаз и услышав тихие редкие стоны, спросил: «Что за драматические события в загоне произошли?». Виктор Иванович сделал несколько затяжек сигаретного дыма и, не глядя на меня, ответил: «Кабан его располосовал. На месте Шамана могла быть Цыганка, но он отсек ее от секача и весь удар принял на себя. Всю брюшину ему кабан вскрыл. Даже кишки наружу вылетели. Если бы я не дал очередь из карабина, то секач в лоскуты бы Шамана порвал». Немного помолчав, Виктор Иванович добавил: «Этот кабан опытный. На его счету третья погубленная жизнь охотничьей собаки». «Почему ты думаешь, что это один и тот же секач?» – удивленно спросил я. «По повадке. Сначала подпускает собак к себе близко, а затем резко разворачивается и полосует им брюшины. В него уже не раз стреляли, но все бесполезно. Словно заговоренный. И сегодня я в него попал, а он хоть и с кровью, но скрылся в камышах. Теперь будет лежать в болоте и зализывать рану», – просто ответил лесник.

Александровича я заметил метров за сто от нас. Словно зная о случившейся трагедии, он не шел, а мчался по высоким сугробам лесной просеки. Оказавшись рядом с нами, Валентин опустил на колени рядом с Шаманом и своей крупной ладонью погладил его нежно по голове. «Не уберег все-таки я тебя! Прости! Таких, как ты у меня никогда не было собак, и, наверное, уже не будет», – почти шепотом произнес слова грусти и печали добродушный гигант. По-видимому, почуяв остатками нервов и жизненных сил, что рядом находится хозяин, который его любил и которому он сам был до конца предан, Шаман открыл с большим трудом глаза и протяжно застонал. «Не надо. Не трать последние силы. Поживи еще немного», – попросил Валентин четвероногого друга и, нагнувшись, поцеловал собаку в лоб. «Может, до ближайшей деревни доведем Шамана? Промоем ему внутренности и зашьем. Вдруг удастся его спасти?», – подал идею Александр Пеньковский. «Бесполезно. Часть органов кабан порвал так, что их уже не восстановить», – ответил Виктор Иванович. В это время смертельно раненая лайка негромко пролаяла, тело судорожно дернулось, и через мгновение жизнь покинула ее навсегда. «Вот и все, Шаман! Закончились твои радости земные. Мой долг отомстить этому зверю за твою смерть. И я это обязательно сделаю», – со скорбью в голосе и со слезами на глазах пообещал Валентин своему другу и поднялся с колен.

В этот день мы больше не совершали загоны, а занимались похоронами Шамана. Но на следующее утро бригада в полном составе вновь выехала в лесной массив, где накануне понесла невосполнимую утрату. За три проведенных загона мы взяли двух кабанчиков и одну косулю. Однако нашего «личного» врага секача мы за весь день так и не обнаружили. Поэтому особой радости от удачной охоты не испытывали.

На четвертый день я стал собираться в Москву. Прощаясь со мной, Валентин, словно успокаивая себя, твердым голосом произнес: «Я этого клыкастого обязательно найду, сделаю из его головы чучело и подарю тебе».

Часть вторая

 тгуляв новогодние праздники, я вышел на работу и включился в решение производственных проблем, которых накопилось немало, и все они требовали повышенного внимания. Вскоре воспоминания о поездке на охоту в Тамбовскую область стали уходить на задний план, а трудовые будни заполнять все сознание.

Однажды в середине февраля мне позвонил Валентин Александрович и торжественным, звенящим от радости голосом, произнес: «Федорович, можешь поздравить меня! Я победил! Я отомстил за Шамана! Сегодня в пятнадцать часов двадцать минут мне удалось, наконец, уничтожить «профессора»! Сейчас его разделанная на куски туша в багажнике машины трясется». «От всей души поздравляю тебя с этим успехом! Но почему ты секача называешь «профессором»?» – спросил удивленно я. «Это долго объяснять. При встрече обязательно расскажу», – ответил Трофимов и перевел разговор на другую тему. Ответ на свой вопрос я получил только в апреле, когда приехал к Валентину на утиную охоту. Встретились мы с ним как всегда тепло и душевно. Рассказали друг другу о событиях, произошедших в жизни за эти четыре месяца, и поделились планами на ближайшее будущее. Уже во второй половине праздничного застолья я напомнил другу: «Ты обещал мне рассказать о поединке с секачом и о том, почему назвал его «профессором». «Это целая история. Я из-за этого кабана потерял покой и сон. Сначала долго искал его лежку. Затем разрабатывал варианты встречи с ним. Что только не делали мы с Виктором Ивановичем, чтобы заманить секача в ловушку: загоны устраивали, с Цыганкой по следу ходили, однако все наши потуги оказывались безрезультатными. Он словно чувствовал угрозу и мое присутствие в лесу. Недалеко от места

предполагаемого его обитания мы устроили кормушку, а рядом с ней на сосне оборудовали смотровую вышку. Я почти каждый вечер ездил туда, высыпал на заснеженную площадку из мешка комбикорм, поднимался по лестнице в укрытие и ночи напролет ждал его появления. Но шло время, а кабан на кормушке не появлялся. Меня это злило и с тройным упорством заставляло ждать и терпеть невзгоды зимы. Мне казалось, что специфичным запахом секача пропитан весь окружающий лес, что он здесь, где-то рядом, и смотрит на меня из-за кустов. Через прицельные стекла прибора ночного видения я с надеждой на успех рассматривал все подозрительные предметы, искал горящие в темноте круглые зрачки моего личного врага, но, к сожалению, не находил. Всем нутром чувствовал, что он рядом, но никак не мог понять, почему не идет на прикормку. В отличие от моего врага, его сородичи почти каждую ночь смело забегали на кормовую площадку и поедали все, что я накануне высыпал из мешка. Иногда у меня возникало непреодолимое желание выстрелить по этим наглецам, но боязнь спугнуть противника подавляла во мне это желание. Меня меньше интересовал очередной охотничий трофей, чем все возрастающее желание поквитаться с обидчиком, убившим Шамана. Постепенно я пришел к невероятной мысли, что и секач может меня чувствовать, следить за мной и играть в прятки. От этого вывода мне становилось как-то не по себе. Тогда я и присвоил ему ученое звание – «профессор».

Однажды «ученый» сыграл со мной злую шутку, чем еще сильнее разозлил меня. Произошло это в начале февраля. Как обычно, в шесть часов вечера я прибыл к месту ночной засады, вывалил в кормушку из мешка комбикорм, отогнал метров за пятьсот автомобиль и через лесной массив вернулся обратно. Во время продвижения по глубокому снегу мне неоднократно попадались кабаньи следы, но тех, которые меня интересовали, среди них не было. И только когда оказался метров за сто от кормушки, я внезапно наткнулся на них. То, что они принадлежали моему личному врагу, я не сомневался. За то время, которое потратил на секача, я изучил не только размеры его следов, но и особую походку. По-видимому, зверь был очень сильно ранен в правую заднюю ногу. Поэтому она высоко не поднималась и во время передвижения оставляла на снегу глубокую полосу. Естественно, увиденный след моего врага воодушевил меня, и я ускорил шаг в сторону укрытия. Взобравшись по лестнице на десятиметровую высоту, по-хозяйски расположился и в очередной раз стал ждать удачу.

Летело время, а секач все не появлялся. В девять вечера на кормушку вбежала кабанья семья из шести поросят во главе с крупной свиньей, сожрала корм и спокойно удалилась. Мне даже стало обидно за себя. Но, проведив взглядом веселых и сытых «нахалов», я продолжил дожидаться главного события. Прошло часа три, но кроме тихого лесного шепота и редких выкриков

сов ничто не тревожило ночную тишину. Такая умиротворенная идиллия природы расслабляла внимание и клонила ко сну. Я мужественно сопротивлялся соблазну, но в конечном счете проиграл и незаметно уснул.

Разбудил меня холод, пробравшийся к ногам в бахилы и к рукам в меховые рукавицы. Не сразу осознав, что нахожусь не в постели дома, а в засаде на личного врага, я резко пошевелился и с шумом переставил затекшие от напряжения ноги на другое место. В это же мгновение внизу на земле что-то прогрелось, раздался звук, похожий на боевой клич секача, и от входа в укрытие стала отдаляться лестница. Пока я разворачивался на сто восемьдесят градусов, поднимал карабин на уровень глаз и всматривался в прицел ночного видения, на земле все затихло. На всякий случай я осмотрел окружающую территорию укрытия, но не обнаружив ничего подозрительного, опустил карабин на колени и стал анализировать произошедшее. Не придумав ничего подходящего для объяснения, я вновь поднес прицел карабина к глазам и посмотрел почти вертикально вниз. Туда, где еще недавно находилась какая-то живность и стояла лестница. Живности, конечно, там никакой не было, а лестница лежала на снегу рядом с кроной сосны. Такое обстоятельство сначала развеселило меня, а затем повергло в уныние. Передо мной возникла дилемма возвращения на землю, так как на десяти метрах до нее на стволе дерева не было ни единого сучка и выступа. Расстроившись, я стал с нетерпением поджидать рассвета. Секач в тот момент для меня ушел на второй план, хотя подспудно я надеялся на его появление. К утру мороз усилился, и мне пришлось энергично шевелить пальцами ног и рук, чтобы они не замерзли. Сползать с дерева с подмороженными конечностями было очень проблематичным занятием.

Наконец над вершинами деревьев стали появляться первые лучи солнца. Я лег животом на пол укрытия, высунул голову наружу и внимательно осмотрел ствол сосны. Убедившись, что он на самом деле голый и спуститься на землю без происшествия навряд ли удастся, на некоторое время задумался. Поняв, что помощь мне ждать неоткуда и в полной охотничьей амуниции не удастся перебраться даже из укрытия на крону дерева, стал снимать одежду. Оставшись в нижнем белье, скованный жгучим морозом, злой от бессилия, я осторожно, словно медведь, переполз из укрытия на ствол и, ухватившись ногами и руками за него, начал медленно спускаться. Но на середине пути мои озябшие пальцы отказались слушаться, и я мешком полетел вниз. Приземление было не таким болезненным, как я предполагал. Снежная подушка выполнила функцию амортизатора и спасла тело от удара о землю. Только комок колющих и охлаждающих хрусталиков заполнили все пространство в моем нижнем белье.

Чтобы окончательно не замерзнуть, я быстро установил лестницу на прежнее место, забрался в шалаш и натянул на себя все то, что снял перед десантированием. После чего перебросил через голову ремень карабина и стал спускаться вниз.

Оказавшись на земле, я вначале хотел направиться в сторону машины. Но желание выяснить причину ночного происшествия остановило меня и заставило внимательно всмотреться в площадку, находящуюся рядом с деревом. Какое же было мое удивление и сменившая его досада на самого себя, когда я обнаружил в снегу сначала лежанку, а затем следы моего личного врага. Этот наглый «профессор» словно смеялся надо мной. Пока я дрых, он хорошо поужинал, почесался туловищем о сосну и устроился рядом с ней на отдых. Разбудил его мой неосторожный шум в укрытии. Сообразив в чем дело, секач вскочил на ноги и метнулся в сторону мелкого кустарника, за которым находилось болото. А по пути он боком зацепил лестницу и свалил ее на землю, оставив меня без средств эвакуации.

Смех над нелепой случайностью и комической развязкой охватил меня в салоне машины, когда я уже отогревшийся подъезжал к поселку рыбхоза. После того случая я не только не перестал преследовать «профессора», а наоборот, с тройным упорством стал искать секача.

Развязка в этом поединке произошла случайно и совсем не так, как мне хотелось. Однажды посадив в салон машины Цыганку, я поехал на двуреченский участок, чтобы осмотреть состояние гидротехнических сооружений и понаблюдать за поведением зимующего рыбопосадочного материала. Завершив запланированные дела, решил доехать до верховья головного пруда, чтобы убедиться, что и там все в порядке. Остановив машину метров за сто от места назначения, выпустил лайку, достал из багажника карабин, подсоединил к нему магазин с пулями и зашагал в сторону перепускного сооружения. Цыганка бежала чуть впереди и изредка, задрвав нос вверх, втягивала холодный воздух. Вдруг она резко остановилась, нахохлила шерсть на шее и завияла кольцами пушистого хвоста. Я тоже приостановился и на всякий случай снял с плеча карабин. Неожиданно Цыганка повернула голову в мою сторону, словно проверяла готовность к стрельбе, затем сорвалась с места и маховыми прыжками рванула в камыши. А еще через мгновение оттуда послышался ее громкий лай. Пробежав на всякий случай вперед метров тридцать, я остановился и стал ждать развязки. Как оказалось позже, сделал это вовремя. Буквально через минуту прямо на меня на бешеной скорости выскочил крупный кабан. Мне ничего не оставалось делать, как вскинуть карабин к плечу, прицелиться и выстрелить. Зверь пробежал еще метров десять и юзом стал пропахивать

глубокую полосу в сугробе снега. Не доходя до огромного кабана метров десять, я произвел по нему еще один выстрел. Почти в это же время подбежала Цыганка и стала с остервенением драть на нем щетину.

Первые подозрения в том, что это именно тот секач, за которым охочусь почти всю зиму, меня посетили во время осмотра его лежанки в камыше на краю болота, с которой кабана подняла Цыганка, и следов, уходящих вглубь леса. Но полной уверенности еще не было. И только когда стал разделять тушу на части и обнаружил в ней пять пуль, две из которых сидели глубоко в холке правой задней ноги, мои сомнения полностью улетучились. Вначале обыденность, с которой удалось победить «профессора», разочаровала меня. Но, вспомнив предсмертные глаза Шамана и свое обещание отомстить его убийце, разочарование исчезло, а на смену пришло осознание выполненного долга. На этой душевной волне я тогда и позвонил тебе. Однако, совсем недавно я неожиданно пришел к выводу, что в результате окончания противостояния между мной и секачом скрыта житейская истина, не позволяющая мне считать себя победителем, а кабана побежденным. Победителем не может считаться тот, кто насильственным путем отбирает у любого живого существа жизнь, данную богом», – с грустью в глазах закончил рассказ Валентин, и мы продолжили ужин.

В последующие три ночи я сидел в утепленном шалаше посреди большого пруда и поджидал прилета селезней. Передо мной на глади водоема крутились привязанные к дощечке две подсадные утки и надсадным голосом кричали на всю округу. Мне всегда нравилась весенняя охота. Я очень любил наблюдать за восходом солнца, когда вместе с ним вокруг просыпалась вся живая и неодушевленная природа. Но в те ночи мне почему-то было неохота стрелять по глупым селезням, соблазненным на призывы подсадных уток и как камень падающих рядом с ними на оружейный выстрел. И только выработанный годами охотничий инстинкт заставлял заниматься делом, ради которого бодрствовал многие ночные часы в обустроенном шалаше.

Веселый «Дося»

В очередной приезд к Валентину охотничья фортуна словно отвернулась от нас. Сначала заставила до потери сознания потрудиться ногами, затем посмеялась над нашей самоуверенностью, и только в конце моего пребывания подарила удачу. Но все по порядку.

Как только я появился в рыбхозе «Кашма», Трофимов сразу взял меня в оборот. «Сейчас мы с тобой быстренько попьем чайку, переоденемся, возьмем оружие и поедem в сторону села Пичаево. Километрах в тридцати от нас колхоз до морозов не успел скосить кукурузу на поле. Поэтому каждую ночь туда на кормежку приходят кабаны и прочие крупные звери. Мы с Юркой из под фар уже двух подсвинков взяли», – сообщил свои планы гигант, и мы приступили к их исполнению. Выпили за встречу по стопке водки, плотно закусили, водрузили на себя охотничью амуницию и пошли на хозяйственный двор, где нас поджидал рабочий рыбхоза, заядлый браконьер и по-совместительству водитель грузового вездехода «УАЗ-452» Поликанов Виктор. Втроем с трудом уместившись в кабине, мы покинули территорию гаража, выехали на трассу «Моршанск–Пичаево» и повернули направо. Валентин включил плафон освещения и, посмотрев на часы, произнес: «Двадцать один час тридцать минут. Минут через сорок на месте будем. Немного поздновато, но, думаю, кабаны нас дождутся». После его слов в кабине наступила тишина, а глухое рычание двигателя, раздающееся из-под капота, умиротворенно действовало на нервную систему. Правда, порой на дороге попадались небольшие выбоины и нас подкидывало вверх, но через мгновение мы вновь приземлялись на нагретые места и продолжали всматриваться вперед. Иногда попадались встречные автомобили, торопящиеся попасть вовремя к месту назначения и, перемигнувшись светом с нашим, со свистом и снежной пылью пролетали мимо.

«Перед съездом на поле остановись», – неожиданно приказал Валентин, и я сделал вывод, что мы подъезжаем к намеченной цели. Еще минут через пять Поликанов притормозил машину, выехал на обочину дороги и остановился. «В общем, сделаем так. Ты, Федорович, перебирайся с Виктором в кузов, заряжайте карабины и будьте наготове, а я сяду за руль, включу прожектор и буду нарезать круги вокруг кукурузного поля. Если кабаны уже пришли на кормежку, то они обязательно выскочат на свет. Прошу только в свинью не стрелять», – выдал очередную установку Трофимов. Получив указание, я с неохотой выбрался из теплой кабины в морозную ночную мглу и полез в кузов. Но вскоре привык к новым условиям обитания, и мне даже стал нравиться непосредственный контакт с природой. Я огляделся вокруг, затем поднял глаза вверх и с удивлением заметил на темном небе огромное количество звезд. «Какая красота! А как здесь тихо! Настоящий земной рай, в условиях которого еще несколько десятилетий назад проживали наши предки. Поэтому они были

крепкими телом и сильными духом. Не то что мы, парниковые растения», – размышлял я, вглядываясь в бездну вселенной. «Федорович, готов к встрече со зверем?» – услышал голос Виктора. «Почти. Осталось только патронами магазин наполнить», – сконфузившись, ответил я. «Торопись, Трофимов долго ждать не любит, а на ходу сложно заряжать будет», – предупредил Поликанов. И словно подслушав его слова, мотор зарычал, а фара-прожектор, установленная на кабине машины, запылала ярким огнем и выкинула пучок света метров на сто вправо. Я быстро, как когда-то в армии, привел в боевую готовность карабин и одной рукой ухватился за металлический поручень, прикрученный к переднему борту кузова. Еще через минуту машина медленно тронулась с места и, резко повернув направо, стала спускаться с дорожной насыпи на проселочную дорогу. Проехав по ней метров пятьдесят, Валентин выключил свет и продолжил путь в полной темноте. Такая езда заняла минут десять. Волнения не было, так как я целиком доверял опыту Валентина. Наконец прямо перед нами из темноты выползла стена высоких стеблей кукурузы, и в тот же миг вновь вспыхнул свет в фарах машины и прожекторе. «Федорович, ты смотри вперед, а я беру на себя заднюю часть обзора», – тихо произнес Виктор и замолчал. «Понял», – коротко ответил я, и знакомая дрожь охотничьего напряжения завладела моим сознанием.

Но, шло время, мы нарезали круги вокруг нескошенной кукурузы, а желанная удача баловать нас не торопилась. Я вглядывался вдаль, мгновенно реагировал на подозрительные предметы, попадавшие в поле зрения, однако все усилия были напрасными. Не выдержало терпение и у Валентина. Совершив очередной виток по полю, он разогнал машину и повернул ее внутрь плантации, оставляя за собой тоннель, обрамленный высокими стеблями. Это его решение в дальнейшем повлекло за собой негативное последствие. Проскочив по инерции метров сто, машина стала постепенно проваливаться в непромерзший грунт и снижать скорость. Еще метров через пятьдесят остановилась окончательно. И хотя двигатель натруженно урчал, автомобиль как вкопанный стоял на месте. «Все! Приехали! На мосты сел УАЗ», – громко высказался Виктор, и я понял, что наша моторизированная охота на этом закончилась. Мы соскочили с ним на землю и стали толкать машину сзади. Но наши потуги были бесполезными и только способствовали дальнейшему закапыванию машины в глинистый грунт. Понял это и Валентин. Он заглушил двигатель, вылез из кабины, обошел вокруг УАЗ и спокойным голосом поставил диагноз произошедшему: «Самим нам отсюда не выбраться. Придется присылать ГАЗ-66 или трактор Т-150». «А может, лебедкой удастся зацепиться за что-нибудь?» – подал надежду Виктор. «Навряд ли. Но на всякий случай давайте поищем какой-нибудь пенек», – согласился Трофимов, и мы разошлись по ночному полю. Минут

через пятнадцать наши слабые надежды полностью улетучились, так как в радиусе ста метров вокруг машины не было ничего такого, за что бы можно было зацепить крюк троса лебедки.

«В незавидном положении мы оказались, мужики. Мобильный телефон здесь не берет, а рацию с собой не прихватили. Да и она вряд ли отсюда достала до диспетчерской службы. Придется своим ходом добираться до дома», – «обрадовал» нас мрачным выводом Валентин. Но делать было нечего и, забрав с собой оружие и прочий охотничий провиант, медленно выдвинулись в сторону главной дороги. Первое время мы даже в полной темноте и по бездорожью передвигались спокойно, с определенной долей юмора и оптимизма. В душе каждого из нас теплилась надежда, что, выйдя на дорогу, нам удастся остановить какую-нибудь попутную машину и с комфортом доехать до поселка рыбхоза. Другого варианта я даже не представлял, так как одет был по зимнему варианту, на плече висел карабин, на спине лежал тяжелый рюкзак, а на ногах красовались настоящие валенки с литыми калошами. Не знаю, сколько все это весило, но ноша была не из легких и прижимала к земле.

Вступив ногами на асфальт трассы, мы немного передохнули, съели по бутерброду с колбасой, запили минеральной водичкой и зашагали строго на север. Первые километры нам давались довольно легко. Мы весело подшучивали друг над другом, рассказывали различные жизненные истории и охотничьи байки. Уже на ходу, подсвечивая язычком огонька от зажигалки, Валентин посмотрел на циферблат часов и громко сообщил: «Ровно двенадцать часов. Впереди у нас почти тридцать километров пути и вся ночь в запасе. Если все удачно пойдет, то к часам шести утра доберемся до дома». «Спасибо, Валентин Александрович, успокоил! Ты может и доберешься, а мне придется как ямщику в степи замерзать», – мрачно пошутил я. «Не дрейфь, Федорович, мы с Витькой тебя одного на дороге не бросим. А то подберет какая-нибудь вдова, согреет, накормит и оставит жить у себя. Как я тогда твоим жене и детям в глаза смотреть буду за то, что не удержал от соблазна и не сохранил им мужа и отца?» – успокоил Трофимов и ускорил шаг.

Около двух часов ночи мы проковыляли мимо дорожного указателя расстояния между населенными пунктами, который позволил сделать вывод, что за два часа мы преодолели десять километров пути. Этот вывод порадовал бы нас, если бы мы не понимали, что впереди нас ждут еще двадцать километров путешествия. «Ну ты что, Федорович, приуныл и молчишь? Силы бережешь, или мысли черные гложут?» – пошутил Валентин. «Размышляю о том, как вам тяжело достанутся последние километры», – ответил я. «Почему только нам? А ты куда собрался исчезнуть от нас?» – удивленно спросил Трофимов. «Никуда.

С вами останусь. Если, конечно, вы понесете меня на себе. Но есть и другой вариант – пристрелить меня, как раненую лошадь», – съехидничал я. «Конечно, выберем второй вариант. Зачем нам раненую лошадь на себе тащить», – успокоил меня Трофимов и весело засмеялся.

За три часа нам удалось преодолеть половину пути. Выбрав на обочине дороги подходящее место, мы расположились на короткий отдых. Достав из рюкзака термос с заваренным чаем, бутылку водки и калорийную закуску, Валентин предложил поднять градус настроения и подкрепиться физически. Разобравшись с водкой и закуской минут за тридцать, слегка отдохнувшие и взбодренные, мы вновь стали переставлять ноги по укатанному машинами снегу.

Первоначальная надежда на попутный транспорт покинула нас в самом начале. С полуночи движение транспорта на дороге почти полностью прекратилось. За все время, которое мы находились в пути, нас обогнало не больше пяти машин. Но, несмотря на наше настойчивое «голосование», ни одна из них даже не притормозила. Наоборот, завидев на дороге трех вооруженных мужчин подозрительной наружности, водители прибавляли скорость и со свистом пролетали мимо. «Может, на середине трассы встать и карабин направить в сторону следующей машины?» – задал я глупый вопрос «компаньонам» по ночному кроссу. «Ты, Федорович, точно переутомился. Да если водитель увидит, что на него направлен ствол карабина, он или тебя с дороги снесет или в кювет улетит», – остудил мой пыл Валентин. «Неужели никакого другого варианта нет? Мне на самом деле не дойти до поселка рыбхоза. Валенки с лошами для меня стали арестантскими кандалами. А ноги в них горят, словно над костром висят», – откровенно признался я. «А зачем ты в них на охоту поехал? Я ведь предлагал бахилы надеть. Они и теплые, и легкие», – подколот Трофимов. «Откуда я мог знать, что ты до рамы машину в грязь загонишь», – огрызнулся я. «Ладно, уж. Облегчим мы немного твою ношу. Давай мне карабин, а Виктору рюкзак», – смилостивился Трофимов. «Умру, но не отдам родное добро», – отшутился я. «Смотри, если совсем будет неважно, то помни о моем предложении», – согласился Валентин и укоротил шаг. В это время ко мне в голову неожиданно пришла не очень умная мысль: «Может, снять валенки и пойти в шерстяных носках по заснеженной дороге?». И уже не думая о возможных последствиях решения, я остановился, стянул с ног тяжелую и неудобную для ходьбы обувь, засунул ее в рюкзак и, почувствовав облегчение, почти бегом стал догонять попутчиков. Разгадав мой нехитрый маневр, Виктор весело сказал: «Вот дает Федорович! Босяком по снегу решил пробежаться». «Пальцы не отморозь!» – предупредил Валентин. «Начнут мерзнуть, снова валенки надену», – успокоил я его и возглавил группу пешеходов.

Помощь к нам прибыла за пять километров до конечной цели. Как только появилась мобильная связь, Трофимов набрал номер домашнего телефона персонального водителя и скомандовал: «Просыпайся, заводи машину и выезжай по Пичаевской дороге к нам навстречу». Для Юры этих слов было достаточно, чтобы понять неординарность ситуации, в которую попал шеф и его спутники.

В квартире Валентина мы появились около шести утра. Быстро сбросив с себя верхнюю одежду, упали на диваны и через несколько минут уже спали как убитые.

Проснулся я от громкого разговора, доносившегося из кухни. Посмотрев в сторону окна, за которым было темно, невольно подумал: «Интересно, сколько сейчас времени? Неужели весь день проспал?». В этот момент в комнату, в которой я спал, зашел Валентин, включил свет и, заметив мои открытые глаза, бодро скомандовал: «Подъем! Хватит дрыхнуть! Кабаны уже СМС прислали с приглашением на встречу». «Какие кабаны? Мне бы хватило сил, чтобы до туалета дойти», – отшутился я. «Ладно, вставай, умывайся и будем ужинать. Потом подумаем, что дальше делать», – распорядился Валентин и вышел из комнаты.

Когда после водных процедур я появился на кухне, то кроме хозяина там находились еще два человека: зять Валентина – Илья и водитель Юра. «Ох, и здоров же ты, Федорович, спать! Более четырнадцати часов без перерыва на обед бока давил!» – пошутил Валентин и уже серьезно спросил: «Ноги сильно болят?». «Побаливают, но не так, как ожидал», – ответил я и посмотрел на настенные часы, стрелки которых показывали девять часов вечера. «Да, видно много сил у меня отняло ночное путешествие. Я даже не помню, что когда-то спал четырнадцать часов непробудным сном. Что теперь ночью делать буду?» – искренне удивился я и сел на табурет. «На вышке сидеть будешь. Сейчас перекусим и поедем на кормушки», – предупредил Валентин и мы приступили к трапезе.

Но и эта ночь в охотничьем плане оказалась нерезультативной. До самого рассвета, не смыкая глаз, я напряженно вслушивался в тишину и реагировал на любой подозрительный шум или стук свалившегося с дерева комка снега, но желанного похрюкивания так и не услышал. Не лучшим образом провели ночь и Валентин с зятем. Кабанью семью, состоящую из семи поросят, свиньи и секача, видел только Юра, но его подвели самоуверенность и нерасторопность. Он счел, что если стадо пришло на кормушку, то торопиться со стрельбой не стоит. Юра стал подбирать наиболее выгодные варианты для выстрела. Но произошло непредвиденное. Во время выбора позиции он случайно нажал спусковой крючок и произвел произвольный оружейный выстрел в никуда. Через секунду кабанья семья покинула кормовую площадку, оставив на память незадачливому охотнику только массу следов в глубоком снегу. Когда

мы собрались у машины, он выглядел расстроенным и смотрел виноватыми глазами. Однако претензий ему предъявлять никто не стал, так как у каждого в охотничьей практике таких эпизодов случалось не так уж и мало. Отпустили по паре беззлобных шуток на его счет, однако углубляться в смакование случившегося не стали.

До четырех часов этого дня мы с Валентином успели не только отдохнуть, но и съездить по его производственным делам на дальний участок. Уже возвращаясь из «Двуречья», Трофимов предложил: «Давай заедем на охотничье хозяйство табачников. Они давно меня приглашают к себе». «Как решишь, так и сделаем. Ты командир здесь, тебе и карты в руки», – ответил я. «Ну раз так, то домой мы торопиться не будем, а у егерей и пообедаем», – произнес Трофимов и свернул с главной дороги на колею, пробитую вездеходами в глубоком снегу.

К конечной цели мы подъехали минут через сорок. Огороженная металлической сеткой обширная территория охотничьего хозяйства табачников располагалась на берегу небольшого озера, посреди высоченных сосен и елей. Еще на подъезде к нему навстречу нам с лаем выскочили три крупных лайки и сопроводили нас до вагончика, в котором находилась основная контора егерей. На лай собак и шум мотора вышел крупный молодой мужчина и, поняв, кто пожаловал в гости, в приветствии поднял руку. Валентин остановил машину и первым покинул салон. Вскоре последовал за ним и я. Ко мне подбежали собаки, обнюхали и мирно отошли в сторонку. Поздоровавшись с егерем, мы вошли в вагончик, в котором было тепло и вкусно пахло щами. «Вовремя, Федорович, мы к ним в гости заглянули. Они даже щи не успели съесть», – улыбаясь произнес Валентин, здороваясь с двумя молодыми мужчинами. «Мы не только щи еще не съели, но и водку не выпили. Как-будто знали, что ты к нам сегодня, наконец, заглянешь», – ответил старший из егерей Анатолий и хитро улыбнулся. «Ну раз так, то давайте угощайте. А то мы с Федоровичем сегодня еще не обедали», – высказал пожелания Валентин и сел на деревянную лавку. Словно ждавший команды, один из егерей стал быстро накрывать на стол. Вскоре на нем появилось все, от чего голодный человек мог «изойти на слюну»: полные миски отварного диетического мяса и наваристых щей, пучки различной зелени, головки лука и чеснока, маринованные грибы и трехлитровая банка брусничного морса, ароматно пахнущий черный хлеб и две бутылки чистой, как детская слеза, водки под названием «Тамбовский волк». «Ну что, дорогие гости, присаживайтесь поближе к столу, и будем отмечать встречу», – пригласил Анатолий и взял в руки первую бутылку водки.

Обед продолжался часа полтора. Наконец, удовлетворив аппетит и обсудив интересующие всех вопросы, присутствующие в вагончике стали со сла-

дострастием втягивать в легкие вредный табачный дым. Так как мы с Валентином люди некурящие, то встали из-за стола и вышли на улицу. Следом за нами последовал и Анатолий. «Валентин Александрович, на вышках-то посидите?» – обратился он к Трофимову. «А будет из этого толк?» – улыбаясь, спросил тот. «Думаю, все будет нормально. Не было еще такой ночи, чтобы кабаны не приходили на кормушки», – ответил егерь. «Ну тогда давай побалуем моего московского гостя. А то я уже две ночи его мучаю, а результата никакого», – согласился Валентин. Я слушал их диалог, но в разговор не вступал. Внезапно сзади меня кто-то сильно ударил по ногам. От неожиданности я чуть не сел на землю. «Что еще за шутник в этих лесах водится?» – невольно подумал я и резко повернулся на сто восемьдесят градусов. То, что я увидел, вначале поразило меня своей невероятностью, а затем рассмешило до слез. Метрах в пяти стоял небольшой дикий кабан и планировал повторить нападение. Такие намерения я заметил в его круглых и хитрых глазах, которыми он смотрел в мою сторону. Затем он весело закрутил головой, пошевелил тонким хвостиком и вприпрыжку рванул с места. «Доська! Зараза такая! Ты что к гостю пристаешь? А ну брысь от него!» – услышал я грозный окрик Анатолия и заметил как он, схватив лежащую на крыльце вагончика палку, огрел по спине веселого поросенка. Тот отпрыгнул от меня в сторону и обежал вокруг вагончика, остановился и стал ждать, когда его хозяин потеряет бдительность. «Это что еще за персонаж такой?» – спросил удивленный Валентин. «В прошлом году летом на болоте подобрала. Свинья с остальным выводком ушла от нас, а его, больного, почти дохлого, бросила умирать. Пришлось взять и выхаживать. Что только я не делал, чтобы спасти его жизнь. Из соски поил и кормил. Лекарствами прокалывал, мазями растирал, даже водкой лечил. Мужики смеялись надо мной, а я не терял надежды. И в результате вырастил хулигана. Играться очень любит, и особенно с гостями. Пока ему по морде палкой не врежешь, не отстанет», – рассказал любопытную историю про дикого кабанчика Анатолий. Пока мы его слушали, тот незаметно подобрался к Валентину и так же, как меня, с силой ударил по ногам головой. Александрович пошатнулся, но устоял. «Доська! Я тебя сейчас накажу!» – пригрозил Анатолий и вновь огрел игруна палкой по спине. Тот взбрыкнул задними ногами и на некоторое время скрылся из поля зрения. «Он что, свинья?» – спросил я. «Нет, секач будет», – ответил Анатолий. «А почему ты его Доськой завешь?» – спросил я. «Мои напарники его так называли. Первое время, чтобы уничтожить кожных паразитов, я его часто мыл стиральным порошком «Дося», вот они и дали такую кличку. А он привык к ней и откликается. Умным и способным оказался. Не хуже овчарок некоторые команды выполняет. А как над лайками озорует, обхохочешься. Мы их на ночь на цепи сажаем, так он подбежит к ним почти вплотную, головой крутанет – и бежать. Они за ним рванутся, а догнать им цепи мешают. Доська отбежит ме-

тров на десять, сядет на зад и наблюдает, как они лаем заливаются», – смеясь, рассказал егерь. В это время, словно подслушав разговор спасителя, Дося вприпрыжку подбежал к нам и в метре остановился. «Намечает очередную жертву. Видите, какие глаза хитрющие?» – оценивающе произнес Анатолий и, немного погодя, подняв вверх руку, скомандовал: «Доська, сидеть!». Не раздумывая долго, кабан послушно и чисто выполнил команду. «Доська, лежать!» – последовала установка «дрессировщика». И ее кабанчик выполнил без помарок. «Доська, ползи!» – усложнил тренер требование. И этот каприз хозяйина дикий зверь выполнил с большим удовольствием. Не вставая на ноги, он почти на животе стал передвигаться в нашу сторону. «Молодец, Доська! Не осрамил меня перед гостями. Придется выписать тебе премию», – произнес Анатолий и пошел в вагончик за наградой. Доська в это время бегал вокруг и норовил посильнее толкнуть нас мордой или боком. Но когда на крыльце появился Анатолий, отстал и устремился к хозяину за обещанной наградой. Чуть позже я у Анатолия спросил: «Что будешь с ним делать, когда вырастит? Ведь уже через полгода он превратится в настоящего кабана». «Если честно, то не знаю. Как подумаю, что нам расставаться придется, сердце сразу кровью обливается. Больной это для меня вопрос», – неопределенно ответил егерь.

А через час я уже сидел на открытой площадке вышки и с нетерпением поджидал собратьев Доси. Вечер был тихим и не очень холодным. Поэтому риска замерзнуть в течение ночи не существовало. Находиться длительное время в режиме ожидания и напряжения – дело непростое. И для того, чтобы время шло быстрее, каждый охотник имеет свой особый прием. Что касается меня, то в такие моменты я начинаю перебирать в голове варианты сюжета нового романа или рассказа. Вот и на сей раз, восседая на высоте десяти метров от земли, я вспомнил Досю и стал придумывать словесную декорацию к рассказу о нем. Но слова склеивались плохо, фантазии не хватало, что вынуждало меня даже нервничать. «Ладно, ночь длинная. Может, успею еще что-нибудь надумать», – успокаивал я себя и через оптический прицел ночного видения периодически всматривался в окружающий поляну кустарник. Однако опыт предыдущих ночей настраивал меня на затяжное ожидание охотничьей удачи.

Подняв в очередной раз карабин с прицелом на уровень глаз, я стал медленно просматривать ближайшее пространство. Вдруг мне показалось, что в молодом сосновом лесочке левее от меня мерцают какие-то огоньки. «Неужели кабаны притаились перед выходом на кормушку?» – подумал я и даже затаил дыхание. Вскоре догадки подтвердились. Соблюдая осторожность и дистанцию, на поляну вышла кабанья семья. Впереди шла мать-свинья, а за ней следовало шесть подсвинок. Через минуту они оказались на кормовой площадке и увлеченно стали поедать комбикорм. От места моего укрытия до

них было не больше двадцати метров. От стопроцентной возможности добыть очередной охотничий трофей меня почему-то слегка лихорадило. Я стал нервно всматриваться в прицел, выбирая жертву, но стрелять не торопился. Неожиданно звякнуло крепление ремня карабина, и этого было достаточно, чтобы в одно мгновение семья оказалась за пределами видимости. «Тоже мне, охотник! Ты же не на рынке кусок мяса выбираешь. Прицелился в первого попавшегося на мушку подсвинка и стреляй», – покритиковал я себя за нерасторопность. Но от этого легче мне не стало, и я продолжил режим ожидания.

Не прошло и часа, как в том же самом месте я вновь заметил мерцающие огоньки. «Вот и хорошо, что вернулись. На этот раз я долго раздумывать не буду», – обрадовался я и стал следить за действиями диких кабанов.

Минут через десять семья, наконец, осмелилась и стала осторожно покидать укрытие. Я внимательно следил за передвижением ее членов и, затаив дыхание, ждал удачного момента. Он наступил неожиданно. Вначаледвигающиеся в глубоком снегу подсвинки были не очень удобной мишенью. Но, не доходя до кормушки метров тридцать, они неожиданно остановились. Мгновенно оценив обстановку, я прицелился в бок одного из подсвинков и произвел выстрел. «Есть!» – радостно прошептал я и опустил карабин на колени.

Удивление и радость ждали меня впереди, когда через полчаса после выстрела появился Валентин. Не доходя до моей вышки метров сто, он выкрикнул: «Федорович, не стреляй, я к тебе иду». И уже оказавшись на кормовой площадке, спросил: «Попал?». «Вроде, да», – также коротко ответил я и стал спускаться по лестнице на землю. «Откуда кабаны выходили?» – спросил Трофимов. «Вон из тех кустов», – ответил я и первым направился в сторону трофея. Но, подойдя вплотную к месту, я в недоумении остановился и выкрикнул: «Да здесь два кабанчика лежат! А я только один раз стрелял!». «Ну ты, Федорович, удивил! У меня еще такого выстрела не было. Как надо изловчиться, чтобы уложить одной пулей сразу двух подсвинков!» – с восхищением произнес Валентин и пошел за машиной.

Туши молодых кабанчиков мы погрузили в багажник вездехода и поехали домой. А секрет моего удачного выстрела объяснил Виктор Поликанов, после того, как разделал туши на отдельные части. Оказалось, что во время выстрела сразу за жертвой стоял второй кабанчик и, опустив голову, рыл землю. Пробив насквозь первого подсвинка, пуля попала второму прямо в глаз и свалила наповал. Этому объяснению я почему-то не очень обрадовался. Скорее даже опечалился. Не знаю почему. Может, вспомнил проделки веселого Доси? А может, просто старею и теряю остроту ощущения добытчика-победителя.

Моршанск – Москва. 10. 02. 2011г.

Рассказы

Тренер

Часть первая

Вшестидесятые годы прошлого столетия я учился в рыбопромышленном техникуме в городе Тобольске – первой столице сибирского края. Воздух над моей родиной в те времена был наполнен мечтательной романтикой, патриотизмом и верой в светлое будущее. Поэтому почти вся молодежь стремилась получить какую-нибудь интересную специальность и внести достойный вклад в могущество социалистической Родины. А еще парни и девушки хотели стать сильными не только духом, но и физически. В связи с чем все спортивные секции, существующие в то время в городе, были до отказа заполнены азартными, но достаточно рыхлыми молодыми индивидуумами.

Я не был исключением. Едва успев стать студентом первого курса, сразу записался в спортивную секцию бокса, которую вел замечательный тренер и в недалеком прошлом хороший спортсмен – Вторушин Владимир Иванович. И хотя в то время ему было только двадцать семь лет, для нас он был непререкаемым авторитетом. Уважали в этом небольшом старинном городке Владимира Ивановича и представители других видов спорта. Бытовала даже полублеф, что однажды наш тренер подрался с самым сильным человеком, штангистом Товкачем Валентином и вышел победителем. Странного в этом ничего бы не было, если бы не разность в их весовых категориях. Она была больше чем в два раза и составляла соответственно 139 килограмм у тяжелоатлета и 60 у нашего тренера. Прослышав эту новость, мы, воспитанники Владимира Ивановича, стали еще упорней трудиться на тренировках и старались хоть немного походить на него.

Много физических сил и воспитательского таланта потратил тренер, пока мы стали соответствовать параметрам настоящего спортсмена. Большинство из нас, в первую очередь, в секцию пошли для того, чтобы научиться хорошо драться и уметь постоять за себя, а уже во вторую – стать перворазрядными боксерами. В самый первый день нашей встречи Владимир Иванович предупредил: «Тот, кто считает, что я буду учить его обижать других людей, не владеющими искусством бокса, пусть выйдет из строя и покинет спортивный зал. Бокс не только вид спорта, он является искусством, зрелищней которого я не знаю. Я научу вас виртуозно защищаться и наносить удары, терпеть боль и физическую слабость, быть настоящими мужчинами и бойцами. Все, чему успею научить вас, не должно быть направлено во зло окружающим людям и обществу в целом». Его слова вначале немного охладили наш пыл, но уже через некоторое время мы поняли, насколько тренер был прав. Выматывающие физически, но возвышающие морально тренировки с каждым днем стали все больше приносить радость и удовлетворение. Только в конце первого года занятий начались соревновательные поединки. Вот тогда и стало все расставляться по местам. Несколько человек, не выдержав нагрузок и горечи первых поражений, покинули секцию, а оставшиеся с еще большей отдачей включились в работу. И так несколько лет подряд. К концу обучения в техникуме многие парни стали разрядниками и победителями городских и областных соревнований. Владимир Иванович, по-видимому, в душе гордился воспитанниками, но открыто чувства не выказывал.

Кроме тренера Вторушин для некоторых из нас был еще и заступником в педагогических коллизиях. Поездки на сборы и соревнования не лучшим образом сказывались на освоении нами обязательных и специальных предметов. Появлялись неудовлетворительные оценки и, как следствие – лишения стипендий, основного источника материального существования студента. Поэтому по просьбе Владимира Ивановича преподаватели шли нам навстречу и разрешали сдавать тот или иной предмет за несколько заходов, до положительного результата.

В труде и беззаботном веселье пролетели четыре с половиной студенческих года и мы, повзрослевшие, физически окрепшие и немного поумневшие, стали разъезжаться по необъятной территории страны согласно существующего в те годы государственного распределения для молодых специалистов – выпускников учебных заведений. Расставание с друзьями, педагогами и городом прошло бурно и с душевной грустью. Слов высоких не говорили, но обещали друг другу постоянно держать связь и при приезде в Тобольск обязательно навещать техникум. Попрощались мы и с Владимиром Ивановичем. Расставаясь, он высказал напутственные слова: «Даже если у вас не будет возможности заниматься дальше боксом, не забывайте о теле и постоянно тренируйте его. Хорошее физическое состояние – залог удачной карьеры и семейного благополучия».

Часть вторая

Судьба меня забросила в Подмоскowie. Проработав несколько месяцев в крупном рыбководном хозяйстве, осенью 1967 года по призыву я пошел служить в Советскую армию. Уже с первых дней пребывания в доблестных ракетных войсках стратегического назначения мне было предоставлено право заниматься любимым видом спорта. После окончания «учебки» меня откомандировали в спортивную роту ракетного соединения, в которой бокс стал не увлечением, а армейской службой. В августе-октябре 1968 года в составе спортивной роты я участвовал в военно-политических событиях, происходивших в Чехословакии. По возвращении в город Мирный Архангельской области спортивная жизнь моя и моих сослуживцев продолжилась. Повседневные тренировки и успешные соревнования разного уровня позволили к концу службы получить высокое спортивное звание «Мастер спорта СССР».

Вернувшись к мирной жизни, я вновь стал работать по специальности, полученной в Тобольском рыбопромышленном техникуме. Годы, быстро сменяя друг друга, увлекли в круговорот судьбы, предназначенной только мне. По долгу службы много и часто ездил по стране, побывал за границей и не раз заглядывал в Тобольск. И хотя никогда не выпускал из головы память о тренере, к своему стыду ни разу так и не навесил его. Но в 2007 году это, наконец, произошло.

Этот год для меня был юбилейным. Мне исполнилось шестьдесят лет. Поэтому прожить его я планировал по-особому. Первым делом решил один месяц полностью посвятить поездке в Сибирь, на свою малую Родину. Ну, а чтобы по-

ездка была более насыщенной, позвонил в Тюмень и Тобольск своим друзьям студенческих лет и согласовал возможные сроки нашей встречи. С этого момента я включился в режим подготовки к свиданию со своим далеким прошлым.

И вот в последний месяц лета этот день настал. Я сел в купейный вагон скорого фирменного поезда «Сибиряк» и с большим удовольствием стал наблюдать через окно за постоянно меняющимся ландшафтом местности на российских просторах. Из лесистой равнины он плавно перешел в степной, затем в гористый, а в конце моего пути поезд застучал колесами по западно-сибирской равнине. Когда подъехали к станции Ишим, то сосновые и еловые боры остались позади, и их сменили березовые колки.

В Ишиме и на территории Сорокинского района у меня проживало еще много близких и дальних родственников, здесь были захоронены все мои предки, включая родителей. Поэтому в этих местах задержался надолго и не пожалел. За это время мне удалось походить в березовый лес за грибами, сибирскими груздями и ягодами, поохотиться с племянником Виктором на уток и навести надлежащий порядок на могилках. Время пребывания в родных местах было так загружено, что порой его не хватало даже на полноценный сон.

Двадцать третьего августа на электричке выехал в Тюмень, где меня поджидал товарищ по студенческой поре и по совместному занятию боксом – Геннадий Корепанов. Его я не видел более десяти лет, поэтому встреча наша была радостной и вполне искренней. На следующий день на его автомобиле мы помчались в сторону любимого города нашей юности.

Часть третья

Согласиться с тем, что за последние сорок лет старинный город Тобольск очень сильно поменял свое обличие – значит изменить своей памяти и пойти на поводу тех, кто этот город раньше не знал. Сам Тобольск почти не изменился. Разве только еще на сорок лет стал старше и немного серее. Те же древние стены Кремля, парящие над пространством и временем, та же пешеходная лестница, ведущая из подгорной части города в рай поднебесья и то же трехэтажное кирпичное здание на яру, в котором когда-то размещался рыбопромышленный техникум. Да и подгорную часть города смело можно считать той, какой я знал в шестидесятые годы. На базарной площади стоит все такая же полуразрушенная церковь Возрождения, а вдали, за рекой Абрамовкой, на правом берегу Иртыша, возвышается полумесяц мусульманской мечети. Но потерь под горой больше, чем на горе. Сгорело сказочно красивое деревянное здание драматического театра, прекратил существование городской базар, закрылся городской пляж и пришла в ветхость дренажная система. Но в любом варианте это мой город и тех, кто жил в нем в середине прошлого века. А то, что было построено на горе в конце того столетия, никакого отношения к Тобольску не имеет. Это инородное тело, которое является только спутником старинного города.

По приезду в Тобольск у обелиска завоевателю Сибири – Ермаку мы встретились с Касьяновым Михаилом и Бажиным Владимиром. Бывшие молодые, стройные и красивые парни, пройдя после окончания техникума уготовленный судьбой путь, в зрелом возрасте вернулись на малую Родину и стали жить

в этом городе. С ними я не пересекался сорок лет и общался только по телефону, номера которых мне год назад сообщил Геннадий. Так что встреча была желанной, но немного грустной. Особенно в ее начале. Но уже через полчаса все стало на свои места, и разговор приобрел нужную окраску.

Долгожданную встречу по предложению местных «пенсионеров» мы решили отметить в ресторане «Сибирь», в котором в молодые годы часто не только оставляли свои скромные сбережения, но иногда и дрались с первыми романтиками крайнего севера.

Пир был в самом разгаре, когда я спросил: – «Парни, а с Вторушиным встречаетесь хоть иногда?». «Почему иногда? Часто. По его инициативе мы с Касьяновым стали судьями по боксу и вместе с ним выезжаем на различные спортивные мероприятия», – ответил Володя Бажин, высокий, седой и все такой же веселый балагур. «И как он себя чувствует? Ему ведь лет семьдесят пять должно быть», – поинтересовался я. «Какие семьдесят пять? В этом году только семьдесят стукнуло, да и выглядит он так же, как мы, а может, и моложе», – сообщил Володя. «Как семьдесят?» – удивился я, но быстро подчитав в уме разницу в годах, существовавшую между мной и Вторушиным, поправился: «Действительно, семьдесят. Он ведь только на десять лет был старше меня. А каким тогда казался серьезным и взрослым». «Вторушин и сейчас такой же. Для него мы с Михаилом до сих пор – пацаны», – усмехнулся Володя. «Слушайте, мужики, а как с ним увидеться?» – живо спросил я. «Проще простого. Сейчас позвоним ему домой и напросимся в гости. Я думаю, что старик очень сильно обрадуется нашему приходу, и особенно тебе. Ты ведь один из первых его учеников, получивших звание «Мастер спорта СССР», – обнадежил Бажин и достал из кармана мобильный телефон.

«Владимир Иванович, извини за поздний звонок, но возникли безотлагательные дела. В Тобольск прибыли Долгих Василий и Корепанов Геннадий, и жадут встречи с тобой», – весело произнес Володя и стал ждать, когда Вторушин ответит. «Понял. В десять вечера мы будем у тебя. Из ресторана что-нибудь съедобное прихватить? Не надо? Ладно, мы сами подумаем над этим», – закончил он разговор и обратился к нам: «Все слышали? В десять часов вечера дед ждет нас у себя». Меня немного поразила легкость, с которой разговаривал наш товарищ со своим бывшим тренером и учителем. Несмотря на пролетевшие сорок лет, во мне до сих пор существовал барьер, не позволяющий перейти с бывшими учителями, которых я уважал, на панибратское «ты». Часто сами эти люди поправляли меня и хотели разговаривать со мной по упрощенной схеме, но переходить на такой диалог я не решался. И не оттого, что во мне могла сидеть плебейская кровь, а просто потому, что меня так воспитали в детстве.

Посидев в ресторане часа два и вспомнив все то, что нас когда-то объединяло, мы вышли на улицу, сели в машину и направились в сторону микрорайонов нового города. Всеми действиями руководил Володя. «Так, мужики, сейчас мы заезжаем в супермаркет, отовариваемся по полной программе, затем ставим автомобиль Геннадия на стоянку и двигаемся своим ходом до дома Вторушина. Геннадий ведь тоже должен выпить за нашу встречу», – пояснил он план дальнейших действий. Возражать никто не стал.

Ровно в десять вечера мы стояли на лестничной площадке третьего этажа, у дверей Владимира Ивановича, и Бажин смело нажимал кнопку звонка. Через некоторое время дверь распахнулась и в проеме я увидел своего тренера. Несмотря на сорок прошедших лет, его я узнал сразу. Такая же подтянутая и стройная фигура, такой же бобрик коротких волос на голове и такие же светлые, с веселой хитринкой, глаза. «Пришли? Проходите в квартиру, а уж потом будем здороваться», – пригласил Вторушин, но, посмотрев на меня, добавил: «Так вот ты каким стал! А я тебя представлял все тем же мальчишкой, каким пришел ко мне в секцию на первую тренировку. Почему-то именно таким я тебя и помнил, хотя из секции ты уходил уже вполне взрослым парнем». «К сожалению, за прошедшие с той поры годы мой внешний вид поменялся немного. Но вот вы, Владимир Иванович, все такой же молодой и спортивный», – произнес я в ответ и мы по-мужски обнялись. После этого Вторушин повернулся и повел нас в гостиную комнату, в которой уже был накрыт стол и расставлены стулья. «Рассаживайтесь, парни, поудобней. Сначала выпьем за встречу по сто граммов и закусим, а уж потом приступим к разговору», – хитро улыбаясь, предложил хозяин и пошел на кухню. «Владимир Иванович, помочь что-то делать, или сам справишься?» – спросил Бажин и, не дождавшись ответа, взял пакеты с закупленными продуктами и направился следом за хозяином.

За те пять минут, которые мы находились в гостевой комнате в ожидании прихода Вторушина и Бажина, я успел заметить на стене несколько групповых портретов, на которых был запечатлен Владимир Иванович со своими питомцами, висящие на вбитом в стену гвозде, потертые коричневые боксерские перчатки с такими же старыми кожаными «лапами». «Наверное, еще с моих времен сохранились...» – с ностальгией подумал я. Уловив мое настроение, Касьянов подошел к одному из портретов и, показывая пальцем на него, произнес: «Вот и наша команда в полном составе зафиксирована». И, немного помолчав, словно что-то вспоминая, спросил: – «Василий, ты помнишь, где и когда мы фотографировались?». Я подошел к нему и, внимательно рассмотрев портрет, ответил: «Конечно, помню. В Новосибирске в 1965 году это произошло. Мы тогда стали победителями зонального первенства по боксу среди учебных заведений Урала и Западной Сибири». «Молодец! Не выдули видно из твоей головы москов-

ские ветра воспоминания об активной молодости, проведенной в Тобольске. Выходит, крепко они засели в ней», – услышал я голос Вторушина. «Выходит так, Владимир Иванович», – ответил я, и все присутствующие засмеялись.

Наше застолье, посвященное долгожданной встрече, продолжалось до двух часов ночи. Воспоминания ярких событий, и не только спортивных, произошедших в далекие шестидесятые годы прошлого столетия, споры по некоторым неудачным выступлениям команды в целом и кого-то из нас в отдельности, и краткие рассказы о прожитых после окончания техникума годах держали всех так, что порой мы забывали даже выпить за какой-нибудь очередной тост. Когда пришло время расставаться, посмотрев на нас, Вторушин улыбнулся и произнес: «Я думал, что вы за сорок лет стали алкоголиками, а вы даже на рядовых пьяниц не тяните. Четыре часа сидели за столом и на пятрых выпили только две бутылки водки. Нет, трезвых я вас от себя не отпущу. Поэтому наливайте по полной рюмке и выпьем сначала «стременную», а затем на «посошок». «А разве спортсменам можно?» – съехидничал Корепанов Геннадий. «Вам теперь уже все можно, но только осторожно», – ответил тренер и вместе с нами весело засмеялся. Но, выпив «стременную», он неожиданно сделал серьезное выражение лица и спросил: «Физической зарядкой все занимаетесь?». «Конечно, занимаемся. А как по-другому?» – ответил за нас Касьянов. «А вот так можете сделать?» – спросил Владимир Иванович и, не дожидаясь ответа, вначале стал на четвереньки, затем рывком поднял ноги вверх и выпрямил руки. Постояв на руках секунд десять и уловив равновесие, старый тренер сделал пять вертикальных отжиманий и ловко вернулся в обычное «человеческое» состояние. «Ну так кто же может это повторить из вас? Может, мастер спорта и по совместительству житель столицы России?» – хитро улыбнулся Вторушин. «Ну, что вы, Владимир Иванович, я на ногах не очень уверенно себя чувствую, а на руках и вовсе никогда не стоял», – попробовал я отшутиться. «Плохо, Василий. Рано ты отправил на покой свое тело. Оно работать постоянно должно. В противном случае старость не в радость окажется», – сказал мне тренер и поднял рюмку водки на «посошок».

Расправившись с последней дозой, мы поднялись из-за стола и стали прощаться с хозяином гостеприимной квартиры – нашим тренером. Но в это время Владимир Иванович вдруг спросил: «Не хотите съездить на рыбалку? Больших уловов не обещаю, но на стерляжью уху поймаем точно». Мы переглянулись с Корепановым и почти одновременно ответили: «С удовольствием!». «Ну, раз наши гости готовы ехать на природу, то и нам некуда деваться», – улыбаясь, произнес Бажин. «Вот и хорошо! Завтра в шесть часов утра я вас жду у гаража. Михаил знает, где он находится?» – выдал установку Вторушин. «Завтра – это завтра? Или завтра – это сегодня?» – спросил Корепанов, посмотрев

на настенные часы. «Завтра – это завтра, а сегодня – это сегодня», – уточнил Владимир Иванович, и мы пошли на выход.

Остаток ночи мы с Геннадием провели у Бажина Володи, который после развода с женой и возвращения из Мурманска проживал под горой один в трехкомнатной квартире. Весь следующий день вместе с Касьяновым мы посещали памятные места своей молодости. Даже съездили в село Абалак, чтобы полюбоваться отреставрированным монастырем и воздвигнутой из дерева старинной крепостью. Спать на этот раз улеглись рано, ибо впереди нас ожидал подъем в пять часов утра.

К гаражу Вторушина мы подъехали без десяти минут шесть. Владимир Иванович уже был на месте и поджидал нас. «Как провели вчерашний день?» – спросил, улыбаясь, он. «Отлично!» – коротко ответил я. «Ну раз отлично, то складывайте в машину вот эти вещи и рыбацкие принадлежности, и будем выдвигаться», – скомандовал тренер, и мы стали быстро выполнять указание.

Проскочив километров пятьдесят на север и оказавшись в пределах большого села Бронниково, расположенного на правом берегу Иртыша, Вторушин, показывая на третий деревянный дом с краю, сказал: «Поверни, Геннадий, к нему. Здесь нам придется оставить машину, переложить провиант и снасти в лодку и отправиться дальше, вниз по течению».

Дюралевая лодка «Прогресс» с подвесным мотором «Вихрь» находились в конце огорода, под навесом и, как оказалось, принадлежали нашему тренеру. Хозяин дома, Сергей, приходился ему двоюродным братом и бдительно хранил на своей территории имущество родственника.

Закончив со сборами, мы компактно разместились в лодке. Владимир Иванович завел двигатель и плавно отошел от берега. Переход по Иртышу до окончательной остановки занял больше часа. Но мы даже не заметили, как пролетело время, и нос «Прогресса», прошумев днищем по песку, уперся в берег. Нас окружали «звонкая» тишина и неопиcуемая красота прииртышской природы. «Вот и прибыли на место. Вытаскивайте все на берег и будем устраиваться на постой», – скомандовал сосредоточенный Вторушин.

Мы медленно выбрались из лодки и нехотя стали выполнять команду тренера. «Не успели еще удочки в реку забросить, а вас уже разморило», – пошутил Вторушин и спросил: «Со сплавной сеткой кто-нибудь из вас рыбачил?». «Обижаешь, Владимир Иванович. Перед тобой не только бывшие боксеры, но и рыбаки-профессионалы. Уж с чем – с чем, а с плавной сетью разберемся, как повар с картошкой», – ответил Бажин, много лет проходивший первым помощником капитана на рыболовецких судах. «Ну тогда разберите ее, подготовьте

к выбросу за борт и можете выходить на реку. А я, пока вы занимаетесь промышленным «браконьерством», попробую испытать рыбацкое счастье с удочками», – заявил Вторушин и стал вытаскивать из чехлов орудия лова.

Закончив готовить к работе двухсотметровую сеть, мы накоротке перекусили бутербродами и вышли на Иртыш. Рулевым мотористом стал Касьянов, а мы втроем взяли на себя роль траловых мастеров. Не дойдя метров пятьдесят до противоположного берега реки, по команде Бажина стали выкидывать за борт лодки сплавную сеть с большим пенопластовым поплавком на конце, одновременно удаляясь в сторону другого берега. Минут через тридцать эта процедура закончилась, и лодка, подхваченная течением, медленно поползла вдоль правого берега.

Дрейфовать по Иртышу в сторону севера закончили часа через два, пройдя за это время километра три водного пути. По команде Володи мы постепенно стали выбирать сеть из воды, вытаскивать из ячей попавшуюся рыбу и аккуратно складывать на дно лодки. На это занятие ушло не меньше часа. После чего Касьянов завел мотор и повернул нос «Прогресса» навстречу течению.

Часть четвертая

Не доходя до стоянки метров двести, мы заметили на берегу джип и сидящего рядом с ним человека. «Рыбная инспекция нагрянула!» – машинально произнес Володя и предложил: «Давайте уйдем к левому берегу». «Не надо куда-то уходить. Разберемся как-нибудь», – успокоил Геннадий, работавший в то время первым заместителем председателя областной Думы. «А где же Вторушин?» – спросил я. «А где ему быть? С удочкой копается на берегу», – ответил Бажин. Я посмотрел чуть правее и успокоился. Тренер сидел на корточках и ковырялся в нехитрых снастях. Подходить к нему близко Касьянов не стал и уткнулся носом лодки в песок метров за тридцать.

Уже оказавшись на берегу, я понял, что стоящий рядом с нашей стоянкой автомобиль не может быть транспортом сотрудников органов рыбоохраны. Черный кузов дорогого новенького джипа «инфинити» и хромированное навесное оборудование на нем сверкали всеми цветами радуги, подчеркивая принадлежность хозяина к новому сословию «капиталистов». Сами «капиталисты» почему-то не выглядели под стать своему железному коню. Крупный парень, которого мы заметили еще издали, продолжал сидеть все в той же позе, поддерживая двумя руками голову, а второй лежал на животе чуть подальше от машины и стонал. «Пьяные или обкуренные», – сделал вывод Касьянов, и мы направились в сторону тренера, чтобы посмотреть на его улов и доложить о своих успехах.

«Ты что, Владимир Иванович, в снастях запутался?» – спросил с ехидцей Бажин, когда мы поравнялись с Вторушиным. «Запутаешься здесь с такими

наглецами. Видишь ли, оказывается, это их место. Я здесь уже двадцать лет рыбаку – и то не считаю его своим. Переростки сопливые!» – неожиданно для нас пробурчал тренер и добавил: «Михаил, сходи, посмотри на того, который лежит. Живой хоть он там? А то ведь кроме гонора и сырого мяса в них ничего нет». «Владимир Иванович, а что здесь произошло?» – спросил я. «Да ничего особенного. Просто у некоторых молодых выродков от наличия денег в кармане совсем башку снесло», – нехотя ответил тренер и тут же скомандовал: «Василий, тебе с Геннадием уху варить, а мы за дровами в лесходим и со снастями разберемся».

Вернувшийся от машины «капиталистов» Михаил, улыбаясь, кратко доложил: «У того парня, что лежит, нижняя челюсть явно выбитая. Второму меньше досталось, но без нокаута, чувствуется, не обошлось. До сих пор голова у него плохо работает. А две молоденькие девчонки, которые с ними приехали, забились на заднем сидении машины, подняли стекла, защелкнули предохранители и не открыли мне дверку». «Ничего, придут в себя и все у них снова будет тип-топ. Они теперь хозяева жизни на Руси», – произнес Вторушин, вытащил из рюкзака небольшой топорик и направился в сторону соснового бора. За ним последовали и Бажин с Михаилом. Ну а нам с Геннадием ничего не оставалось делать, как достать со дна лодки несколько стерлядок, пару язей, большого сома и приступить к их разделке.

Когда Вторушин и его «подручные» вернулись из леса с дровами, все необходимые для хорошей ухи полуфабрикаты и ингредиенты были подготовлены. Так что дело оставалось за малым – разжечь костер, подвесить над ним большой котел с водой и приступить к варке душистого, наваристого и полезного для организма кулинарного изделия. Чтобы ответственность за качество ухи лежала на одном человеке, эту деликатную миссию возложили на Геннадия, выведя меня из-под возможной в дальнейшем критики.

Молодые «капиталисты» стали приходить в себя минут через сорок после того, как мы прибыли с рыбалки. Метров за пятьдесят от нас они молча подошли к реке, сполоснули водой руки и лица, затем также тихо вернулись к машине, медленно сели в салон, а еще через минуту мощный мотор зарычал, и дорогая иномарка стала удаляться в сторону центральной трассы, соединяющей города Тюмень и Сургут.

У нас все шло своим чередом. Как только Геннадий объявил о готовности ухи, мы быстро оборудовали импровизированный стол, поставили на него разовую посуду, две бутылки водки и несколько металлических банок с пивом. Вскоре желанный обед на прекрасной природе вступил в активную стадию. Мы произносили тосты, чокались, дружно вливали в себя «огненную воду», за-

пивали ее юшкой и закусывали отварной рыбой. О произошедшем конфликте между Вторушиным и молодыми парнями не начинали говорить долго, но в воздухе такой вопрос витал. Только после третьего выпитого стакана Бажин спросил: «Владимир Иванович, так ты хоть бы рассказал, что здесь произошло в наше отсутствие?». Тренер ненадолго задумался. Обвел нас серьезным взглядом и спокойным голосом ответил: «Эти подонки, как только подкатили на джипе и остановились напротив, мне сразу не понравились. Выскочили из машины, стали орать, визжать, материться и бегать по берегу, пугая не только рыбу, но и чаек на реке. Я вежливо попросил их отъехать чуть подальше и не мешать рыбачить. Замечание незваную компанию сильно разозлило, и эти наглецы решили, что на берегу лишний я, а не они. Подошли и открытым текстом сказали, чтобы я убирался подобру-поздорову от греха подальше. Когда я ответил, что на этом самом месте рыбачу уже больше двадцати лет, то один из них, нагло улыбаясь прямо мне в лицо, высказался: «Вот порыбачил двадцать лет – и хватит. Теперь это место наше, и мы будем здесь рыбачить столько же. Понял, дед?». Попробовал их усюветить, но было все бесполезно. Даже две их пигалицы смеялись надо мной. Наверное, и эти насмешки стерпел бы, но когда один из новых «хозяев жизни» вырвал из моих рук удилище и сломал о свое колено в трех местах, кровь вскипела во мне до предела. В прыжке я достал его по бороде правым боковым ударом и тут же левым боковым попал по печени. Он свалился на песок, как подкошенный, а в это время его напарник с силой толкнул меня сзади в спину, рассчитывая, что я упаду. Но просчитался. Я резко повернулся к нему и нанес по голове два прямых удара. Их оказалось достаточно, чтобы его слабые мозги отключились полностью и долго не восстановились. Ну а их пигалицы испугались и с визгом побежали укрываться в машину. Вот и вся история». После сообщения первое время мы не знали, что делать и как себя вести. Поздравлять старого тренера с победой над молодыми подонками было не очень уместно. Комментировать и обсуждать действия противоборствующих сторон в этой неравной схватке не хотелось. Но и оставить рассказ Вторушина без внимания мы тоже не могли. «А как же сочетается твой поступок с теми постулатами, которые ты нам вдалбливал в те далекие времена?» – с ехидцей улыбаясь, спросил Бажин. «Какими постулатами?» – не сразу понял тренер слова Володи. «Как какими? Кто нам говорил, что полученные навыки при занятии боксом нельзя применять против мирных граждан и общества в целом?». Владимир Иванович допил оставшуюся в стакане водку, хитро улыбнулся и ответил: «Об этом я вам говорил тогда, когда наша страна называлась СССР, а государственный строй в ней был социалистический. Сейчас мы живем в России и в условиях дикого рыночного капитализма. Если раньше головой и мастерством люди завоевывали себе достойное место под солнцем, то теперь воровством, наглостью и подлостью. Хорошо еще, что

руки иногда помогают постоять за себя, а то давно бы новые «хозяева жизни» растоптали меня. Нет, парни, от слов славного прошлого я не отрекся, а просто стал жить в волчьем обществе по волчьим законам. Так что все, сказанное мной тогда, остается в силе, с небольшими поправками на современную реальность. Даже конституция страны претерпела изменения с тех давних пор». Мы внимательно выслушали Вторушина и, не сговариваясь, хором выкрикнули: «За нашего мудрого тренера, и до дна!».

В Тобольск с рыбалки мы вернулись уже затемно. Выгрузив из машины в гараж рыболовные снасти и рыбу, тепло, до душевного ностальгического трепета, попрощались с Владимиром Ивановичем, завезли домой Касьянова и вновь поехали на ночевку к Бажину.

На следующий день мы с Геннадием уже в семь часов утра покинули пределы города своей студенческой молодости и проезжали по автомобильному мосту через Иртыш. «Все такой же сильный, бурлящий, и с норовом. Словно не было в нашей жизни более сорока лет расставания», – невольно произнес вслух я. «Ты это о ком? О Вторушине?» – спросил Геннадий. «Можно и о нем так сказать. Все эти качества сохранились и в нашем тренере», – ответил я, и мы замолчали, погружившись в пучину бередящих сознание и заставляющих стонать сердце и душу, воспоминаний.

Тобольск. 3 сентября 2007года.

*Политолог
с дальнего
гордона*

Осенью 2011 года меня вновь потянуло в Тамбовские леса на встречу с моршанскими друзьями. Я позвонил Валентину Александровичу Трофимову и высказал свое пожелание. «Приезжай, коль в Москве не сидится. Буду рад тебя видеть», – ответил тот, ставя точку в нашем разговоре. Для меня этого было достаточно, чтобы в течение двух часов собраться в дорогу и на следующий день рано утром выехать. Желание вновь быстрее повстречаться со старинными соратниками по охотничьим набегам так крепко овладело мной, что 450 километров я проскочил за пять часов. И это несмотря на то, что сотрудники ГИБДД дважды останавливали за превышение скорости. В общем, перед самым обеденным перерывом я переступил порог директорского кабинета, и мы по-братски обнялись с его хозяином. Еще через двадцать минут сидели за кухонным столом его квартиры и с аппетитом уплетали вкусный борщ и жаренное мясо молодого кабанчика. «Молодец, что приехал! Необходимо чаще отдыхать от Москвы. Я даже не представляю, как вы там живете. Копоть, духота, толчея на дорогах, шум базаров и многоязычный лепет толпы. Словно Москва не столица России, а какого-то азиатского или африканского государства. Меня в твой город никакими куличами не заманишь. Вот здесь у нас! Природа кругом. Воздух такой чистый и ароматный, что хоть намазывай на кусок черного хлеба и ешь. Думаю, что голодным не будешь», – радостно улыбаясь, поглядывая на меня слегка хитроватым взглядом, воодушевленно высказался Валентин. И, сделав небольшую паузу, спросил: «На сколько дней приехал? Недельку побудешь у меня?». «Не знаю, выдержу ли недельку, а пять дней точно глаза мозолить буду», – уверенно ответил я и засмеялся. «Ну, мне ты вряд ли глаза намозолишь. Сам знаешь, какая сейчас страда на хозяйстве. Облов прудов идет полным ходом. Еще в двух нагульных прудах рыба не до конца выловлена. Так что с тобой я постоянно быть не смогу, и надеюсь, что ты на меня не обидишься. А чтобы твое пребывание у нас было активным, к тебе приставлю племянника Виктора. Он не даст скучать, и весь твой накопившийся охотничий азарт реализует на полную катушку. Как тебе мое предложение?» – спросил Валентин. «Нормальное предложение. Какого из Витьки ты браконьера вырастил, я уже давно понял. Спец высшей категории. Так что занимайся спокойно производственными делами, а мы с твоим племяшем в охотничий промысел ударимся», – отозвался я на предложение товарища. «Вот и хорошо, что на этот вариант согласился. А то я подумывал взять краткосрочный отпуск и с тобой побыть», – улыбнулся широкой и открытой улыбкой Валентин. После этого мы еще не меньше часа вели душевный разговор на разные темы и вспоминали веселые эпизоды из прошлых охотничьих забав. «Я сейчас схожу часа на два на работу, а ты немного отдохни с дороги. Ложись на диван, включай телевизор и попробуй уснуть под его бормотание. У меня это здорово получается», –

предложил хозяин квартиры. «Иди, трудись спокойно, найду, чем заняться. К завтрашнему дню подготовиться необходимо», – успокоил я его. «Ну, вот и отлично! Тогда я побежал», – произнес Валентин и мощным рывком поднялся со стула. Но не прошло и часа, как он вновь появился на пороге своего жилья. «Ты что так рано вернулся? Случилось что-то?» – встревожился я. «Да нет. Все нормально пока. Просто план хороший созрел по поводу твоего отдыха на природе. В общем, хочу отвезти тебя к одному человеку на кордон. Зовут его Петр Павлович. Он твой земляк, заядлый охотник, и проживает в самом дальнем углу таежной глухомани. Электричества в его доме нет. Радио работает от батареек. Связь телефонная и мобильная отсутствуют. Туалет на улице, отопление печное, но зато какая природа вокруг – одно загляденье. Да и дичь вся, какая водится в наших местах, вокруг его хутора вертится. Но если ты откажешься от этого предложения, то в силе остается первое. Поэтому я советую подумать хорошенько и принять правильное решение», – объяснил причину досрочного возвращения с работы Валентин. «А как он там питается? Кто ему готовит? Ты ведь знаешь, что я плохой кулинар», – насторожено спросил я. «По этому поводу не беспокойся. У Петра Павловича жена, которая замечательно с этой задачей справляется», – успокоил Валентин и предложил: «Решайся быстрее. Если что, я уже сегодня тебя могу отвезти на кордон. А завтра на охоту с ним пойдете». «Александрович, по твоему хитрому взгляду я понял, что ты настоятельно рекомендуешь мне познакомиться с земляком. Поэтому можешь считать, что я готов на бытовые испытания ради успешной реализации охотничьих амбиций», – ответил я. «Вот и хорошо! Тогда через час выезжаем. Но хочу предупредить о некоторых странностях Петра Павловича, хотя знаю наперед, что тебя они не очень испугают. Дело в том, что на старости лет он увлекся политической философией и готов с новым человеком, попавшим в его орбиту, часами вести дебаты. Ну, а на тебя, как на жителя Москвы, он может наброситься с особой яростью. Так что придется потерпеть. Зато охотой ты наверняка останешься довольным», – внес коррективы Валентин.

Через два часа, погрузив в УАЗ охотничьи принадлежности и провиант, мы выехали на межрайонный тракт и повернули в сторону видневшегося вдали темного соснового бора. Проскочив километров десять по дороге с твердым покрытием, Валентин свернул налево на проселочную колею и стал медленно углубляться в лесной массив. Вековые сосны и ели так высоко взмывали верхушками в небо и так плотно стояли друг к другу, что я не сдержался и пошутил: «В таком диком лесу только «соловьи-разбойники» могут жить». «Поживешь у Петра Павловича с недельку сам «соловьем-разбойником» станешь», – быстро нашел что ответить Валентин и весело засмеялся. Я не стал развивать полемику и с любопытством продолжил всматриваться в окружающую при-

роду. Первым не выдержал молчания мой товарищ. «Ты что, Федорович, приуныл? Если поездка смущает тебя неизвестностью, то давай повернем назад», – предложил он. «Тебе сложно будет это сделать. Из такой колеи навряд ли удастся без труда выбраться. Так что ползи дальше», – ответил я, и в это время, словно подтверждая мои слова, под днищем машины заскрипело, забулькало и затрещало. Еще через мгновение вездеход резко снизил скорость, двигатель надрывно заурчал, и я понял, что в нашем путешествии появились первые экстремальные условия. «Придется лебедку разматывать. Без нее мы не выползем из этой трясины», – спокойно прокомментировал Валентин ситуацию, заглушил двигатель и выпрыгнул из машины на обочину колеи. Я последовал за ним и стал активно помогать в решении небольшой дорожной проблемы.

Потратив на борьбу с бездорожьем минут тридцать и вытянув автомобиль из глубокой колеи, набитой вязким тамбовским черноземом, на безопасный участок, мы помыли в луже сапоги, сели в салон и тихо двинулись дальше в глубину дремучего леса.

После этого испытание дорожной стихией продолжалось не менее двух часов. Нам еще трижды приходилось пользоваться лебедкой, пока, наконец, впереди, на краю лесной опушки я заметил слабый свет, пробивающийся сквозь ветки невысокого кустарника. «Ну, что Федорович, сильно устал от болтанки? Наверное, проклял все на свете, пока я тебя тряс по лесным ухабам? Не переживай. За пять дней отдохнешь у Петра Павловича», – уверенно произнес Валентин и добавил: «Сейчас Булька выбежит нас встречать». Я не успел уточнить, кто такая Булька, как увидел мчавшуюся на всех порах навстречу маленькую собачку непонятной породы и масти. А еще через минуту вездеход уперся в ворота, сбитые из березовых жердей, и остановился. «Все, приехали! Выходи из машины. Буду тебя сдавать по акту хозяину этой усадьбы», – весело скомандовал Валентин и первым покинул салон.

Я еще сидел в машине, когда заметил энергично двигающегося в нашу сторону коренастого, неопределенного возраста мужчину с приветливой улыбкой на лице. Маленькая собачка Булька энергично семенила лапками впереди него и заливалась веселым, звонким лаем. Когда я вышел из машины, Валентин и хозяин заимки о чем-то оживленно разговаривали. «Вот знакомься, Петр Павлович, с моим другом и твоим земляком. Едва уговорил его поехать к тебе на охоту. Он же у нас москвич. Существо нежное и разбалованное цивилизацией. Так что ты уж сильно его не эксплуатируй», – пошутил Валентин. «А у меня особой работы нет, чтобы его загрузить. Вот разве что кубов десять березовых чурок успеет переколоть, пока у нас живет, и с него хватит», – живо подхватил настроение Валентина хозяин кордона. «Если будешь его хорошо кормить, то

с этим заданием он наверняка справится», – поставил точку в диалоге Валентин, и мы все весело рассмеялись.

После знакомства и обмена приветственными шутками Петр Павлович с любопытством осмотрел меня с ног до головы и немного глуховатым голосом спросил: «Из каких сибирских мест родом будешь?». «Западная Сибирь дала мне жизнь. Уроженец Тюменской области», – попробовал я удовлетворить любопытство лесного обитателя. «А я в Красноярском крае родился. Ну да ладно, у нас будет время познакомиться поближе. Бери из машины вещи и пойдем в дом. Может, моя старуха раздобрится и вас чайком угостит», – пошутил Петр Павлович и, немного помолчав, обратился к Валентину: «Александрович, а ты на ночь у меня останешься, или в рыбхоз возвращаться будешь?». «С удовольствием бы у тебя дня три пожил, да дел на хозяйстве невпроворот. Скоро морозы начнутся, а мы еще рыбу из прудов не всю выловили», – вздохнул Валентин. «Ну, как знаешь. Дело на безделье не меняют», – согласился Петр Павлович, и мы стали выгружать вещи из машины.

Уже оказавшись на обширной территории усадьбы, я стал внимательно рассматривать ее устройство. Хотя на улице стремительно наступали сумерки, основные здания и сооружения мне все-таки разглядеть удалось. В первую очередь глаз радовали чистота и порядок, которые присутствовали везде. Большой дом, хозяйственные постройки, баня, стоявшая на высоком берегу речки, были аккуратно срублены из хвойного леса, гладко отструганные и хорошо проконопаченные. Окна дома и построек украшали резные наличники и плотные ставни. За хозяйственными постройками до бани ровными рядами стояли плодовые деревья и садовые кустарники, а чуть правее возвышались два стога сена, наполняющие пространство запахами прошедшего лета. Я с жадностью до отказа заполнил легкие этим воздухом и на мгновение замер. «Федорович, ты собираешься в дом заходить, или решил на природе заночевать?» – вернул меня к действительности голос Валентина. «А что? Отличная идея! Накидаю на телегу побольше сена, залезу в спальный мешок и сольюсь с природой воедино», – отшутился я. «Такое удовольствие я тебе запросто могу предоставить. Было бы желание. Но сейчас мы первым делом чайку попьем, а потом уж и на ночлег устраиваться будем», – определил наши дальнейшие действия Петр Павлович.

На высоком крыльце дома появилась миловидная женщина. Она звонким голосом, немного протяжно, поприветствовала нас и тут же стала выдавать команды: «Дед, заводь гостей в горницу, затопи печь и ставь на плиту чугунок с водой. А я сейчас быстро подою корову и начну готовить ужин». Уже пропуская нас в дом, спросила: «Александрович, а гость московский не очень в еде привередливый?». «Не беспокойся, Алексеевна, Федорович у нас всеяд-

ный», – ответил Валентин и весело хмыкнул. «Вот и хорошо! Я его настоящей, нашенской пищей побалую», – успокоилась хозяйка и, сняв с металлического крючка прибитое к стене сеней эмалированное ведро, направилась в сторону хозяйских построек.

Во время обильного ужина и дружеской беседы после него я старался меньше говорить, а больше слушать и наблюдать за новыми знакомыми. Мне хотелось получше узнать о них, понять их жизненные позиции и сформировать свое мнение об ихнем внутреннем мире. Когда они ко мне обращались с каким-нибудь вопросом, я старался отвечать на него кратко и без особых подробностей. Наверное, хозяевам не очень это нравилось, но мнение они вслух не высказывали и чувство приличия не теряли. Только тогда, когда Валентин засобирился в обратный путь, Петр Павлович заметил: «Александрович, а товарищ твой не очень разговорчивый. Может, нашей глухомани испугался?». «Это я его бездорожьем напугал. А так, Федорович – любитель поговорить на различные темы. Думаю, что вы найдете общий язык», – улыбнулся Валентин и первым направился на выход из дома. Нам с хозяином ничего не оставалось, как последовать за ним. Когда шум вездехода поглотила колея лесного бездорожья, а свет фар потерялся в иголках разлапистых веток сосен и елей, я посмотрел на небо и, не сдерживая эмоций, вскрикнул: «Какая красота! Давно уже не видел такое чистое ночное небо и такие огромные звезды! А какая здесь чарующая и пугающая тишина! Неужели все это в мире еще существует!?!». «Разве в Москве звезд не видно? Или вы ночью на улицу не выходите?» – с иронией в голосе спросил Петр Павлович. «К сожалению, в Москве эту красоту не рассмотреть. Там другие звезды ночью зажигаются», – ответил я и тяжело вздохнул. «Ну, если тебе так нравится смотреть на звезды, то подивись на них. А я пойду хозяйке помогать тебя на ночлег устраивать», – произнес хозяин заимки и направился в дом.

После его ухода я еще больше часа любовался ночными пейзажами, вслушивался в звенящую тишину леса, изредка прерывающуюся глухими головами птиц и зверей да трепещущими от внезапного порыва ветра веток на ближайших соснах, и всматривался в звездное небо, пытаюсь обнаружить проблесковые огни самолета или искусственный спутник земли. Наверное, оставался бы на улице и дальше, но ночная прохлада стала постепенно проникать под одежду и напоминать о времени года, которое коренным образом отличалось от летнего. Неожиданно открылась дверь сеней и послышался голос Петра Павловича: «Заходи в дом, Федорович. Пора ко сну отходить. Завтра нам с тобой рано вставать». Не вступая в разговор, я поднялся на крыльцо и вошел следом за хозяином в темные сени. «Мы тебе в маленькой комнате постель застелили. Кровать стоит прямо вдоль русской печки, так ты уж будь поаккуратней, не обожгись. Нынче кирпич сильно нагрелся. Обычно мы раз в сутки

печь топим, а сегодня по особому случаю дважды кочегарил», – предупредил хозяин и открыл дверь в боковую комнату большого и уютного дома. «Вот твоё пристанище. Когда разденешься, не забудь потушить керосиновую лампу», – выдал установку Петр Павлович и предупредил на прощание: «Подъем в пять часов. Позже в лесу делать нечего». Я хотел поинтересоваться, на какую дичь пойдем охотиться, но дверь закрылась, и вопрос неразрешенным остался до утра. Сняв с себя одежду и положив на табурет, стоящий рядом с металлической кроватью, я потушил фитиль в лампе и лег в лоно пухового, высокого матраца. После тусклого света лампы глаза быстро адаптировались в темноте, и я через окно вновь увидел небо и крупные звезды. «Какая красота!» – прошептал я, сладко зевнул, и минут через пять погрузился в крепкий, спокойный сон.

«Федорович, просыпайся, пора», – приглушенно позвал голос хозяина. Я открыл глаза и, не сразу сообразив, что нахожусь не у себя дома, с силой потянулся всем телом, резко повернулся на кровати и неожиданно для себя свалился на пол. Дверь в комнату приоткрылась, и голос хозяина спросил: «Ты что так сильно шумишь? Может, лампу зажечь?». «Не надо. Сейчас выйду», – успокоил я, окончательно проснувшись. Быстро натянув охотничью амуницию, вышел на свет лампы, стоящей на кухонном столе и вежливо поздоровался с Петром Павловичем. «Сядь за стол. Сейчас по-быстрому перекусим – и вперед. А то лесные обитатели уже заждались охотников», – скомандовал хозяин и сел на табурет, стоящий у окна.

Из дома Петр Павлович вышел первым. Минут через пять, навесив на пояс патронташ и закинув на спину рюкзак и ружье, вышел и я. Оглядев меня и оценив мою готовность к предстоящим охотничьим мероприятиям, Петр Павлович вдруг скомандовал: «Ружье дома оставь. Придется тебе сегодня лопатой поработать». «Не понял. Это что, шутка такая?» – удивленно спросил я. «Почему шутка. Сегодня мы за барсуками пойдем. Поэтому одного ружья хватит. А вот лопаты придется две захватить», – объяснил Петр Павлович и подал мне шанцевый инструмент с длинными черенками.

Минут через тридцать мы втроем, считая собачку Бульку, остановились на высоком лесном холме, на котором я заметил несколько круглых, замаскированных отверстий, ведущих в подземное жилище барсучьей семьи. «Ну, вот и пришли. Ты, Федорович, встань вон к тому лазу и жди команды, а я сейчас запущу Бульку внутрь норы. Пусть зарабатывает себе на обед», – распорядился лесной житель. Мне ничего не оставалось, как приступить к исполнению указания.

Также беспрекословно команду Петра Павловича выполнила и Булька. Как только он снял с плеча старенькую мелкокалиберную винтовку, направил ствол в земляную дыру и выстрелил, она с лаем и повизгиванием бросилась в нору

вслед за пулей. Я не очень был искушен в этом виде охоты и с нетерпением стал ждать развязки. Буквально через минуту после того, как собачка нырнула под землю, Петр Павлович опустился на колени, прильнул ухом к земле и стал напряженно вслушиваться в происходящее на глубине. А еще через три минуты он радостно произнес: «Дома оказался!». И приказал, показывая пальцем: «Копай вот на этом участке». Я быстро взял в руки лопату и стал энергично работать, не очень понимая, зачем это надо. Через минут пять Петр Павлович вдруг внес коррективы: «Бросай там копать, начинай рыть вот здесь», – и вновь приставил ухо к земле. А еще через некоторое время мне поступила очередная вводная. Занятый трудом землекопа, я даже не услышал хлопок выстрела из мелкокалиберной винтовки и не сразу обратил внимание на радостный возглас старого охотника. «Все! Заканчивай копать. Одного барсука Булька выкурила из норы, а больше там нет», – пояснил Петр Павлович и вытащил добытый трофей на поверхность.

Этот день с точки зрения промысла для нас оказался вполне удачным. Уже к двум часам дня в моем рюкзаке находились два ценных зверька, чувствительно оттягивая плечи назад. «На сегодня хватит. Пора домой возвращаться, а то Алексеевна заждалась нас к обеду», – веселым голосом произнес Петр Павлович и, посмотрев на меня, спросил: «Устал лопатой махать?». «Не очень, но аппетит нагнал точно», – ответил я. «Ничего. Сейчас придем домой, выпьем по сто граммов самогонки, плотно пообедаем – и всю усталость как рукой снимет», – успокоил он меня и, положив на правое плечо лопаты, а на левое накинув ремень винтовки, бодро зашагал по тропинке, ведущей к его одинокому жилищу.

Алексеевна и на самом деле с нетерпением поджидала нас к обеду. Поэтому как только мы появились в поле ее зрения, она звонким голосом скомандовала: «Быстро умывайтесь и садитесь за стол!».

Во время обеда я внимательней рассмотрел хозяйку и пришел к однозначному выводу, что в недалеком прошлом она была настоящей красавицей, мечтой любого мужчины. Да и сейчас ее лицо, фигура и умение вести себя не утратили былой привлекательности. Еще я понял, что в этой семье торжествует культ любви, верности и уважения.

После вкусного обеда и непринужденного разговора за столом мое тело расслабилось, внимание рассеялось, а веки глаз стали непроизвольно смыкаться. Заметив мое состояние, Алексеевна предложила: «Иди в комнату, отдохни. А мы пока по хозяйству управимся». Я взбодрился, хотел было возразить, но жену поддержал и Петр Павлович. Дальше я уговаривать себя не заставил и с удовольствием удалился в маленькую комнату.

Проснулся уже затемно. Вышел из комнаты и присоединился к супружеской паре, сидящей в горнице на диване и слушающей радио.

«Поднялся? Мы думали, что ты до утра проспишь», – произнес хозяин и добавил: «Присаживайся». Я опустился с ним рядом и прислушался к голосу диктора. «Сегодня о творящихся безобразиях в нашей стране и мире по радио узнаем, а через два дня по телевизору политическую передачу посмотрим», – прокомментировал свое душевное состояние хозяин. Я с удивлением посмотрел на него и спросил: «А где вы его смотрите?». «Как где? Дома. Вон он на тумбочке стоит», – пояснил Петр Павлович. Я повернул голову в противоположную сторону от дверей и впервые заметил великое достижение цивилизации. Это был вполне современный, с небольшим экраном, японский телевизор «Хитачи». «Но, у вас же электричества нет», – заметил я. «Электричество есть. Правда, пользуемся мы им только когда включаем телевизор», – улыбнулся хозяин и добавил: «В сарае стоит бензиновая двухкиловаттная электростанция, и ее вполне хватает на такого рода нужды». «А я-то думал, что вы полностью отрезаны от негативного влияния внешнего мира», – съязвил я. «Оно так и есть, за исключением удовлетворения небольших человеческих слабостей», – ответил Петр Павлович и, поднявшись с дивана, пригласил на ужин.

Во второй день охота для меня была понятней и интересней. Два небольших кабанчика, обнаруженных на лежке и почти на месте застреленных, стали вполне достойным трофеем охотников моей квалификации. Так, конечно, считал я, так как Петр Павлович по этому поводу своего мнения не высказал. Находясь с ним рядом два дня, мне мало что удалось узнать о нем и его близких. Но и в этой малой информации многое удивило. В первую очередь я не сразу смог поверить, что этому энергичному, моложавому мужчине уже исполнилось семьдесят восемь лет, а его жене семьдесят три. По физической форме, внешнему виду и тяге к жизни на такой зрелый возраст они явно не тянули. Максимум, что я мог им дать, это лет семьдесят Петру Павловичу и не больше шестидесяти – Алексеевне. Но оспаривать информацию, естественно, не стал и, как оказалось, поступил правильно, так как дальнейшее знакомство с их судьбами поставили все на свои места.

Разделав тушки кабанчиков на куски, мы отмыли руки от жира и крови и расположились на высоком, живописном берегу лесного озера, чтобы немного отдохнуть и перекусить. Незаметно для себя я первым вызвал Петра Павловича на разговор. «Павлович, а ты как оказался в Тамбовской области и этих лесах? Неужели просторы Красноярской тайги тебе меньше нравились?». Хозяин заимки немного подумал, посмотрел на меня испытывающим взглядом и, наконец, ответил: «Красноярский край – моя родина. А все мои предки родились и жили в этих местах. Здесь они почти все и похоронены. С родных мест их выжила революция семнадцатого года. Вернее, не сама революция, а события во время гражданской войны, когда крестьяне тамбовщины под предводительством Антонова подня-

лись на защиту своих прав и свобод. Тогда это восстание было жестоко подавлено. Море крови народной пролили красные комиссары. Во время тех событий погиб и мой дед, а его жену и детей отправили по этапу в далекий сибирский край. Моя мама выросла там вышла замуж за сына таких же ссыльных и осела на долгие годы. Жили мы недалеко от города Назарово, в родильном доме которого в 1932 году я родился. Там же и учился: сначала в средней школе, а затем – в лесотехническом техникуме. Кроме меня в семье было еще трое детей, двое – здравствуют и поныне, а старший брат в 1965 году погиб в угольной шахте на Кузбассе. После окончания техникума, проработав год в лесхозе, я был призван в Советскую Армию для прохождения срочной службы. Отдав родине положенный воинский долг, снова вернулся к месту работы и двадцать лет честно трудился на разных должностях, включая и должность директора крупного леспромпхоза. Там, в Сибири, я и жену повстречал, а она мне двух сыновей и дочь подарила. В общем, все у нас по жизни складывалось хорошо, и менять ее мы не собирались. Но однажды я получил письмо от двоюродного брата, проживающего в то время в Моршанске, и которого я, естественно, к сожалению, не знал. Он на многое в судьбе наших общих предков открыл глаза. После этого письма мне сильно захотелось поглядеть на места, откуда росли корни моей фамилии. Летом 1973 года мы с женой взяли отпуск, купили до Моршанска железнодорожные билеты и, прихватив младшего сына и дочь, выехали в сторону запада. Было мне в ту пору сорок один год. А уже через два года я и моя семья, за исключением старшего сына, который учился в Омском речном училище, переехала на постоянное место жительства в город Моршанск. Вначале я работал главным инженером в лесхозе, затем директором, а сразу после выхода по возрасту на пенсию покинули с женой город и переехали в эту глухомань. Пока строили дом и хозяйственные блоки, жили в щитовом вагончике и не роптали. Так что имеющиеся условия нашего обитания вполне осознаны и продуманы заранее. А в нашей городской трехкомнатной квартире живет младший сын, его жена и двое детей». «Неужели вам не скучно здесь?» – удивленный ответом Петра Павловича, спросил я. «Нам некогда скучать. Десять лет я работал в местном лесхозе лесником и занимался посадкой новых пород деревьев, в том числе и сибирского кедра. Жена летом с внуками нянчилась, ягоды собирала, грибы варила и домашнее хозяйство вела. Порой времени не хватало, чтобы эти работы успешно выполнять. А сейчас у меня еще одна забота появилась. Пять лет назад увлекся разведением пчел, и с каждым годом количество ульев только увеличиваю. Тот мед, что моя хозяйка в горшочке на стол к чаю выставляет, это с нашей пасеки», – с достоинством ответил Петр Павлович.

Третий день моего пребывания в хлебосольной семье был посвящен охоте на косачей. Он тоже оказался удачным. Кроме пяти штук добытых пернатых на

обратном пути домой из мелкого кустарника на нас случайно выскочил олень и был поражен Петром Павловичем наповал одной картечью. Так что охотником он оказался не только удачливым, но и метким.

Вечером, разомлевший от чистого воздуха, стопки крепкого самогона и вкусной, сытной пищи, я сидел рядом с хозяевами на диване и смотрел телевизор. Качество картинки было не очень четким, но голоса действующих лиц были слышны отлично. Под их бормотание меня сильно разморило и стало клонить ко сну. Заметив это, Алексеевна осторожно толкнула в бок и, улыбаясь, предложила: «Иди-ка отдыхать, а то носом об стол ударишься». Я спорить не стал и удалился в свои покои.

Четвертый день по решению Петра Павловича оказался свободным от охоты. «Необходимо, Федорович, жене по хозяйству помочь, а к вечеру баньку пожарче натопить, чтобы старые косточки пропарить. Так что гуляй сегодня по вольному графику, как хочешь и где хочешь», – объяснил он свое решение. Это известие я воспринял спокойно, но без особой радости. Не очень еще представляя, чем занять образовавшееся свободное время, я решил пройтись по берегу небольшой речушки, которая протекала прямо за баней. Полюбовавшись часа два красотами ее ландшафта и надышавшись лесными запахами поздней осени, вернулся на кордон и напросился в помощники к хозяину. «Ну если руки чешутся и просят работу, бери колун и наколи березовых дров для бани», – предложил Петр Павлович. Я так увлекся физическими упражнениями с топором, что не заметил, как вокруг меня образовались горы готовых к употреблению поленьев. Понравилась моя работа и хозяину. Подойдя ко мне, он с явным удовольствием хмыкнул и произнес: «Остановись, а то мне на согрев ничего не оставишь. Вижу, приходилось тебе по жизни топор в руках держать». «Было и такое в моей биографии», – коротко ответил я и присел на толстый чурбан.

На исходе четвертых суток нахождения рядом с Петром Павловичем я уже было поставил под сомнение предупреждение Валентина о тяге моего нового знакомого к политической философии. За эти дни мы говорили с ним о многом, но политику до сих пор не затрагивали. Однако сомнения оказались беспочвенными и преждевременными. Все интересное наступило именно в этот день и внезапно. Перед самым обедом Петр Павлович натаскал в баню из речки воды и разжег топку, а после обеда несколько раз ходил подбрасывать в печь очередную порцию сухих березовых поленьев. Часам к пяти баня настоялась и, получив из рук хозяина дубовый веник, я с большим удовольствием переступил порог предбанника.

В бане я пробыл часа полтора. Если сказать, что хорошо попарился, это значит ничего не сказать. Мои душа и тело получили огромное наслаждение и

мощный физический заряд. И, конечно, все благодаря профессиональности истопника Петра Павловича. Видно у него были особые секреты в создании такой благодатной атмосферы.

После моего возвращения в дом в баню пошли хозяева заимки. Когда они вернулись и немного отдохнули, началось традиционное чаепитие. Но сначала мы с Петром Павловичем выпили по несколько рюмок медовухи и плотно закусили отварной олениной. В общем, праздник души, тела и желудка состоялся в полном объеме.

В этот вечер мы с хозяином засиделись допоздна. Уже в одиннадцатом часу Петр Павлович встал из-за стола и вышел из дома. Минут через десять из хозяйской постройки послышался треск двигателя электрической станции, и в комнате ярко вспыхнула лампочка.

«Ну, что, посмотрим телевизор? Сегодня передача Соловьева «Поединок» должна транслироваться», – предложил хозяин, когда вернулся в дом. Включив телеканал «Россия -1», добавил: «Пока ее на экране нет, пойдем, Федорович, на кухню и выпьем еще по рюмочке». Отказываться я, естественно, не стал и поднялся с дивана.

Минут через двадцать, повысив градус настроения, мы вернулись в горницу и направили взоры на экран, на котором уже красовались лица великих стратегов и тактиков российской политики. Но на этот раз дуэлянты были безликими, бойцами слабыми и спор вели вяло. Неожиданно для меня Петр Павлович поднялся с дивана, приглушил звук телевизора и разочарованно произнес: «Эти не заводят меня, а только злят. Пойдем, Федорович, пропустим внутрь еще по стопке».

Выпив и закусив, мы снова вернулись в горницу. Но послушав лепет противников и их секундантов минут десять, хозяин не выдержал пустой риторики и выключил телевизор. Немного помолчав, он посмотрел на меня и с надеждой в голосе, спросил: «Устал? Может, спать пойдешь?». «А есть другое предложение?» – улыбнулся я. «Нет. Но, лично меня, как только посмотрю такую передачу, сон покидает, а сердце ныть начинает. Странные мы все-таки русские люди. Нас оскорбляют все, кому не лень. Требуют, чтобы мы покаялись перед всем миром за то, что существуем на земле и обладаем огромными территориями и несметными богатствами. За то, что на протяжении веков отражали натиски врагов, побеждали их, загоняли в логово и вновь возвращались к мирному труду, чтобы восстанавливать разрушенный войной отчий дом. Но не успев завершить созидание, нам вновь приходилось брать в руки оружие и идти на защиту Родины. С одной стороны мы вроде победители и должны быть гордыми за свое национальное происхождение. За то, что це-

ной огромных потерь спасали не только свою нацию, но и меньших братьев, веками проживающих рядом с нами, за наличие в нашей груди человеческой щедрости и великодушия, за своих великих предков, которые потом и кровью поливали земли русские. Естественно, русские вправе ожидать уважения к себе со стороны спасенных, накормленных и обогретых малых народов. Но те, кто постоянно будоражат страну и торгуют нашими богатствами, вновь недовольны русским народом. Они требуют от него покаяния за политические репрессии, за ошибки властей всех периодов, которые состояли наполовину из представителей разных национальностей, за голодомор, за низкий уровень жизни населения, за отставание в техническом развитии от передовых капиталистических стран и т.д. Мы покорно выслушиваем все эти оскорбления и делаем вид, что они относятся не к нам. Я еще могу понять простого человека, далекого от политики, но абсолютно не верю в то, что русская интеллигенция и здравомыслящие представители власти не ощущают того пресса, который с каждым днем усиливается в отношении коренной нации страны. Лично я к такому выводу пришел давно, и с каждым прожитым днем убежденность только крепчает. Однако понимая, что мое представление отношения к русским в России никого не интересует, высказывать его широкой аудитории даже не пытался. Но критическая масса душевной боли за себя и соотечественников давно переполнилась и просится наружу. Особенно после просмотра по телевизору таких передач, как «Поединок», «К барьеру», «Суд истории», «Зеркало» и другие. Я уже немолодой человек и хорошо знаю, что такое коммунистическая двойная мораль. Но сколько существует моралей у современных политиков, подсчитать не могу. За то, чтобы «порисоваться» на экране телевизоров, эти энергичные особи обоих полов готовы признаться в людоедстве или изменении половой принадлежности. А уж как они любят с умным видом, философским пафосом и актерским гневом клеймить позором и предавать анафеме все то, что когда-то происходило в России, то это действие даже описанию не поддается. И лютуют в основном представители тех национальностей, которые за свое существование на земле должны низко поклониться русскому человеку. Чтобы не быть голословным, выскажу доводы, основанные не на материалах ученых и политиков, а сформировавшиеся в моем сознании за прожитые семьдесят восемь лет. Поэтому в средние века не полезу, а начну с прошлого. Вот скажи, кому мешали самодержавие и православие?» – обратился ко мне хозяин заимки и не дожидаясь ответа, продолжил: «Мой ответ на этот вопрос прост. Ни крестьянам, ни малочисленным пролетариям царь не мешал. Он был ставленником божьим, а аграрная страна состояла в основном из глубоко верующих православных людей. Религия в то время была основным моральным стержнем государственности. Поэтому рука верующего никогда бы не поднялась на помазанника Божьего. Быть проклятым всевыш-

ним не хотел никто. Безграмотный, терпеливый народ мог взбунтоваться против отдельного узурпатора, нещадно эксплуатировавшего его, но решиться на убийство царя он не смог бы никогда.

Главными идеологами и вдохновителями революций начала прошлого века были люди грамотные, обеспеченные, обладающие изощренным аналитическим умом, но обиженные самодержавной властью. По разным причинам она не позволяла им участвовать в государственных делах и не давала возможности влиять на судьбу страны. Такая роль в обществе этих людей не устраивала. Им было мало просто материального благополучия, хотелось власти над богатствами России и ее народом, который они изначально ненавидели. Однако, чтобы осуществить планы, им пришлось красивыми лозунгами, обещаниями, призывами и откровенными провокациями «разогреть» народ до точки кипения и натравить на царя, на церковь и на эксплуататоров. Им удалось это сделать. Царь отрекся от престола, церковь была объявлена вне закона, православная религия – опиумом, передовой авангард русского офицерства и прогрессивного дворянства был уничтожен или выдворен за пределы России, а слабые духом и телом русские интеллигенты быстро перекрасились в красный цвет и стали активными проводниками чуждых народу идей. Кончилось все это гражданской войной, в которой погибли лучшие сыны и дочери отечества. Сейчас модно говорить, что во время самой революции погибло всего несколько человек, которых затоптала толпа при взятии штурмом Зимнего дворца. Но никто из нынешних либералов и предателей русского народа не говорит о потерях населения во время братоубийственной войны, страшной которой не бывает. И это понятно, так как идейными вдохновителями этой бойни были их отцы, деды и люди родственные им по духу. Троцкий, Свердлов, Тухачевский и другие беспощадно уничтожали простой народ за малейшее сопротивление их идее и власти. Подавление с применением отравляющего газа Кронштадтского мятежа, восстания Тамбовских и Сибирских крестьян и казнь царя – дело их рук. Вернее не рук, а бесчеловечной политики ярых революционеров, называющих себя марксистами. Я тебе уже говорил, что в этом гражданском пожарище сгорел и мой родной дед.

Добившись промежуточного успеха ценой огромных человеческих потерь и трагедий, идеологи мировой пролетарской революции решили использовать покорность и слепую доверчивость русского человека в силовом захвате власти в более развитых странах, объявив поход против мирового капитализма. Но произошла осечка. План потерпел крах, и им пришлось довольствоваться тем, что построили в России. Зато правительствам всех капиталистических стран был подарен козырь в борьбе против «красной» России. После этих событий наша страна стала огородным пугалом для всего остального мира.

Однако вопреки всем испытаниям и унижениям, молодое поколение, народившееся в СССР, потянулось к знаниям и стало строить навязанный ему коммунистический строй. Не все складывалось хорошо в стране Советов – гражданская война, летние засухи и политические репрессии. Но простой народ с рабской покорностью, замешанной на героической закваске русского характера с верой в светлое будущее, преодолевал все преграды и семимильными шагами шел вперед. Я часто задумывался над причинами сталинских репрессий. Читал некоторые документы в Моршанском архиве на эту тему, слушал рассказы очевидцев и анализировал результаты тех событий. Исходя из того, что читал, слышал и видел, я не склонен считать, что репрессии тридцатых были построены на идейных принципах и государственных интересах. Главным двигателем этих кровавых событий была банальная борьба за власть между Сталиным и Троцким. На стороне каждого из них были люди, активно участвующие в революционных событиях семнадцатого года и занимающие высокие государственные посты в «красном» правительстве СССР. Начинались эти бои с подковерных интриг, а закончились беспощадными и кровавыми сражениями. Выиграл их Сталин. Он уже тогда был хитрее и мудрее многих своих соперников. Понимая, что с вожаками противоборствующей группировки, состоящей в основном из лиц еврейской национальности, ему без широкой поддержки русского народа не справиться, он основной упор сделал на укрепление позиций за счет перетаскивания на свою сторону легендарных героев гражданской войны и видных партийных деятелей – Буденного, Ворошилова, Кирова и многих других, поменьше калибром. В результате этой разборки пострадало много невинных людей, поддавшихся на политические уловки руководителей противоборствующих группировок. Но за эту невинную кровь должны нести ответственность не русские в целом, а те, кто осознано обманывал доверчивых людей, а затем бросил их на произвол судьбы и истязания победителей. В те годы такие лидеры еще были живы, но почему-то счастливо обосновались в капиталистических странах, против которых совсем недавно вели беспощадную идеологическую пропаганду. По-видимому, толкая народ на братоубийственную войну, параллельно эти люди готовили себе запасной аэродром на случай поражения. Я часто задавал себе вопрос: «А если бы Сталин проиграл борьбу, он убежал бы за границу или принял кару от рук победителей?», и каждый раз делал вывод, что он выбрал бы второй исход из своего политического и исторического бытия». После этих слов Петр Павлович встал с дивана, сходил на кухню и через несколько минут вернулся обратно. Пока эта заминка тянулась, я невольно проанализировал услышанное и понял, что хозяину заимки не нужен оппонент или единомышленник. Ему нужны были уши взрослого, грамотного и «свежего» человека, чтобы спокойно вылить из души наболевшее. Я был уверен, что монолог лесного затворника продолжится. И не ошибся. Буквально

через минуту после возвращения с кухни Петр Павлович взял с этажерки один из томов «размышлений и воспоминаний» Георгия Жукова и, повернувшись ко мне, продолжил: «Великая Отечественная война, бесспорно, является самым тяжелым испытанием нашего народа за все столетия существования его как русского этноса. Но, несмотря на все ошибки Сталина, его правительства, военных начальников и техническую отсталость, советский народ не только отстоял свою страну, он разбил сильнейшего в мире врага и освободил территории всех восточных стран Европы, раздавленных каблуком солдатских сапог и гусеницами танков немецких армий. Сегодня находятся люди, которые приписывают решающую роль в победе над Гитлером – США и Англии. Пусть эти господа хорошие тень на плетень наводят. Если бы Германия не на восток пошла, а после поверженной Франции продолжила победоносный путь на запад, то больше чем уверен, что сегодня об английской святейшей монархии оставшиеся жители туманного Альбиона вспоминали так же, как мы о своем батюшке царе. Да и у Америки в то время колени тряслись от страха. Это сейчас она храбрая, когда в ее руках ядерная дубина и финансовое могущество, а тогда она была такой же беспомощной, как и Франция. Много погибло русских, украинцев, белорусов, татар, казахов и представителей прочих национальностей, храбро сражающихся на фронтах войны. Вечная память им за этот ратный подвиг. Такой же благодарности от потомков заслуживают и те, кто оказался на территориях, занятых немцами и труженики тыла, которые в нечеловеческих условиях ковали в прямом и переносном смысле победу советского народа. Порой меня поражают высказывания некоторых доморощенных либералов-демократов, о том, что только из-за ошибок Сталина и военных начальников наша страна понесла такие огромные потери. Они полагают, что будь ТЕ в то время умными, как они сейчас, то победа досталась бы меньшей кровью. Чуть собачья, но, как я полагаю, очень опасная. Так как несется она с экранов телевизоров не ради позерства и красного словца, а целенаправленно вдалбливается в голову наших сограждан. Эффект может быть даже очень их устраивающий. Некоторые представители старшего поколения, не понаслышке знающие трагизм военных лет, могут поменять мнение, и будут считать источником всех бед не Германию, а бывших правителей Советского Союза. Ну а молодежь еще сильнее утвердится в мнении о бесполезности жертв их предков, и искренне будет жалеть о том, что не является жителем Германии и не пьет настоящее баварское пиво.

В очередной раз просматривая полемическую передачу под громким названием «Суд истории», всмотревшись в перекосившееся от злобы лицо обвинителя, я не выдержал и рассмеялся. Рассмешила его физическая схожесть с «героем» одного комического случая, произошедшего на охоте. Однажды зи-

мой бригада охотников из двенадцати человек, в числе которых были я и тот солидный мужчина, в одном из кварталов лесного массива обнаружила кабанью семью. Охотовед быстро расставил нас на просеке по номерам, а сам с сыном и двумя собаками лайками направился в загон. С этого момента наступила тишина тревожного ожидания. Так получилось, что наш «герой» оказался третьим с краю и через одного охотника от меня. Выглядел он сытым, ухоженным и уверенным в себе интеллигентом. Ранее я с ним не встречался, поэтому не знал, кто он такой и что умеет. Лишь позже он предстал передо мной в полный рост.

Минут через двадцать после того, как загонщики с противоположной стороны углубились в лес, обнаружив дикого зверя, залаяли собаки, и охотничье напряжение достигло апогея. Я замер, затаил дыхание и стал вслушиваться в шорохи соснового бора. Вдруг справа от меня прогремел выстрел, а чуть позже раздался пронзительный человеческий крик.

Согласно охотничьим правилам, сорваться с места я не мог, поэтому с нетерпением ждал окончания загона. Прогремели еще два выстрела, но уже левее меня, а затем глухо бухнуло справа. Вскоре на просеку выскочили собаки, оповещая о том, что загон закончился. Не дожидаясь охотоведа, я снялся с места и поспешил в сторону, откуда раздался человеческий вопль. Оказавшись на месте, я поразился картине, происходящей на площадке, на которой лежал убитый кабан. Вокруг него бегал наш «герой», что-то бурчал под нос и яростно бил по туше ногами, а метров в пяти стоял молодой парень, племянник нашего охотоведа, и с недоумением смотрел на разгневанного гостя. Наконец, «герой» устал пинать бездыханное тело некогда грозного «секача», посмотрел невидящими глазами на меня и пошел в сторону сосны, рядом с которой стоял его карабин.

Странное поведение «сытого интеллигента» мне объяснили позже, когда вечером после удачного охотничьего дня мы выпивали по сто граммов и закусывали свежей кабаньей поджаренной печенкой. Оказалось, что после того, как охотовед поставил «гостя» на номер, у него вдруг появилось естественное желание сходить в кусты «по-большому». Он поставил карабин у сосны, отошел метра три от просеки и стал справлять физические потребности. А в это время на соседа справа неожиданно вышел кабан, по которому тот произвел выстрел. Однако его оказалось недостаточно, чтобы вепрь упал сразу. И смертельно раненый, он на «автопилоте» продолжил путь в сторону нашего «героя». Внезапное появление раненого кабана в двух метрах парализовало страхом тело и волю охотника. Он не нашел сделать ничего лучшего, как упасть в снег, зарыться в него головой, выставив голый зад вверх. Но зверю было не до него. Кабан, шатаясь, как пьяный, прошел в метре и вскоре завалился в густом кустарнике. Подоспевший молодой парень произвел еще один выстрел, и вепрь перестал

шевелиться. Поняв, что угроза миновала, «герой» вскочил на ноги, натянул утепленные штаны, рванул в сторону бездыханного тела своего обидчика и стал со злорадством на лице безжалостно избивать его ногами. Это было уже то действие, которое я видел. И сейчас, сидя у экрана телевизора, вспомнив случай на охоте и увидев лицо обвинителя истории, я подумал: «А что было бы с ним и его умными собеседниками, если бы во время передачи в зал неожиданно вошел товарищ Сталин? Ну, на худой случай Берия или Ежов? Наверняка бы очистили кишечники в свои дорогие брюки и ботинки». Ты мне можешь возразить и сказать, что сейчас не то время. Время тиранов и узурпаторов власти прошло, и наступил век истиной демократии и свободы. Согласен. Но тогда и судить свою историю в формате телевизионного шоу не имеем права. Историю мы должны изучать, делать выводы и принимать меры, чтобы не наступать на грабли дважды. Это дело деликатное, кропотливое, требующее ума и терпения, и не подлежит эмоциональному обсуждению, скатывающемуся к сведению счетов с отдельными историческими фигурами. Во всем должна быть беспристрастность и объективность. Недавние события на Манежной площади Москвы и других городах России наглядно показали, как боятся те, кто обкрадывает, унижает и оскорбляет русский народ. Молодые парни только попробовали разогреть мышцы, как со всех экранов телевизоров, газетных страниц и эфирных радиоволн в пространство полетели истерические вопли нынешних хозяев положения в стране. «Русский фашизм идет!» – верещали они. Даже первые лица государства вынуждены были успокаивать их. От имени народа они заклеямили позором нарождающийся класс патриотов России. Согласны ли с ними сами граждане страны? Думаю, что нет. Наоборот, в душе у каждого простого человека шевельнулась гордость за своих сынов и внуков, бросивших вызов издевательствам, унижениям, наплевательскому и грабительскому отношению со стороны правительства и определенной части населения, проживающей в его стране. Тогда от имени какого народа наши руководители клеймили позором зеленую поросль? Неужели от «страны» под названием «Рублевка»? Наверное, и государственные награды Президент вручает по поручению этой небольшой, но очень богатой колонии, и в основном представителям этого волшебного соцобразования. Случаются, правда, и казусы. Вручая награды некоторым выдающимся деятелям партии и государства по два раза в год, «государю» приходилось жалеть время, которое он тратил на помпезные церемонии, так как эти деятели в конечном счете не оправдывали доверия. Да и церковь щедра на награды. Всю грудь нужным людям своими орденами обколет, заранее обеспечивая им вход в рай через врата для VIP-персон.

Сразу по окончании Великой Отечественной войны весь советский народ включился в созидательный процесс. Работали до изнеможения и не ради

торжества коммунизма, а ради быстреего создания нормальной жизни. Конечно, идеи идеологов коммунизма играли большую роль в этом процессе и являлись основным политическим рычагом достижения цели. В первые послевоенные пятилетки и семилетки много строилось жилья, промышленных предприятий и укреплялась боевая мощь армии. Как качественно строили и как эффективно вооружали армию, вопрос другой. Естественно, высокие количественные показатели не играли положительно на качественную сторону созидания. Но другого варианта у страны не было. Необходимо было в ускоренном темпе дать людям крышу над головой и обеспечить безопасность и мир на долгие годы. А то, что в любой момент могла развязаться третья мировая война, никто в нашей стране не сомневался. Хорошо помню, как бывшие фронтовики в пятидесятые годы жадно вчитывались в газетные сообщения о проводимых в Америке и нашей стране испытаниях атомного оружия в открытом пространстве. Запах смертельной угрозы для планеты ощущали даже мы, зеленые новобранцы. Я не буду судить – хорошие или плохие были тогдашние наши правители и дипломаты. Но в чем твердо уверен, это в том, что поведи они себя в те времена как Горбачев и Ельцин, сегодня границы нашей страны заканчивались бы у западной подошвы уральских гор или бы ее совсем не было на карте мира. Тем, кто имеет двойное гражданство, наплевать на нашу историю. А русский человек всегда должен помнить, какой кровью и потом достались эти бескрайние просторы его предкам. Это его Родина, и другой для него никогда не будет, если даже он из-за обид, тщеславия или другой причины уедет за ее пределы. Родину, как и мать, мы должны любить такой, какая она есть. Со всеми ее прелестями и недостатками. Но, к сожалению, так не думают некоторые ее граждане. Особенно те, кто всегда смотрел на запад.

После мутных событий девяностых годов, словно после поставленной клизмы, на поверхность враз вылезли все отходы жизнедеятельности человеческого организма. Мне всегда было смешно и грустно смотреть по телевизору на взъерошенных людей, которые шли огромной толпой по Садовому кольцу. Я хорошо понимал тех, кто шел в первых рядах. Эти люди знали, что хотели, для чего они здесь, и что их ждет в случае победы. Понимал и то, что главные постановщики этой массовки не они. Но абсолютно не понимал психологию тех, кто шел в последующих рядах. Они на что рассчитывали? На власть, на богатую жизнь или почет и уважение? Хотелось бы увидеть хоть одного человека, который шел тогда в последних рядах колонны, и у которого после двадцати прожитых лет все так же в глазах горит огонь счастья и надежд. Я думаю, что в основном эти люди преданы своими кумирами, забыты и доживают скучную жизнь все в тех же «хрущевках» и бараках. Мне их не жалко. Они выбор сделали сами. Не нужно быть великим математиком, хватит и знаний

средней школы, чтобы просчитать вероятность стать богатым простому обывателю. Если бы даже миллион человек, активно участвующих в поддержке новой государственной пирамиды, получили за свою солидарность по сто тысяч долларов США, то на это бы потребовалось таких зелененьких бумажек аж сто миллиардов. Где могла, доведенная до нищеты страна, взять такие деньги? Только за рубежом. Это и делали демократы, когда пришли к власти. Но не для того, чтобы отблагодарить активных помощников в захвате власти, а чтобы самим стать сказочно богатыми, заложив при этом все подземные и наземные ресурсы страны. Вот и получается, что живем мы вроде в России, на родине, но хозяевами ее богатств мы не являемся.

Помню, как во время одного политического телешоу два участника еврейской национальности, о принадлежности к которой они сами сообщили, и их арбитр, тоже с гордостью оповестивший аудиторию о родственности с ними по крови, вели жесткие дебаты. Они обсуждали темы отсутствия в России института демократии, об ее отсталости на всех фронтах культурного и технического прогресса и об инертном мышлении российского народа. Много было сказано дежурных фраз и оскорблений в адрес русского человека. Я нашел в себе силы и терпение, чтобы дождаться окончания «балагана». Однако, немного успокоившись и подумав, пришел к выводу, что не такое безобидное это шоу. Смотрят его миллионы и в основном люди с замороженным мировоззрением. Не все даже и догадываются, что с экрана плюют в их колодец.

Ну, а если по-честному, то скажи мне, ты много видел лиц еврейской национальности, работающих доярками, скотниками, трактористами, комбайнерами, ткачихами, станочниками, шахтерами, сантехниками и т.д.? Я лично нет. Не замечал их на этих «должностях» в советское время, а тем более в нынешнее – рыночное. Представители этой национальности всегда занимали ниши, связанные с умственной, интеллектуальной, творческой, экономической, финансовой и законотворческой деятельностью. Они же были основными идеологами коммунистических идей. Сейчас эти господа отрешиваются от той роли, но это действительно было так. Поэтому, когда слышу из уст нынешних либеральных демократов критику в адрес прошлого моей Родины, во мне сразу возникает непреодолимое желание возразить им. Не буду касаться политической составляющей, выскажу мнение по поводу отставания нашей страны в техническом прогрессе. Факт отставания бесспорный. Что есть, то есть. Но к кому предъявляют претензии эти господа демократы? Сами к себе? Русские и представители других народностей в основном были задействованы на физических работах. Занимались сельским хозяйством, строили ГРЭСы, воздвигали корпуса фабрик и заводов, стояли за станками, добывали в шахтах уголь, разрабатывали нефтяные и газовые месторождения и во всех морских широтах

ловили рыбу. А представители их национальности в это время конструировали, дирижировали, оперировали, планировали, финансировали, писали хвалебные оды правителям, сочиняли героические опусы и т.д. Так почему же они такие умные не смогли тогда создать лучший в мире отечественный двигатель внутреннего сгорания для автомобиля? Не разработали современный дизайн салона? Не обеспечили тружеников сельского хозяйства образцами эффективной техники и оборудованием? Не предложили слесарю токарный и фрезерный станок мирового класса? Да, не спору, для обороноспособности страны ученые их национальности сделали много. За что им честь и хвала. Но делали они научные подвиги за возможность хорошо жить в нашей стране, а не ради ее процветания. Если бы у них была свобода выбора, то на СССР они бы наплевали при первой же возможности. Я помню, как в начале восьмидесятых годов в газете «Правда» прочитал небольшую статью, которая потрясла мое воображение. В ней писалось, что Андрей Сахаров, выдающийся ученый-атомщик, трижды Герой Социалистического Труда, обидевшись на руководство страны, призывает Америку и другие ядерные державы сбросить на Кремль атомную бомбу. Если бы такой призыв я услышал от кого-то другого, то он бы меня не очень поразил. Но сделал его человек, который сам разрабатывал это оружие массового поражения. Он понимал, что после нанесения ядерного удара по Кремлю, погибнет не только руководство страны Советов, но и огромное количество мирных граждан, которые лично ничего плохого ему не сделали. Тогда я и понял, кто квартирантом на моей земле живет, а кто ее истинный сын. Мне могут сказать, что это пропагандистский трюк советских идеологов. Может быть, но я почему-то больше той статье верю, чем откровенной клевете на мою Родину и ее народ современных либеральных демократов. В народе с давних времен бытует поговорка: «Всяк кулик свое болото хвалит». Пусть она нарицательный имеет смысл, но мне импонирует. Ее призыв любить свою Родину такой, какой она есть, не лишен патриотизма. И все, кто не согласен с этим и нашел другое «болото», более благоприятное для жизни, пусть улетает туда и не мутит в моем болоте воду. Но, к сожалению, не торопятся они туда. Видно не все еще утащили из нашей страны. Поэтому, гадить – гадят, а не улетают. Хотя уже давно их семьи и близкие свили гнезда в зарослях тех «болот».

Да, Россия сейчас слабая страна. Ей тяжело адекватно отвечать на вызовы скрытых и явных врагов. Ее израненное тело кровоточит. Население заражено бактериями наживы, мздоимства, пьянства, наркомании и безнравственности. Даже церковь стала коммерческим проектом. Она не способна защитить простой народ от этих пороков, так как служит представителям капитала. Проповеди священнослужителей призывают к смирению и покаянию. Да и стало ли больше настоящих верующих с тех пор, как православная религия

вышла из подполья, в которое ее загнала коммунистическая идеология, некогда присвоившая себе право быть религией. Что ждет мою Родину в ближайшие десятилетия? Смерть и забвение? Или рассвет и жизнь, полная радости и созидания? Все будет зависеть от того, как скоро мы перестанем позволять нечистоплотным людишкам обливаться ее историей помоями, а политикам простых людей считать быдлом и удобным для корыстных дел – электоратом. Либеральные демократы народ постоянно пугают возникновением гражданской войны. И, наоборот, лезут из кожи вон, доказывая, что внешней угрозы для России нет. Так ли это на самом деле? Неужели внутри страны живут одни враги, а вся заграница просто обожает нас? Смешно слушать этих господ! О какой гражданской войне может идти речь и по какому принципу она может возникнуть? По криминальному? Так она уже больше двадцати лет идет. По национальному? Но это уже не гражданская война, а межнациональная. По классовому? Кто тогда с кем будет воевать? Десять процентов богатых людей с остальным «быдлом»? Не верю в это. Эти господа уже в первые дни народных погромов покинут страну и улетят на своих самолетах в края обетованные. Это в начале прошлого века можно было простой народ купить на обещания и заставить его воевать между собой. Нынешняя молодежь запросит такие деньги за свою жизнь, что не один миллиардер не сможет позволить себе такую «роскошь». Блефуют господа, стараясь в очередной раз ввести в заблуждение народ. Они и так уже на протяжении двух десятилетий очень сильно поиздевались над ним. Причина напряжения внутри страны известна, в том числе и для них. Развал СССР, грабительская приватизация кучкой особо доверенных людей огромных материальных богатств, которые создавались разными поколениями представителей всех национальностей, обнищание основного населения и заигрывание с националистами. Сначала до пустых прилавков страну довели, затем ваучерами «накормили», сбережения украли, запугиваниями голосовать за себя заставили. Шантажировали западными финансовыми вливаниями и угрозой возвращения к власти коммунистов. Единственное, что я до сих пор не пойму, это логику террористов, которые убивают и взрывают простых, таких же, как они и их родители, людей. Неужели они надеются запугать варварскими поступками руководящую страной богатую «элиту»? Это же глупо. Раньше лозунг «Народ и партия – едины!» что-то значил. Сейчас власть и богатая «элита» страны отдельно живет от народа, и беды «голодранцев» их не волнуют. А что касается финансовых вливаний, то Запад, Азия и Восток тогда будут вкладывать в российскую землю средства, когда она юридически будет принадлежать им. Этот момент может наступить скоро, если мы и дальше позволим определенным силам уничтожать в нас дух гордости и особый менталитет человека – победителя».

Внимательно слушая Петра Павловича, я не сразу сообразил, что его монолог закончился. Некоторое время сидел молча и ждал продолжения. Но молчал и хозяин заимки, а по совместительству – народный политический философ. Наконец сообразив, что продолжения не будет, я посмотрел на Петра Павловича, и меня поразило его вид. Рядом со мной, низко опустив голову и тяжело дыша, сидел враз состарившийся мужчина. Сначала хотел справиться о его самочувствии, но сдержался. Я понял, что все сказанное этим человеком, прошло через его мозг, сердце и душу. Уже через мгновение хозяин заимки поднял голову, выпрямил плечи и, весело взглянув в мою сторону, спросил: «Устал от занудной речи? Извини, давно не опоражнял наболевшую душу. Редко это бывает со мной, но метко». И, посмотрев на часы-ходики, висевшие на стене, воскликнул: «Три часа ночи! Все, Федорович, пора на боковую!».

Несмотря на поздний отбой, в восемь утра мы находились уже на ногах и собирались на охоту. Не ведая, как всегда, в какую сторону пойдём и на какого зверя, я спросил: «Павлович, в патронташ какие патроны наталкивать, с картечью или дробью?». «С дробью, но на всякий случай, несколько возьми и с картечью», – ответил коротко тот и вышел из дома.

День выдался солнечным и теплым. Провели мы его не только успешно в охотничьем смысле, но и в смысле желанного общения с природой. И даже тема, доминирующая прошедшей ночью, не посещала наши головы. Мы говорили с Петром Павловичем обо всем, но только не о политике. Пообедав с большим удовольствием на берегу лесного озера и прикорнув часок рядом с костром, в шесть часов вечера, бодрые и веселые, мы вернулись в хлебосольный дом. А еще через час послышалось рычание мотора автомобиля, и я понял, что моему отдыху в глухом, но очень уютном уголке природы пришел конец.

«Ну как ты тут, не одичал за пять дней? Не набросишься на меня кусаться?» – улыбаясь, спросил Валентин, когда появился в доме. «Зря смеешься, друг мой. Я теперь намного спокойней стал, чем был до прибытия сюда. Природа эффективней любого лекарства нервы лечит», – успокоил я товарища. «Так может тебе еще дней пять пожить у Петра Павловича?» – пошутил Валентин. «С радостью бы остался, да вот Зинаида Алексеевна возражать будет. Больно много ем. Готовить замучалась», – перевел я стрелку на хозяев. «Не обижай зря мою бабу, Федорович, хоть на всю зиму оставайся. Заготовленных мяса, картошки и овощей и на тебя хватит. Да и дрова ты еще не все переколол», – ответил за жену хозяин. «С удовольствием бы так и сделал, да дела неотложные в Москве меня ждут», – серьезным голосом произнес я. «Ну, раз в столице тебе надо дела великие вершить, то так уж и быть – отпустим», – с ехидцей в голосе согласился Петр Павлович. Сразу после ужина я тепло попрощался с замеча-

тельной супружеской парой, от всего сердца поблагодарил за душевный прием, пригласил их в гости в Москву и стал собираться в дорогу. «В столицу мы, конечно, навряд ли приедем, а вот тебя у себя будем рады видеть. Вместе с женой приезжай. Если, конечно, не испугался моего мировоззрения», – высказался на прощание хозяин заимки. «У нас с тобой мировоззрение в основном совпадает, а оппонент из меня не получится. За приглашение спасибо. При первом же благоприятном случае обязательно воспользуюсь им», – ответил я и полез в салон машины. Через три часа мы были в квартире Валентина и устраивали мои охотничьи трофеи в морозилке большого холодильника. На следующее утро, попрощавшись со старинным товарищем и коллегой, я выехал в сторону Москвы.

О ночном монологе хозяина заимки вспомнил сразу, как только проехал город Моршанск и вырулил на Шацкую дорогу. Мысленно перебирая то, что услышал из его уст, я постарался преломить через свое понимание и видение этих проблем. В основном с Петром Павловичем я был согласен. Естественно, что в чем-то не видел логики, а что-то и вовсе не принял. Но главным для меня было не это, а то, как и о чем думает простой пожилой человек, проживающий вдали от кремлевских стен и даже от небольшого провинциального города. Вроде бы у него спокойная, размеренная жизнь, отменное здоровье, замечательная жена и хорошие дети. Доживай спокойно без лишних хлопот и головной боли оставшийся век. А он не может себе эту роскошь позволить. Его не только судьба семьи беспокоит, но и судьба Родины, в которой по божьей милости он родился. Более того, о настоящем и будущем России он переживает острее, чем о своем. Нет, я не сделал для себя в этом какое-то открытие. Настоящий русский человек так и должен думать и поступать. Если бы это на самом деле было так, то у государственного штурвала стояли бы не выскочки, номенклатурщики, мелкие людишки, думающие только о своем имидже и личном материальном благополучии, а государственные мужи, настоящие патриоты отечества, болеющие душой и сердцем за судьбу страны и ее простой народ.

P.S. Можно долго и жестко ругать существующую политическую систему в стране, нерадивость народа, заселяющего ее землю, искать внутренних и внешних врагов, с умилением и надеждой смотреть в сторону развитых стран запада, ситуацию в собственном доме этим не исправишь. Чтобы жизнь в собственном доме стала комфортной и желанной, необходимо в первую очередь всем жителям почувствовать себя законными его владельцами, и, закатав рукава рубашек до локтей, с сыновней лаской и любовью заняться его благоустройством.

Старик и голуби

Часть первая

В последние годы, когда наступает глубокая осень, на меня постоянно наваливаются хандра и чувство необъяснимой тревоги. Тело становится вялым, а голову посещают мысли тупые и страшные. В такой период мне не хочется что-то серьезное начинать делать или куда-то надолго отрываться от дома. Даже ссоры с женой на бытовые темы проходят тихо и неинтересно, что, естественно, устраивает меня, но очень сильно раздражает мою вторую половину. В такие дни я дольше, чем обычно, утром валяюсь в постели, а вечером – смотрю телевизор. Моя спутница жизни с сорокалетним стажем этому состоянию поставила неутешительный диагноз под названием «старость», и при любом удобном случае напоминает мне о нем. Иногда я изображаю на лице обиженный вид, но в словесную перепалку не вступаю. И не оттого, что нечего возразить, а просто в целях сохранения бытовой стабильности и собственных нервных клеток, которые, как известно, не восстанавливаются.

Вот и то утро, которому было суждено стать точкой отсчета истории рассказа, началось по сценарию осеннего обострения моего настроения. Несмотря на позднюю побудку и на то, что короткая стрелка настенных часов своим острым концом уперлась в цифру десять, встать с кровати я не торопился. Не тревожила меня и жена, которая уже давно была на ногах и занималась домашними делами. Дверь в спальную комнату была плотно закрыта, поэтому чтобы определить род ее деятельности, я ненадолго задержал дыхание и прислушался. «Лютики-цветочки поливает. Скоро до этой комнаты доберется», – без особого удовольствия сделал я заключение и на всякий случай прикрыл веки глаз. Оказалось, сделал это вовремя. Буквально через десять секунд моя половина

открыла дверь спальни и, держа в руках пластиковую бутылку с водой, быстро прошла мимо кровати к окну. Практически закончив поливать домашние цветы, стоящие в глиняных горшках на подоконнике, жена, слегка поднявшись на носочках ступней и навалившись вперед, посмотрела в окно и с возмущением в голосе произнесла: «Снова этот бомж собрал со всей округи голубей и разбрасывает из пакета корм. Когда это, наконец, закончится? Все отливы с уличной стороны обгажены птицами! Куда смотрят ЖЭК и участковый? Неужели на этого голубятника управы нет!? А ты что валяешься до обеда? Мог бы сходить и поговорить с любителем городской фауны и флоры». Выслушав ее претензии, я не стал вступать в полемику и, не открывая глаза, перевернулся на другой бок. «Вот всегда ты так поступаешь, когда я обращаюсь с просьбой. Неужели тебе не противно смотреть на голубиный помет, присохший к подоконнику? Да хватит уж притворяться спящим! Скоро обедать пора будет садиться, а мы еще не завтракали», – проворчала жена и вышла из комнаты.

После ее ухода я еще минут тридцать валялся в постели и невольно переваривал слова любимой женщины. «И что она к голубятнику привязалась? Делать что ли больше нечего? Кормит человек птичек и пусть продолжает кормить – на здоровье. Может, в его жизни другой радости нет. Все полезней для организма, чем пьяным под забором валяться или в помойных баках ковыряться. Все то, что голуби нагадили на подоконник, первым же обильным дождем смоеется», – сделал я вывод и стал нехотя подниматься с кровати. Оказавшись в вертикальном положении, подошел к окну, открыл боковую форточку и посмотрел с высоты тринадцатого этажа на площадку, где неизвестный мужчина на свежем воздухе организовал столовую для диких голубей. Я обнаружил его стоящим рядом с металлическим гаражом и облепленным десятком пернатых друзей. Они сидели у него на плечах, голове и даже на спине. Основная стая волнообразно перемещалась вокруг своего благодетеля и энергично подбирала с земли остатки брошенного корма. С улицы на меня потянуло холодом и сыростью. «Надо же, какой фанат голубинового царства! С неба сыплет изморозь, а он никак не расстанется с птичками. Интересно, сколько лет этому мужику? Неужели и в старости человек может наслаждаться общением с представителями фауны, как в детстве? При случае необходимо познакомиться с этим странным субъектом и попытаться выяснить мотивы, побудившие его наладить тесную связь с сизарями», – подумал я и пошел совершать водные процедуры.

После этого утра прошло еще несколько таких же скучных осенних дней, которые не внесли в жизнь позитивного изменения. Правда, несколько раз природа пыталась покрыть землю снежной периной, но ее потуги были безуспешными. Едва долетев до цели, снежинки быстро таяли и превращались

в грязное месиво из пыли и воды. Я по-прежнему старался реже выходить из дома и заполнял свободное время чтением полезной литературы и периодической печати. Иногда садился в своем кабинете за рабочий стол и пробовал вернуть вдохновение, чтобы приступить к написанию очередного романа. Но все мои потуги были напрасными. Ленность ума и надуманная физическая слабость не позволяли включиться в тяжелую творческую работу. Единственными светлыми пятнами в моей серой жизни были редкие приезды родственников и посещения нашей квартиры старыми товарищами. А так как я и мои друзья с годами утратили былой интерес к горячительным напиткам, то и встречи наши носили в основном творческий характер. Иногда, конечно, были исключения, но очень редко и по особому случаю.

Такой случай возник в первых числах декабря. Субботним вечером в нашу квартиру без предупреждения ввалилась в полном составе семья родной сестры моей жены, проживающая в отдаленном районе Московской области. Но, несмотря на неожиданный приезд, мы искренне обрадовались этому и незамедлительно приступили к сервировке праздничного стола. Вернее, этой работой занялись сестры, а мы со свояком Алексеем были у них на подхвате. Уже через час вся компания дружно оккупировала гостиную и, весело переговариваясь, брякала столовыми приборами. А еще через пару часов на физиономиях большинства присутствующих стала появляться хмельная улыбка. Разговор потерял свою стройность и сдержанную тональность. Смех становился громким и часто беспричинным. На это никто не обращал внимания и продолжал повышать застольную активность. К двенадцати часам ночи эта активность стала сходить на нет, и женщины призвали отойти ко сну. Мы со свояком, естественно, этот клич услышали, но выполнили его не сразу. Только после того, как опорожнили еще по две рюмки водки и минут за тридцать обсудили текущие политические дела в стране, неуверенной походкой направились на ночной покой.

На следующее утро подъем был не из легких, но, преодолев земное притяжение и приступ сердечной нестабильности, в одиннадцать часов вся компания собралась на кухне и с жадностью употребляла минеральную воду и крепкий чай. Только после того, как удалили жажду, приступили к приему пищи. Шутки и смеха, чем изобиловало вечернее застолье, было гораздо меньше, но здоровый дух в организмах присутствовал. А с каждой дополнительной порцией съеденного рыбного пирога, фирменного блюда моей жены, градус настроения у коллектива поднимался.

После плотного завтрака все перешли в гостиную и продолжили разговоры в основном на житейские темы.

Незапланированная встреча с родственниками закончилась в семь часов вечера. Лена, младшая сестра моей половины, скомандовала Алексею: «Подъем!» – и они засобирались в обратный путь. «Вы, конечно, молодцы, приехав навестить нас, но плохо, что только на одну ночь. Следующий раз ждем вас дней на пять, а то мы с Алексеем в этот раз даже напиться и опохмелиться по-настоящему не успели, чем нанесли непоправимый вред организмам», – пошутил я, прощаясь с гостями. «Довезет меня благополучно до дома, я ему обязательно налью сто граммов коньяка и приглублю. Так что не волнуйся за свояка, обижен не будет», – в таком же тоне ответила на шутку Лена.

Проводив гостей до их машины, стоящей рядом с площадкой, на которой странный мужчина организовал столовую для голубей, мы с ностальгическим настроением попрощались и неспеша двинулись с женой в сторону своего подъезда. «Едва уговорила Ленку взять подарки, которые я давно купила и никак не могла отправить ей. Хорошая у меня сестра. Вроде последней росла в семье, а чувство меры сохранила. И детей в таком же духе воспитывает», – тихим голосом произнесла моя половина. «Да и Алексей – мужик порядочный. Сколько в нем юмора природой заложено, я до сих пор удивляюсь. Что не анекдот – то премьера, что не рассказ – то интермедия. Вот выйдет он на пенсию, посажу его напротив и заставлю излагать на диктофон накопленное им за прожитые годы. Потом издам книгу веселых анекдотов и рассказов от Пуртова Алексея», – высказался я. «К тому времени, когда Алексей выйдет на пенсию, ты не только писать разучишься, но как меня звать не будешь помнить», – по-черному пошутила жена, намекая на периодические провалы в моей памяти. «Все, что хорошее – я помню, а вот некоторые твои поручения бывает и забываю. Это не потому, что у меня память плохая, а потому, что мне их выполнять не хочется», – отпарировал я, и мы весело засмеялись.

На следующее утро, в понедельник, нас разбудил резкий и громкий зуммер телефона. Жена подняла трубку и сонным голосом произнесла: «Алло. Слушаю вас. А, это ты, Лена. Что-то по дороге случилось? Нет? Тогда почему так рано звонишь? Да ты что! Где же Алексей мог их потерять? Хорошо, отправлю своего благоверного поискать их там. Договорились, в любом случае я тебе позвоню. Пока». Закончив общаться с сестрой по телефону и положив трубку, жена повернулась ко мне и стала рассказывать суть разговора: «Сегодня утром Алексей не обнаружил в карманах и в салоне машины кошелек, в котором лежали документы, включая паспорт. Где он мог потерять его, точно сказать не может. Поэтому Лена просит сходить на место стоянки машины и посмотреть там. Вдруг каким-то образом он из кармана выпал, когда Алексей садился в салон. Так что хочешь – не хочешь, а вставай и иди на поиски. Может, повезет, и ты его обнаружишь целым и невредимым». В другой ситуации я бы

еще и покапризничал, но здесь был особый случай. Необходимо было выручить молодого свояка и оказать ему всяческое содействие в розыске пропавших документов. Не дожидаясь повторной просьбы, встал с кровати, быстро оделся и пошел на выход из квартиры.

Уже в вестибюле, поздоровавшись с консьержем, я посмотрел на часы, висевшие на стене, и невольно пробурчал: «Только семь часов утра. В это время на улице еще темно. Как я там смогу разглядеть кошелек Алексея?». Консьерж удивленно посмотрел на меня, но спрашивать ни о чем не стал.

Подойдя к месту стоянки машины, я с удовлетворением отметил, что работники ЖЭКа иногда заботятся о жильцах и делают небольшие подарки, чтобы не такой мрачной, как осень, казалась им их жизнь. Прямо посреди голубиной «столовой» стоял бетонный столб, с которого на землю падали мягкие лучи прожектора. «Совсем от реальности отстал. Если бы не документы Алексея, то так бы и не обратил внимания на этот освещающий площадку фонарь», – подумал я и приступил к поиску пропажи. Сделать это было непросто, так как к этому времени «чудак» голубятник выкинул на площадку первую порцию корма, и стаи сизарей накрыли ее поверхность. Но как бы там ни было, минут за двадцать мне удалось тщательно обследовать предполагаемую территорию потери документов, однако результат не порадовал. Я с недовольством посмотрел на снующих вокруг диких голубей, снял с головы кепку и резко махнул ею в воздухе. Но поняв, что напугать сизарей у меня не получилось, тяжело вздохнул и пошел домой.

«Ну что? Удалось найти?» – с надеждой в голосе спросила жена, увидев меня на пороге квартиры. «Нет», – коротко ответил я. «А «бомж» не мог подобрать их? Он ведь рано ходит голубей кормить», – подкинула она мысль. «Может, и подобрал. Но, чтобы это узнать, необходимо будет сначала «бомжа» найти», – нехотя ответил я, не очень веря в реальность этой версии. «А что его искать? В одиннадцать часов он сам появится на площадке», – подсказала мне моя половина. «Хорошо. Как только увижу его, сразу спущусь вниз и поговорю с ним. Чем черт не шутит. Может, и правда повезет нам, а вместе с нами и Алексею», – пообещал я и пошел в ванную умываться.

Голубятник появился на площадке в двенадцатом часу дня. Он установил рядом с бетонным столбом складной стульчик, медленно сел на него, развязал полиэтиленовый пакет, в котором находился корм, и стал горстями раскидывать крошки хлеба перед собой. Буквально через минуту вокруг «кормильца» появились сизари и весело приступили ко второму завтраку. «Ну что, пора идти знакомиться с этим «чудаком»», – решил я и стал одевать куртку.

Решительность, с которой вышел на улицу, стала улетучиваться по мере приближения к объекту моего интереса. Когда до голубятника оставалось метров десять, я стал мучительно размышлять над вопросом, с чего начать разговор и как вести себя с этим человеком. Но, не успев ничего придумать, подошел к нему почти вплотную и вежливым голосом произнес: «Доброе утро. Голубей подкармливаете? Я тоже в детстве был увлечен голубиной страстью. До тридцати пар держал домашних красавцев». Голубятник нехотя повернул в мою сторону лицо и, не отвечая на приветствие, тихо, будто разговаривая сам с собой, пробормотал: «А я в детстве голубей ел». После этих слов он вновь повернул лицо к голубиной стае и продолжил разбрасывать крошки черного хлеба. Не ожидая такой реакции от «бомжа» на свое появление, я озадачился еще сильнее. «Видно, очень вредный этот дед? Наверное думает, что пришел с ним ругаться по поводу прикармливания диких сизарей рядом с нашим домом», – сделал я вывод и стал повнимательней присматриваться к голубятнику. На вид ему было под восемьдесят лет, сухощавый, с небольшой жесткой щетиной на лице и немного выпирающим вперед волевым подбородком. Одежда на нем была достаточно заношенной, но очень аккуратной. Седую голову покрывала шапка морского офицера советских времен, только без кокарды и пятиконечной звездочки. «Нет, жена, это не «бомж», а просто старый человек, и наверняка имевший в прошлом прямое отношение к армии. Большим командиром, скорее всего, не был, но и рядовым ратную службу не нес. Пожалуй, мичманские погоны носил», – подумал я и, осмелившись, спросил: «Извините за назойливость, но мне необходимо задать вам вопрос: «Не находили ли вы здесь сегодня утром кошелек с документами?». «Мичман» вновь повернул лицо и, разглядывая меня снизу вверх, спросил: «Какая фамилия у потерявшего кошелек?». «Пуртов Алексей Борисович», – почти выкрикнул я в предчувствии предстоящей удачи. Но странный мужчина не разделил моей радости и спокойно продолжил бросать на площадку крошки. «Так вы находили или нет сегодня утром кошелек?» – немного раздраженно спросил я. «Ты не нервничай понапрасну. Сейчас закончу кормить голубей, и займемся твоей пропажей», – ровным, четким голосом произнес «мичман». Услыхав ответ, я сразу повысил старика в звании: «Пожалуй, офицерскую ляжку в отдаленных гарнизонах тянул. Вон какой нос породистый». Нос у голубятника и на самом деле заметно выделялся и не очень подходил к его лицу. Он был несколько длинноватым, широковатым, с тонкими, раздувающимися ноздрями. «Ну, что стоишь? Пойдем», – внезапно прозвучал голос старика. «Куда?» – не сразу понял я команду. «Ко мне домой за кошельком», – ответил старик и резко поднялся со стульчика. Ловко собрав свой «трон», он сунул его под мышку и, слегка прихрамывая на левую ногу, направился в сторону соседней с нашим домом высотки. Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

«Крупный, видно, был в молодости мужчина. Метр восемьдесят пять, не ниже. Это годы осадили его стать. Мне только шестьдесят один, а я уже замечаю, как физиологически меняюсь. Интересно, сколько старику на самом деле лет?» – невольно размышлял я, шагая в метре от голубятника. Удовлетворять мое любопытство никто не собирался, да и задавать вопросы незнакомому человеку я бы не стал.

Мы молча зашли в подъезд высотки, поднялись на лифте на одиннадцатый этаж и оказались в небольшом, загроможденном строительным материалом коридорчике. «Может, я вас здесь подожду?» – робко спросил я, но ответа не услышал. «Вот старый хрен! У него что, уши ватой заложены?» – мелькнуло во мне раздражение, и я продолжил сопровождать деда. Подойдя к двери, обшитой деревянной вагонкой и прикрученной к ней табличкой с номером «сто сорок семь», голубятник остановился, вытащил из кармана старого пуховика ключ и вставил его в замочную скважину. Через мгновение дверь отворилась и дед вошел внутрь квартиры. Заметив, что проем он за собой закрывать не стал, я следом переступил порог прихожей комнаты.

Пока хозяин снимал обувь и верхнюю одежду, мне удалось рассмотреть часть его «апартаментов». Бегло пробежав глазами по окружающему пространству, я сделал вывод, что состоят они из одной жилой комнаты, маленькой кухни и совмещенного санузла с ванной. Еще понял, что в них этот странный старик живет один, так как следов женской руки заметно не было. Но, тем не менее, в квартире существовал спартанский порядок и продуманный до мелочей хозяйственный антураж. На противоположной стене от входных дверей я увидел висящую рамку с черно-белой фотографией, на которой были изображены двое мужчин в морской военной форме. Однако из-за моих зрительных возможностей отчетливо рассмотреть их лица и звания мне не удалось. Да и времени на это уже не было. Единственное, что я еще успел увидеть, был портрет молодой и красивой пары, который появился в поле зрения, когда дед открыл дверь жилой комнаты.

«Вот документы. В целости и сохранности», – произнес дед, протягивая мне кошелек Алексея. «Огромное спасибо! Как мне вас отблагодарить?» – спросил я и полез во внутренний карман пиджака, чтобы достать приготовленную на всякий случай тысячерублевую купюру. «Отставить!» – неожиданно громко скомандовал дед и почти втолкнул в мою руку кошелек. От неожиданности я даже попятился назад, пробормотав: «Как же так можно? Вы ведь нам сильно помогли». «Я исполнил долг гражданина, а за исполнение долга денег не берут», – чеканя каждое слово, ответил старик и всем своим видом дал понять, что мое дальнейшее присутствие в квартире нежелательно. «Еще раз огром-

ное спасибо за добро, которое вы для нас сделали, и до свидания», – немного сконфузившись, пролепетал я и вышел в коридор. «Странный человек! Наверное, по жизни очень несчастным был... Ну да ладно, найдем с Алексеем какой-нибудь вариант, чтобы отблагодарить голубятника», – успокаивал я сам себя, когда двигался в сторону своего дома.

Положительный исход поиска пропажи обрадовал мою половину. Она тут же позвонила младшей сестре и сообщила ей приятную новость. Закончив разговаривать с Леной, жена положила трубку, подошла ко мне и смачно расцеловала. «Это за что вдруг такая щедрая нежность?» – спросил я. «Выполняю просьбу сестры. Считай, что награду за проявленную смекалку и находчивость ты получил», – ответила жена и пошла на кухню заниматься своими делами. «Слабовата награда. Неадекватна моим физическим и умственным затратам», – пошутил я. «Ладно, уж не переживай. Считай, что это аванс тебе выдан», – услышал я веселый голос половинки и смиренно удалился в свой кабинет.

Часть вторая

Нятнадцатого декабря снег окончательно накрыл промерзшую землю, крыши домов и тротуаров, у дворников наступили тяжелые дни. Каждое утро, начиная с пяти часов утра, молодые таджики скребками и широкими лопатами счищали с асфальта у подъездов ледовые корки и разгребали от снежных заносов тротуары до центрального проезда. Несмотря на установленные в доме современные оконные пакеты, раздражающий скрежет от работы хозяйственного инструмента проникал в спальню. Вначале это меня раздражало и мешало получать удовольствие от сладкого утреннего сна. Постепенно к звукам снежных баталий я стал привыкать.

С приходом зимы у меня изменилось физическое и моральное состояние. Появились бодрость, уверенность в себе и желание совершать подвиги на творческом фронте. Днями я вновь стал плодотворно работать над текстом нового романа, а ближе к вечеру совершать пешие прогулки до набережной реки Москвы. Расстояние всего маршрутного пути не превышало пяти километров, а пребывание на свежем воздухе составляло часа два. Взбодренный легким морозцем и успокоенный мягким шелестом невысоких волн незамерзающей реки, я возвращался домой в хорошем настроении, но почти всегда голодным. В общем, жизнь моя стала насыщенной и интересней. Только на площадке напротив нашего дома ничего не менялось. Ежедневно, в одно и то же время, странный дед появлялся с пакетом корма и минут за тридцать разбрасывал его своим пернатым друзьям. Глядя на него через окно с тринадцатого этажа, я ощущал какое-то странное угнетение и необъяснимую тревогу. «Вот ведь упрямый дед! Зачем ему эти птички? Наверняка из окружающих домов в его адрес несутся нелицеприятные слова жильцов, ревностно относя-

щихся к состоянию и чистоте своей собственности, в данном случае оконных металлических отливов», – рассуждал я и отходил вглубь комнаты.

Очередная встреча с голубятником у меня состоялась в конце декабря. В четыре часа дня я, как обычно, выключил компьютер, быстро надел теплую одежду и вышел на улицу. В это время солнце уже собиралось убежать за горизонт, но вечерние зимние сумерки еще не наступили. Я набрал полную грудь прохладного воздуха и медленно двинулся по отработанному маршруту. Уже минут через тридцать вошел в проем ворот парка отдыха. Пройдя по широкой тропинке до набережной реки, остановился напротив бетонной лестницы, ведущей к урезу воды. «Как здесь спокойно и естественно. Вот что значит природа для человека!» – немного возвышенно подумал я, наслаждаясь маленьким кусочком земной красоты. Внизу, по берегу, важно расхаживали вороны, а недалеко от них, на глади воды, сидела большая стая диких и заживевших кряковых уток. «Ты смотри, как приспособились! Их сородичи в южные широты давно улетели, а эти на незамерзающей реке Москве остались. Поближе к людям держатся, которые их искренне жалеют и каждый день подкармливают, кто чем может», – беззлобно подумал я.

Понаблюдав минут двадцать за обитателями прибрежных просторов и водной стихии, я повернулся на девяносто градусов и неспеша пошел вдоль металлических перил, ограждающих набережную. Слабый восточный ветер, мирный шелест остывшей речной воды и веселые голоса празднично настроенных молодых людей, разгуливающих в парке отдыха, наполняли меня вдохновением и творческим порывом. В какой-то момент я даже отключился от реальной жизни окружающего мира. Неожиданно в поле зрения попала одинокая фигура, стоящая внизу, у самой реки. «Неужели «голубятник»? Что-то раньше его здесь не встречал», – подумал я и, немного поколебавшись, решил подойти к странному деду. Спустившись по ступенькам очередной бетонной лестницы вниз, стал медленно приближаться к объекту моего устойчивого интереса. До странного старика я не дошел метра три и остановился. Мне хотелось, чтобы этот человек заметил меня, узнал и первым поприветствовал. Но мое желание оказалось напрасным. «Голубятник», не поворачивая голову в мою сторону, словно командир корабля на капитанском мостике, продолжал стоять прямо и смотреть вперед на гладь воды. «Он что, заснул на ходу?» – подумал я и откровенно посмотрел на деда. Мне сложно было рассмотреть его лицо, но даже то, что я увидел, повергло меня в смятение и легкий шок. Из глазниц по щеке старика текли слезы, а веки были плотно прикрыты. «Да, не в лучшие мгновения жизни этого человека я решил навязать ему знакомство», – пожалел я, размышляя, как выйти из создавшегося положения. «Может, повернуться и уйти? Все равно он навряд ли меня узнает?» – сделал я вывод и хотел было

исполнить свое решение, но в это время «голубятник» вдруг негромко простонал, тело вздрогнуло и зашевелилось. Он нагнулся, поднял с земли небольшой камень и бросил его в реку. После этой процедуры странный дед пошевелил губами, словно нашептывая какое-то заклинание, по-старчески грустно улыбнулся и с удивлением посмотрел в мою сторону.

«Добрый вечер! Вы тоже приходите на набережную реки подышать свежим воздухом? Наверное, ностальгические воспоминания навеивает встреча с водной стихией?» – воспользовался я моментом и первый поприветствовал старика. «Ты откуда знаешь, что я имел отношение к воде?» – не ответив на приветствие, спросил строго старик. «Я понял это, когда побывал у вас в квартире и на стене заметил фотографию, на которой изображены два морских офицера», – ответил я. «А ты зачем к реке ходишь? Тоже на флоте служил?» – поинтересовался дед. «Нет, срочную службу я проходил в ракетных войсках стратегического назначения. Но в детстве мечтал стать штурманом дальнего плавания», – ответил я. «А стал кем?» – коротко спросил дед. «Специалистом рыбной отрасли», – также коротко ответил я. «Где же ты рыбачил? На Дальнем Востоке был?» – заметно оживился голубятник. «Только на практике, когда учился в рыбном техникуме. В 1965 году ходил на научно-исследовательском судне «Академик Берг», – почувствовав, что дед разговорился, сообщил я. «Помню такой корабль. Не повезло ему. На подводную лодку налетел. Много тогда шума по этому поводу было», – произнес «голубятник» и замолчал. Выражение его лица стало вновь сосредоточенным и даже суровым. Молчал и я, боясь показаться назойливым.

«А в Москве как оказался? Наверняка после окончания рыбного техникума был направлен на работу туда, где есть рыба», – продолжил «допрос» странный старик. «Вы правы. Более десяти лет проработал на различных предприятиях рыбной отрасли. В 1979 году меня перевели в Москву, в Министерство рыбного хозяйства на должность начальника производственного главка», – откровенно ответил я. «Значит, паркетным гражданским адмиралом был», – впервые за все наше короткое знакомство улыбнулся старик. «Выходит так. Тут уж ничего не поделаешь. У каждого человека своя судьба и свои дороги, по которым она его водит», – словно оправдываясь, произнес я. «Вот тут я с тобой согласен. Хоть мы и все «хомо сапиенс», и прародители у нас одни, но судьба каждому из нас всевышним дается своя», – задумчиво поддержал мою философию «голубятник» и замолчал. Молчал и я.

«Двигаться в сторону дома не собираешься?» – неожиданно спросил дед. «Думаю, что уже пора. Больше часа на воздухе пребываю, а пока домой прииду, не менее двух будет. Так что, если не возражаете, то готов составить вам

компанию», – ответил я, и мы стали подниматься по ступенькам вверх. Дорога до дома на сей раз у меня заняла больше времени, чем обычно. Несмотря на бодрый вид старика, двигался он медленно и раз пять останавливался на пешеходной дорожке, чтобы перевести дух. Но меня это даже радовало, так как на протяжении всего пути мы продолжали начатый разговор. К сожалению, он был почти односторонним и касался больше моей биографии, поэтому о странном старике и на этот раз я мало что узнал. Уже подходя к своей высотке, дед произнес: «Выходит, что мы с тобой коллегами оказались. Только ты адмирал гражданский, а я адмирал военный. А это значит, что много тем у нас общих может быть. Так что, если захочешь их обсудить, не стесняйся и приходи в гости. Живу я один, небогато, но хорошим чаем угощу». «Спасибо за приглашение. Я обязательно при случае им воспользуюсь», – поблагодарил я, и мы расстались.

Неожиданная встреча на набережной реки и разговор со старым морским «волком» заинтриговали меня. К нему у меня появилось вопросов больше, чем после первого знакомства. Уже оказавшись дома, я неожиданно вслух пробурчал: «Больше часа с человеком общался, а как звать и величать его так и не спросил! Да и сам не представился. Совсем одичал от одиночества!». «Ты на меня ругаешься?» – по-своему поняла бурчание жена, выглянувшая из кухни. «Нет, дорогая. Только на себя. Ты у меня вне подозрения и критики», – улыбаясь, успокоил супругу я и стал раздеваться.

Часть третья

После той встречи с адмиралом мы не виделись дней десять. По приглашению своего старинного друга я на неделю уезжал на охоту в Тамбовскую область. Отдых на природе был очень кстати и прошел на высшем физическом и духовном подъеме. Домой вернулся со здоровым румянцем на щеках и переполненный творческими планами. Да и охотничьих трофеев привез немало. Когда жена их увидела, то вместо радостного возгласа и слов благодарности я услышал недовольный голос: «Куда ты столько мяса приволок? Что теперь прикажешь с ним делать? Где хранить его буду? Как только у вас рука поднялась на безвинных животных?». Не ожидавший такой негативной реакции моей дражайшей половины, я даже растерялся. Придя в себя, улыбнулся, обнял за плечи жену и спокойным голосом произнес: «Заелась ты, моя дорогая. А еще каких-то лет тридцать пять назад эти трофеи произвели бы на тебя настоящий фурор, и всем им нашла бы применение. Помнишь, какие ты котлеты из кабаньего мяса делала? Пальчики оближешь! А как наши парни пироги и пельмени из лосинного мяса любили? Забыла уже, или не хочется возиться с экологически чистым продуктом?». «Вспомнил тоже события полувековой давности. Тогда едоков в нашей семье было в три раза больше, а средств на приобретение необходимых продуктов не всегда хватало. Вот и радовалась любому подарку от природы. Кормить-то вас нужно было. Ладно, что тебе без толку объяснять, вываливай добычу в ванну и поточи большие ножи, а то они не только мясо не режут, в сливочное масло никак не воткнешь», – съехидничала жена. Я не стал оправдывать свои недоработки по дому и покорно приступил к исполнению поручений.

Разделка мяса подходила к концу, когда мне в голову неожиданно пришла мысль: «А не поделиться ли охотничьим трофеем с адмиралом? Мы ведь с Алексеем так и не отблагодарили его за спасение документов». Идею я высказал жене, которая тут же и благословила меня на благородный поступок: «Я сейчас подберу несколько нежирных кусков мяса и упакую в сумку, а ты оденешься посолидней и сходи, навести коллегу». «Почему коллегу?» – не понял я. «Ты же сам сказал, что дед назвал тебя коллегой. Вот и повторяю эти слова. Я же не знаю, как его звать и величать. Ты хоть на сей раз не забудь с ним познакомиться». Минут через сорок я стоял у дверей квартиры адмирала и нажимал кнопку звонка. Прошло две минуты до того момента, как услышал щелчки открывающегося внутреннего замка и увидел появившегося в проеме хозяина. «Добрый день! Извините, что беспокою вас, но обстоятельства не терпят отлагательств», – улыбаясь, произнес я. Адмирал каким-то отрешенным взглядом посмотрел на меня, что-то буркнул под нос, повернулся и пошел вглубь квартиры. Не ожидая такого приема, я некоторое время находился в оцепенении. «Что делать? Как поступить? Закрыть дверь с наружной стороны и вернуться домой или переступить порог квартиры?» – промелькнуло у меня в голове. Но голос адмирала, неожиданно прозвучавший со стороны кухни, разом разрешил мои сомнения: «Ну что застрял в дверях? Пожалуй в квартиру, снимай пальто и проходи на кухню. Будем чай пить и твои безотлагательные обстоятельства обсуждать». Повторного приглашения я ждать не стал и быстро выполнил указания неприветливого хозяина. Оказавшись на кухне, протянул адмиралу увесистый пакет с охотничьим трофеем и, слегка смущаясь, сказал: «Вот сегодня вернулся из Тамбовской области, где почти неделю провёл в лесах, и решил поделиться с вами трофеями, добытыми лично мной». Адмирал с удивлением посмотрел вначале на пакет, затем на меня, и уже не таким резким голосом произнес: «Спасибо за заботу. Давно я не употреблял пищу из мяса диких животных. Тридцать лет прошло. С тех самых пор, как закончилась настоящая жизнь боевого офицера». Он взял пакет, вытащил из него хорошо промытые женой куски мяса и, тщательно осмотрев их, широко улыбнулся. «Вот это – мясо кабана, а это – лося. Ну, а этот кусок, пожалуй, косули будет. Больно уж у нее нежное мясо, как у кролика», – довольным голосом пробурчал «голубятник». «Вы хорошо разбираетесь в мясе диких животных. Наверное, охотником заядлым были?» – удивленным голосом спросил я. «Был заядлым или не был, не знаю, но охотничьего азарта хватало. Однако и это было, к сожалению, очень давно», – с грустью в голосе ответил адмирал. Немного помолчав, неожиданно спросил: «Убивать животных не жалко было?». Я недоуменно посмотрел на адмирала и, не зная, что ответить, произнес: «А зачем тогда на охоту ходить, если в тебе существует жалость к дикому зверю или птице? Веками мужчины этим промыслом занимались, объединяя страсть

воина с необходимостью обеспечения семей продуктами питания. Вот и в мои гены заложена потребность в испытании мужских качеств воина-добытчика». Адмирал пристально посмотрел на меня и, вновь улынувшись, сказал: «Не обращай на меня внимания. Это я от старости ворчливый такой стал. Ты лет на двадцать, пожалуй, меня моложе будешь? В каком году родился?». «В сорок седьмом», – коротко ответил я. «Немного ошибся. Всего на шестнадцать лет моложе. Хорошо сохранился. Наверное, жизнь сытая была или спортом занимался», – сделал умозаключение адмирал. «И жизнь неплохая была, и спортом занимался, и не курил никогда», – подвел итог разговору я и продолжил: «Мы третий раз встречаемся, а до сих пор не познакомились. Меня Василием звать. По отчеству Федоровичем буду. А вас?». Помедлив с ответом, словно раздумывая отвечать на вопрос или не отвечать, «голубятник», наконец, произнес: «Виктор Андреевич. Вице-адмирал в отставке и одинокий человек по-жизни. Так что присаживайся к столу и приступим к чаепитию».

Часть четвертая

Чай у адмирала на самом деле был приготовлен очень мастерски. Я не сразу понял, из какой заварки и какого набора трав он состоял, но запах из большого бокала исходил насыщенный и очень ароматный. «Ну, что сидишь? Накладывай сахар, бери «московский» бублик и приступай получать от жизни удовольствие», – посоветовал хозяин и протянул чайную ложку. «Спасибо. Сахар в моем рационе продукт нежелательный, а вот бублик обязательно погрызу», – ответил я и приступил к процедуре чаепития. «Не взыщи. Деликатесов у меня нет, да и в гости я сегодня никого не ждал», – пробурчал адмирал и стал небольшими глотками отпивать из бокала горячую жидкость.

В начале нашего «застолья» разговор не очень клеился. В основном мы обменивались с хозяином квартиры незначительными фразами на темы быта, непредсказуемости зимней погоды и состояния здоровья. Постепенно диалог стал приобретать более осмысленный характер. Уже заканчивая пить сказочного аромата чай из повторно наполненного бокала, я неожиданно для себя спросил: «Виктор Андреевич, в прихожей на стене висит фотография, на которой изображены два храбрых морских офицера. Насколько успел разглядеть, я сделал вывод, что один из них вы, а второй кто?». Адмирал минуты две молчал, затем тяжело поднялся с табурета и вышел в прихожую. Еще через минуту он вернулся на кухню и положил на стол снятый со стены портрет. «Это мой сын Сергей. Фотографии двадцать четыре года, и на ней он еще в форме капитан-лейтенанта. В тридцать девять лет Сережа стал уже капитаном первого ранга и командиром боевого эсминца», – с заметной грустью в голосе произнес старый «морской волк». «А сейчас, наверное, как и отец, адмиральские

погоны носит?» – невольно поинтересовался я. «Нет. Стать адмиралом ему не удалось», – с какой-то болью в голосе тихо ответил Виктор Андреевич. «Да, это издержки нашего нового времени. Многие воины вынуждены были поменять ратный труд на торгашескую и прочую сомнительную деятельность», – поняв по-своему душевное состояние собеседника, произнес я. Однако поддержки моих слов со стороны адмирала не последовало.

Прошло еще минут тридцать моего присутствия в гостях у неразговорчивого адмирала, когда я решил покинуть его. «Ну что. Виктор Андреевич, пора и честь знать. Большое спасибо за очень ароматный чай и за вкусные бублики. Пойду домой, а то меня уже жена потеряла. Я ведь думал, что быстро обернусь, а просидел у вас почти два часа», – произнес вежливо я и стал подниматься из-за стола. «Счастливый ты, Василий, человек. Тебя жена дома ждет, беспокоится. На старости лет это самый желанный подарок судьбы. Дорожи им и береги его. Я вот, к великому сожалению, такой радости уже давно не испытываю. А ведь когда-то был тоже счастливым и любимым», – неожиданно энергично прореагировал на мои слова адмирал и, выйдя из-за стола одновременно со мной, добавил: «Теперь только портрет напоминает мне о той поре, да короткие сны».

Чтобы не поднимать волну тяжелых воспоминаний и не оставлять хозяина на квартире один на один со своей тоской по стремительно удаляющейся в прошлое счастливой жизни, я весело улыбнулся и произнес: «Меня вы чаем с бубликами напоили, а вот голуби сегодня без обеда остались? Они, наверняка, с нетерпением вас поджидают». Однако шутка должного эффекта не принесла. Лицо адмирала еще сильнее посуровело, а в глазах появилась неподдельная тревога. От увиденного изменения на лице собеседника мне и самому сделалось как-то не по себе. «Почему он так болезненно прореагировал на безвинную шутку? Я и в мыслях не хотел его словами обижать», – подумал я и еще раз посмотрел на адмирала. Тот стоял напротив и на мой немой вопрос, по-видимому, отвечать не собирался. «Еще раз благодарю за чай и беседу. Теперь ваша очередь навестить нас», – любезно высказался я и пошел одеваться. Адмирал сухо поблагодарил за приглашение и вежливо попрощался.

Часть пятая

Очередная встреча со странным адмиралом произошла буквально через день и вновь на набережной реки Москвы. На этот раз Виктор Андреевич подошел сам, когда я, стоя на краю берега, бросал диким уткам заранее приготовленный дома корм. «Смотри, ты тоже балуешь этих зажиревших и от того ленивых водоплавающих. Их место в теплых краях, а они чувство страха потеряли и за пределы города не хотят улетать», – почти весело произнес он. «Иногда балую. Не все же время по ним стрелять. Тем более, по этим, одомашненным. Добрый день, Виктор Андреевич», – ответил я. «Добрый, добрый! Давно стоишь на берегу и дышишь свежим воздухом?» – спросил адмирал. «Минут двадцать, не больше. Да и воздух здесь сегодня, к сожалению, не очень свежий. Юго-восточный ветер выше допустимого предела наполняет атмосферу вредными газами и промышленной пылью, выброшенными урчащими в натуге автомобилями и промышленными предприятиями. Но, тем не менее, мое самочувствие всегда улучшается, когда я нахожусь рядом с рекой, хотя и не такой великой, как Волга», – немного мудрено ответил я. «Ну что поделаешь. Будем дышать таким воздухом, какой есть. За более качественным необходимо далеко ехать, а у меня на такую поездку ни сил, ни времени не осталось», – с грустью в голосе произнес адмирал и на непродолжительное время отвернулся в сторону видневшегося невдалеке автомобильного моста.

Когда он вновь повернулся, то лицо его было спокойным, глаза сухие, а на губах блуждала слабая улыбка. «В прошлую встречу я с тобой, Василий, не очень гостеприимно обошелся. Ты уж не обижайся сильно. У меня сейчас характер капризный становится, как у младенца. За мясной подарок спасибо. С

удовольствием наполнял желудок давно забытой деликатесной продукцией. Помощница по хозяйству отменный борщ сварила и котлет нажарила. Так что целую неделю буду на мясной «диете» сидеть. Давно я не позволял себе такого праздника», – высказался Виктор Андреевич и открыто, по-детски, улыбнулся.

В этот раз разговор наш был более откровенным и многогранным. Но касался он в основном тем современной жизни общества, страны и мира в целом. О личном адмирал старался не говорить, а я и не настаивал. Хотя, если честно, то мне очень хотелось узнать о прошлом и настоящем этого старого «морского волка».

Пробыв у реки больше часа и слегка замерзнув на слабом январском морозе, мы решили возвращаться домой. Виктор Андреевич, осторожно переставляя ноги по заснеженной и скользкой тротуарной дорожке, молча шел впереди, а я следовал за ним, углубившись в размышления. Уже оказавшись рядом с площадкой, на которой адмирал кормил сизарей, он резко остановился, повернулся ко мне и возбужденно заговорил: «При первой встрече, когда ты мимоходом поведал о детском увлечении голубями, я тебе ответил правдой. Я их ел. И не только я, но и вся моя большая семья выжила благодаря сизарям. В самом начале Великой Отечественной войны с Германией наш отец был призван в Советскую армию, и уже в январе 1942 года погиб в окружении под городом Вязьмой. Мне тогда было одиннадцать лет, и я был самым старшим из троих детей, оставшихся сиротами. Получив известие о гибели мужа, мама чудом не сошла с ума и не наложила на себя руки. Она очень сильно любила его. В тот же момент я понял, что остался в семье за старшего мужчину и что на меня легла ответственность за дальнейшую судьбу моего брата и сестры. Мое взросление произошло внезапно, неестественно, но навсегда. Мы жили тогда в большом селе на Псковщине. Я хорошо помню, как в наше село зашла вражеская воинская часть, как жестоко немецкие солдаты обращались с непокорным местным населением и как они боялись советских партизан. Порой мне и самому хотелось уйти в лес к своим и, взяв в руки оружие, нещадно уничтожать злодеев, убивших отца и осквернивших святую русскую землю. Только понимание того, что без меня семья не выживет, сдерживало порывы и умирало праведный гнев. День и ночь я занимался поиском продуктов питания и делал все, чтобы члены семьи не умерли с голоду. Эта задача была почти невыполнимой, так как кругом царили хаос, смерть и непредсказуемость. Во всех хозяйских постройках односельчан, в которых еще недавно обитали домашние животные и птица, было тихо, а в погребах пусто. Все, что можно было использовать в пищу, немецкие каратели подчистили полностью. И только вольные птицы, к каким относились дикие голуби, да боровая дичь жили по законам природы. Вот они и стали главным объектом охоты.

На краю села, рядом с сосновым бором располагались деревянные склады и мельница, принадлежащие нашему колхозу. До войны они каждую осень до отказа набивались зерном и овощами, а к весне в них оставались только семена для очередного сельскохозяйственного сезона. В 1941 году уборка урожая была сорвана военными действиями, и больше половины выращенного потом и кровью жизненно важного продукта осталось на полях. Но и то зерно, что удалось намолотить, стало легкой добычей новых хозяев земли русской. Уже в середине зимы колхозные склады опустели полностью. Только студёный ветер, да стаи диких голубей стали постоянными обитателями заброшенных строений. Не издавали мирное постукивание и мельничные жернова, еще недавно работающие почти круглый год. Былая жизнь, наполненная веселым и счастливым детским смехом, звонкими голосами сельских певуний и кулачными боями молодых, сильных парней, замерла, а на смену ей в каждый дом пришли страх, горе и ненависть к людям, отобравшим ту, довоенную жизнь. Сельчане стали замкнутыми, осторожными и находились в постоянном поиске путей выживания.

Этим занимался и я. Вспомнив, как до войны мы с отцом ловили в лесу зайцев и серых куропаток, стал изготавливать из проволоки и конского волоса петли и силки, и устанавливать их на заячьих тропах и на складах, в местах скопления сизарей. Проволоку изымал из корта автомобильных покрышек, валяющихся рядом с подбитыми грузовиками и легковушками, а конский волос выдергивал из грив и хвостов немецких лошадей. Я был удачливым охотником. Проверая каждый день установленные снасти, я редко возвращался домой без добычи. Особенно доступным трофеем оказывались голуби. В силки, расставленные во всех значных местах, иной раз попадалось до пяти штук сизарей. Хотя мяса в птицах было очень мало, мама умудрялась наварить из них большой чугунок вкусного, как нам казалось, супа. Ну а если приносил с охоты зайца, куропатку, тетерева или рябчика, то в доме наступали праздничные дни. Так постепенно я вошел в роль кормильца семьи и этим очень гордился.

В режиме физического выживания и ожидании лучшего будущего медленно тянулось время. Прошла первая тяжелая зима в оккупации. Наступило долгожданное лето, так любимое взрослыми и детьми. Но на сей раз радости на лицах односельчан я не видел, хотя жить всем стало немного легче. Люди желали больше, чем теплого периода года. Они ждали хороших известий с фронта, а там все было как раз наоборот. В тревоге, неизвестности, физической и моральной опустошенности медленно прошло лето и вновь наступили холода. Я вновь стал активно заниматься добычей пропитания. За прошедший с начала войны год я заметно подрос и возмужал. Мои поступки и действия стали более рациональными и продуманными. Эти изменения заметили все, и даже

мама. Она с надеждой смотрела на меня, как на взрослого, и чаще, чем обычно, доверяла выполнение сложных дел. Я очень старался это доверие оправдать.

В феврале 1943 года по селу прокатились радостные слухи о громких победах советских войск на ряде фронтов и начале контрнаступления. Народ заметно воспрял духом и с нетерпением стал ждать скорейшего освобождения. Искренне радовался этим известием и я, и с еще большей энергией помогал матери обеспечивать продуктами семью.

В один из мартовских дней рано утром я пошел на зернохранилище проверять силки. За прошедшие две зимы численность сизарей очень заметно сократилась. Над складами уже не летали огромные стаи и не гоняли наглых воробьев со своих прикормленных мест. Но как бы там ни было, без добычи домой почти никогда не возвращался. И на этот раз удача улыбалась. В первом складе я вытащил из силков двух птиц и перешел во второй. Вот тут-то поджидал меня неприятный сюрприз, который через много лет принес мне горе и страдания. Еще издали я увидел сидящего в ловушке голубя и направился к нему. Но, подойдя почти вплотную, резко остановился и с чувством непонятной тревоги посмотрел на сизаря. Внешне он ничем не отличался от своих собратьев, вместе с тем в нем было что-то такое, что вызывало к нему особый интерес. Но что? Покалеченная правая лапка, на которой не хватало двух когтей? Вряд ли. Таких раненых мне и раньше приходилось вытаскивать из силков. Я перевел взгляд на его гордо сидящую головку, и мозг словно пробил электрическим током. Глаза голубя смеялись надо мной и презирали! Они ненавидели меня так, как я ненавидел фашистов! На мгновение мою волю сковал какой-то непонятный ужас, и я оказался в полной растерянности. «Почему этот голубь смотрит человеческими глазами? Он же всего лишь простая, примитивная птица!» – невольно подумал я, не зная, что делать дальше. Только спустя какое-то время, наконец, принял решение: «Необходимо немедленно прекратить смотреть ему в глаза и поступить с ним так же, как и с другими». Вытащив лапку голубя из петли, я зажал его шею между двух пальцев и несколько раз резко махнул рукой сверху вниз. Тельце сизаря содрогнулось, и уже через мгновение в руках лежала свежая тушка очередного трофея. Вскоре я и сам успокоился, но глаза голубя еще долго с немим укором смотрели на меня во сне.

В конце лета 1943 года наше село освободила Советская Армия, и оставшийся в живых народ стал ускоренными темпами налаживать мирную жизнь. В основном этим занимались женщины, старики и дети. А осенью мы вновь пошли в школу. Но не в просторную и светлую, которая во время боев дотла сгорела, а в здание бывшей библиотеки, состоящее из двух комнат. Не хватало и учителей. Поэтому детей разных возрастов объединяли в большие группы и

в две смены вели с ними занятия. Однако все эти трудности были сущим пустяком по сравнению с прожитым периодом в оккупации.

Отгремела Великая Отечественная война, вернулись домой уцелевшие в ней мужчины, на земле вновь воцарились мир и спокойствие. Молодежь, выросшая и возмужавшая за годы лихолетья, «заболела» романтикой и стала строить свою судьбу с чистого листа. Произошли такие изменения и в моей жизни. Окончив в 1948 году среднюю школу, я решил ехать в город Севастополь – поступать в военно-морское училище. Сообщив о решении маме, я ждал с ее стороны бурную реакцию и даже истерику. Но все обошлось мирным разговором и тревожной ночью обильных слез. Утром, когда мы с ней остались вдвоем, она посмотрела на меня печальными глазами и тихо сказала: «Ты очень сильно помог нашей семье выжить во время войны. Сейчас твои брат и сестра подросли и тоже стали моими помощниками. Я знаю, как ты страстно мечтаешь стать морским офицером. Поэтому поезжай с легким сердцем, сынок, в далекий край навстречу своей судьбе. О нас не беспокойся. У нас все будет хорошо, так как все худшее уже позади. Единственное, что я не смогу для тебя сделать, так это помогать материально. На дорогу в один конец наскребу, а дальше тебе придется самому думать, как выживать». Я до слез был тронут этими простыми словами и, поцеловав маму, дрогнувшим голосом сказал: «Ты не беспокойся за меня. Я уже взрослый и трудностей не боюсь. Поступлю в военно-морское училище, получу специальность, буду хорошо зарабатывать и отправлять часть денег вам». «Ты не думай пока о деньгах. Просто хорошо учись и будь дисциплинированным. А остальное со временем все само собой придет к тебе», – произнесла напутственные слова мама, и на этом наш разговор закончился.

В Севастополь я добирался почти неделю. В целях экономии выделенных мамой средств ехал в товарных вагонах и на перекладных. Но как бы там ни было, конечной цели достиг и с первого августа приступил к сдаче вступительных экзаменов, которые, даже вопреки собственным ожиданиям, сдал на хорошо и отлично. Двадцатого августа из списка, вывешенного на доске объявлений, я к великой радости узнал, что зачислен на первый курс факультета корабельной артиллерии. Счастливый и гордый, я тут же сел за стол и написал маме пространное письмо, насквозь пропитанное юношеским максимализмом и человеческой радостью. Я знал, что, получив письмо, мама обязательно прочтает его вслух оставшимися с ней брату и сестре, которым было в тот период тринадцать и восемь лет. А так же с гордостью покажет родственникам и односельчанам. Так оно в конечном счете и произошло. В чем я убедился, когда получил первое письмо с родины. Я читал его строки, и в это время видел ласковую и теплую мамину улыбку, немного уставшие и грустные глаза, и бесконечную гордость за своего старшего сына.

Курсантские годы пролетели быстро. В 1953 году, получив диплом и звание морского лейтенанта, я был направлен в распоряжение командования Черноморского флота. С этого момента моя биография флотского офицера стала набирать обороты. Служил на малых и больших военных кораблях, в разгар Карибского кризиса в составе воинского контингента советских войск побывал на Кубе. Несколько лет спустя в звании капитана второго ранга был переведен на Балтийский флот и почти три года командовал большим противолодочным кораблем. После окончания в 1972 году Ленинградской военно-морской академии мне и моей семье пришлось поменять место жительства и уехать на «край света» – в город Владивосток. Сначала там командовал отдельной бригадой сторожевых кораблей Тихоокеанского флота, а после окончания адъюнктуры меня перевели на штабную работу в округ, присвоив очередное звание «контр-адмирал». Это были лучшие годы в моей жизни. У меня было все: успешная военная карьера, красивая и преданная жена, умный и порядочный сын, верные друзья и отличные житейские условия. Нашли свой путь в жизни и мои родные брат и сестра. Из Михаила получился хороший ученый, а Ольга по окончании педагогического института вернулась в наше село и стала работать учительницей в школе. Маму в 1975 году я перевез во Владивосток, и она с огромным удовольствием включилась в воспитательный процесс своего внука, предоставив моей жене больше времени заниматься научной работой. Так что все шло хорошо и ничего не предвещало беды до тех пор, пока при ликвидации Чернобыльской катастрофы не погиб мой брат – Михаил. Получив страшное известие, мама слегла и долго болела. Только пошла на поправку, как пришла телеграмма, сообщающая о том, что в результате оторвавшегося тромба в сосуде головного мозга скоростижно скончалась Ольга. После этого скорбного известия здоровье у мамы резко ухудшилось, и она уже больше не поднялась с больничной кровати. В конце 1986 года мы ее похоронили на одном из кладбищ Владивостока, за несколько тысяч километров от малой родины». После этих слов адмирал замолчал, неестественно прокашлялся и повернулся в сторону голубиной площадки.

Некоторое время я еще надеялся на продолжение рассказа, но, заметив, как осели у адмирала плечи и сгорбилась спина, понял, что моему ожиданию не сбыться. Чтобы не показаться назойливым и не утомлять его своим присутствием, я вежливо попрощался и пошел домой.

Часть шестая

Откровенный, но неоконченный рассказ адмирала заинтриговал меня. У меня появилось несколько вариантов его продолжения и окончания. Я понимал, что именно в них кроется разгадка трагедии жизни этого человека. «Не может он с таким успешным и замечательным прошлым на старости лет прозябать в одиночестве и бедности. Во времена Советской власти военные, а тем более генералы и адмиралы, всегда были особой кастой, и их заслуги перед отечеством щедро оценивались морально и материально», – размышлял я и с нетерпением поджидал подходящего случая, чтобы встретиться с Виктором Андреевичем. В конце февраля такая возможность появилась.

23 февраля не только праздничный день для Армии и Флота. Лично для меня эта дата еще и день рождения, который я ежегодно отмечаю. Но, к сожалению, с каждым годом по разным причинам гостей на семейное торжество собирается все меньше и меньше. Вот и на этот раз за хлебосольным столом в нашей большой квартире сидело всего пятнадцать человек, включая сыновей, снох, внуков и внучек. Несмотря на это, встреча и чествование прошли весело, шумно и изобретательно. Исполнялось много песен, стихов и дружеских приколов. Ну и, конечно, много хвалебных слов было высказано в адрес хозяйки дома – моей жены за фирменный рыбный пирог, вкусные сибирские пельмени и настойку на кедровых орехах, рецепт изготовления которой знала только она. Так что по домам гости расходились в прекрасном настроении, слегка захмелевшие.

На следующее утро я проснулся ближе к обеду. Жена в это время занималась уборкой последствий бурного застолья и постоянно гремела тарелками,

пустыми бутылками и переставляемой мебелью. Заглянув в спальную и заметив мои открытые глаза, она ворчливо произнесла: «Мог бы встать и помочь навести порядок в доме. Перевалил все обязанности на меня, а день рождения твой отмечали». «Что, не могла меня раньше разбудить?» – улыбаясь, спросил я. «Могла, но жалко было. Уж больно ты крепко и сладко спал», – ответила жена и тоже улыбнулась. «Спасибо за материнскую заботу. Когда-нибудь я тоже рассчитаюсь с тобой той же монетой. Дай только срок», – пошутил я. «От тебя дождешься! Держи карман шире», – уколола жена и неожиданно спросила: «Давно своего друга не встречал?». «Какого друга?» – не понял я. «Адмирала-голубятника», – пояснила жена. «Дней десять. Что ты о нем вспомнила?» – удивился я. «У него вчера ведь тоже праздник большой был. А у меня один пирог рыбный нетронутым остался. Может, сходишь к нему, с прошедшим праздником поздравишь и пирогом заодно угостишь?» – подкинула мне идею жена. «О умнейшая из умных! О светлейшая из светлых! И как только тебе такая благородная мысль в голову пришла?» – воскликнул, улыбаясь, я и стал подниматься с кровати. «Смейся, смейся. Да если бы не я, ты давно бы мышей перестал ловить, не то, что головой работать», – отпарировала жена и пошла на кухню.

Приведя себя в надлежащий интеллигенту вид и захватив аккуратно упакованный женой пакет с рыбным пирогом, я вышел из квартиры. Еще через десять минут стоял у дверей адмиральской квартиры. На этот раз дверь открылась сразу после первого звонка, словно хозяин стоял за ней и ждал моего прихода. «Добрый день, Виктор Андреевич! Разрешите поздравить с прошедшим праздником Советской Армии и Военно-Морского флота, пожелать вам отменного здоровья и хорошего настроения. А также вручить фирменный гостинец от жены в виде рыбного пирога из нельмы, выловленной в сибирской реке Иртыш», – торжественно произнес я и протянул пакет адмиралу. «Ты что стоишь за порогом? Проходи в квартиру, раздевайся. А вот пирог зря принес. Только в неловкость меня вгоняешь. Чем я заслужил такое внимание к себе и чем смогу отблагодарить твою жену?» – нервно произнес Виктор Андреевич, но пакет из рук принял.

Пока в прихожей я снимал верхнюю одежду, адмирал находился на кухне и мелодично позвякивал металлическим чайником и кружками. Когда я появился в поле его зрения, спросил: «Коньяка или водочки граммов по сто выпьем?». «Не возражаю. Думаю, нам это не повредит», – с готовностью ответил я и подсел к столу.

Немного помолчав и понаблюдав за замедленными движениями хозяина квартиры, я полюбопытствовал: «Вы давно в этой квартире проживаете?». Адмирал ответил не сразу. Вначале он поставил на стол две вместительные рюмки, бутылки с армянским коньяком и водкой, и только после этого произнес: «С 2002

года. И давай, Василий, переходи на «ты». Тебе проще, да и мне приятней будет. Водку или коньяк будешь? В общем, наливай себе что пьешь, а мне водочки». «Я тоже к водке расположен», – улыбнулся я и приступил к выполнению указания.

После выпитой рюмки водки под тост во здравие военно-морских сил некогда могущественной страны хорошее настроение адмирала заметно повысилось, а желание высказаться усилилось. «Ну что, еще по одной?» – предложил он. «Не возражаю», – согласился я и вновь наполнил рюмки. «За огни пожарищей, за друзей-товарищей, до дна!» – призвал Виктор Андреевич и первым выпил содержимое рюмки. Была затем и третья, после которой мы приступили к разговору и чаепитию.

Проведя на кухне больше часа, адмирал неожиданно предложил: «Пойдем, Василий, в комнату. Хочу познакомить тебя с моими самыми дорогими людьми». Я возражать не стал и пошел следом за хозяином в его «светелку».

«Это я и моя жена – Светлана. Здесь нам было по двадцать семь лет. А вот на том старом портрете запечатлена вся моя семья довоенной поры. Мама, отец, я, брат и сестра», – показывая рукой на снимки с черно-белым изображением, пояснил Виктор Андреевич. Я внимательно рассмотрел потускневшие от времени фотографии и с удовольствием отметил: «Красивые женщины были твоя мама и жена». «Это точно! За моей Светланой столько парней ухаживало, что я не надеялся даже увидеть ее рядом с собой. Но она выбрала меня, и сразу после окончания военно-морского училища мы поженились». После этих слов адмирал вдруг сник и замолчал. Я чувствовал, что за таким его поведением стоит что-то тяжелое и мрачное, но вопросы задавать не стал. «Мы с ней в большой любви и радости прожили более сорока лет. И сейчас продолжали бы жить, если бы на нас не обрушился злой рок. Знаешь, Василий, я никогда раньше не задумывался о существовании бога и темных сил. В советское время это не приветствовалось. Я верил в силу разума, справедливость и в светлое будущее. Так же, как и большинство населения нашей страны. В начале 1987 года я должен был покинуть службу и стать военным пенсионером. Но незадолго до дня рождения, в соответствии с указом Верховного Главнокомандующего, меня повысили в воинском звании и перевели на работу в Москву, и моей семье вновь пришлось менять прописку. Вернее, нам с женой, а сын Сергей остался служить на Дальнем Востоке. К тому времени он был уже капитаном второго ранга, женатым человеком, имел годовалую дочь, нашу внучку. Москва нас приняла вполне радушно. Меня назначили начальником управления в штабе ВМФ СССР и предоставили семье большую трехкомнатную квартиру на улице Алексея Косыгина. Уже через год мы полностью освоились в новых условиях. Работа была интересной и, как я считал, важной для страны. Нашла

свое место и Светлана. Она стала передавать свои знания по экономике слушателям Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР. Материально мы стали жить намного лучше, чем на Дальнем Востоке, хотя грусть о тех прекрасных местах, о сыне и внучке, верных товарищах, с которыми расстались, в нас постоянно присутствовала. Только до краев заполненный трудовой режим не давал нам возможности часто уходить в воспоминания.

Но в 1989 году жизненная идиллия получила пробоину. И не только лично наша, но и большинства жителей страны. Вскоре и страны этой на карте мира не стало. Вместо нее появились какие-то непонятные государственные формирования и ханства. В результате кругом воцарились хаос и беззаконие. Да что я тебе буду об этом рассказывать? Ты и сам не хуже меня знаешь, на что в то время была похожа наша многострадальная отчизна. Доморощенным «демократам», подстрекаемым опытными инструкторами из-за бугра, мешало все, что напоминало о СССР. Они готовы были из собственной кожи вылезть, чтобы опорочить и уничтожить армию, КГБ и милицию. Доходило до того, что офицеры всех родов войск боялись ходить в военной форме на службу, дабы не спровоцировать столкновения с враждебно настроенной публикой.

В 1991 году мне исполнилось шестьдесят лет, и уже через месяц меня отправили в отставку. Но сидеть дома долго не пришлось. Мой бывший подчиненный, руководивший в то время военной академией, разыскал меня и пригласил на преподавательскую работу. Я вновь с головой ушел в новую для себя деятельность. И, несмотря на все политические катаклизмы, работа мне нравилась. К тому же, я приносил в дом зарплату, в которой мы, как и все жители, в те годы очень нуждались. Так постепенно мы с женой стали осваиваться в новых для нас и страны под названием Россия, условиях.

Однажды, в середине лета 1992 года, придя вечером домой, я застал жену в возбужденном состоянии. «Ты что такая нервная? Случилось что-то? От сына новости плохие получила?» – заволновался я. «Да нет. Все нормально. Просто незадолго до твоего прихода через открытую форточку в квартиру влетел дикий голубь. Я вначале испугалась, а потом стала выгонять его. Но, к моему удивлению, он не очень торопился на волю. Я его из одной комнаты выгоню, он в другую перелетит. Пришлось все окна нараспашку открыть. Но и после этих принятых мер голубь не вылетал на улицу и спокойно сидел на телевизоре. И только после того, как поймала его и выкинула в окно, с облегчением вздохнула», – рассказала неприятную новость жена. «Как же ты умудрилась его поймать?» – удивился я. «Сама поражаюсь. Когда подбиралась, то боялась, что голубь взлетит с телевизора и примостится где-нибудь под потолком, а он сидел, как замороженный, и внимательно смотрел на меня. Я спокойно взяла сизаря в

руки и понесла к окну», – объяснила жена. «Ну и хорошо, что без материального ущерба все обошлось», – пошутил я. «Может, и хорошо. Но еще в детстве слышала от старых людей, что когда в дом залетает птица, то это к тяжелой болезни кого-то из хозяев или их близких родственников», – немного омрачила мой оптимизм Светлана. «Успокойся, родная. Мы с тобой еще нестарые, и впереди нас ждут счастливые времена. А наш сын способен защитить семью от черной магии, невзгод и материальных потрясений», – произнес тогда я и обнял жену.

Первые признаки наступающей трагедии стали появляться уже через месяц. Вначале жена стала жаловаться на головные боли, затем у нее стало прыгать артериальное давление и держаться повышенная температура. Невысокая, чуть больше 37 градусов. Но не обращать на нее внимания было уже нельзя. Светлана регулярно посещала врачей, сдавала кровь на анализы, проходила различные диагностические исследования и даже тайком от меня обращалась к целительнице. В конце сентября ее положили в военный госпиталь. Пролетало драгоценное время, а окончательной версии болезни так и не появлялось. Из-за беспомощности, наблюдая все это время за физическими страданиями жены, я не выдержал и сам вплотную занялся поиском врачей, которые могли бы ей помочь. Наконец мои старания увенчались успехом. Такой доктор нашелся в военном госпитале имени Бурденко. Он активно включился в процесс исследований и установления диагноза и лично возил Светлану в онкологический центр, расположенный на Каширском шоссе. Там и был оглашен приговор жене. У нее обнаружили прогрессирующую опухоль головного мозга. Это известие оглушило меня. Я старался держать себя в руках и, будучи рядом с женой в больничной палате, делал вид, что ничего не знаю о страшной болезни. В течение нескольких дней обошел все профильные клиники, побеседовал с десятком знаменитых и не очень врачей, но положительных рекомендаций и направлений по поводу лечения так и не получил. Узнавая диагноз, специалисты-онкологи отводили глаза и тихим голосом советовали смириться с неизбежными обстоятельствами. Но я не сдавался и искал выход. Чтобы спасти Светлану, я был готов продать квартиру, занять деньги у друзей и даже заложить дьяволу душу. При встречах с врачами и чиновниками от медицины, вопреки своим принципам, я делал прозрачные намеки на материальное вознаграждение за положительное решение возникшей проблемы. Но оказалось, что материальные жертвы не требовались. Единственное, на что требовались деньги, было лекарство, которое на короткий промежуток времени позволяло снимать болевые приступы.

23 ноября 1992 года моей жены не стало. С помощью старых друзей мне удалось похоронить ее в Москве, на Ваганьковском кладбище. Очень тяжело я пережил ее кончину. Боль в сердце не стихала ни на минуту, а разум не хотел понимать случившуюся трагедию. Не легче, а, пожалуй, тяжелее меня перенес смерть

матери Сергей, который прилетел из Владивостока за день до ее похорон. Иногда его страдания даже пугали меня. В такие мгновения я старался быть с ним рядом и, как мог, успокаивал. В таком состоянии Сергей пребывал все пятнадцать дней, которые пробыл в Москве. Первого декабря он улетел домой, оставив меня один на один с постигшим нас горем. Первое время после отъезда сына я жил словно в тумане. Мне ничего не хотелось делать, кого-то слышать, куда-то ходить и даже есть. Жизнь постепенно угасала и во мне. Только понимание того, что у меня есть сын и внучка, не позволило окончательно потерять интерес к окружающему миру. Отметив сорокадневные поминки по жене, я вышел на работу и стал медленно отходить душой и сердцем от постигшего горя.

В начале октября 1993 года, находясь дома и наблюдая по экрану телевизора за развивающимися событиями у Дома Правительства, почувствовал в левой части груди острую, пронизывающую насквозь боль. Я понимал, что переживания последних лет подсадили мой «мотор», но надеялся на флотскую закалку и к врачам не обращался. Вот и в тот раз особого значения боли не придал и терпеливо ждал, когда она пройдет сама. Однако, надежды оказались напрасными. Боль не только не исчезала, наоборот, с каждой минутой только усиливалась. Я положил под язык таблетку валидола, рассосал ее, но и она ожидаемого эффекта не дала. В глазах замелькали «снежинки» и к горлу стала подступать тошнота. Не испытывая дальше судьбу, набрал номер телефона неотложной помощи и вызвал врача на дом. Приехавшая бригада врачей долго возиться не стала и, вколов в меня какие-то лекарства, забрала с собой. Так впервые за много лет я попал в госпиталь с диагнозом – инфаркт миокарда. Двое суток меня держали в реанимационном отделении, после чего переместили в одноместную палату.

Похудевший, физически ослабевший и постаревший, домой я вернулся через сорок дней. Переступив порог квартиры, с безразличием осмотрелся и, не раздеваясь, лег на диван. Только на следующий день во мне стали появляться жизненные потребности и желание совершать поступки. Я сделал несколько первоочередных звонков, в том числе и сыну, сходил в магазин за продуктами и приготовил из них нехитрый обед. А во второй половине дня посетил ЖЭК и попросил руководителя подобрать мне помощницу по дому. Уже через два дня была порекомендована хоть и немолодая, но энергичная и приятная на вид женщина, которую звали Зинаида Ивановна. Изучать ее биографию я не стал и, полностью положившись на добропорядочность рекомендуемых, в этот же день определил Зинаиде Ивановне круг обязанностей. С этого момента бытовая жизнь постепенно стала налаживаться, а здоровье укрепляться. Благодаря этому, в самом начале 1994 года я вновь вышел на работу. Благо, что мой начальник, а в прошлом подчиненный, мою должность держал вакантной.

Часть седьмая

Зинаида Ивановна оказалась женщиной работящей, чистоплотной и требовательной. Она очень вкусно готовила различные блюда и обижалась на меня, когда я не полностью съедал ее фирменный борщ. В моей квартире всегда было чисто и уютно. Но весной 1997 года она была вынуждена покинуть меня. Причина была простая – рождение внука, третьего по счету ребенка в семье сына. Очень жалко было расставаться с этой хорошей женщиной, но я полностью одобрял ее материнский поступок.

Замену ей нашел не сразу. Разные фирмы, занимающиеся подбором кадров для работы по хозяйству, предлагали кандидатуры, но по тем или иным параметрам они меня не устраивали. Лишь через месяц на пороге квартиры появилась молодая женщина, в которой меня устроило все. Не знаю, что со мной тогда произошло, но было это именно так, и в последствии стало роковой ошибкой». После этих слов адмирал замолчал, словно размышляя над вопросом – рассказывать дальше или нет. Напрягся и я. Мне очень хотелось узнать историю жизни этого странного человека до конца.

«Мне тогда показалось, что эта женщина очень сильно походила на Светлану в молодые годы. Такие же темно-карие, искрящиеся глаза, веселая, задорная улыбка на губах, смолевые длинные волосы, стройная фигура и высокая упругая грудь. По-видимому, три сытых и благоприятных года, прошедшие с момента выхода из больницы, восстановили во мне мужские физические инстинкты и потребность жить полной жизнью. Поэтому вскоре из помощницы по дому Роза, как звали эту даму, превратилась в мою вторую жену. Ей в то вре-

мя было сорок два года, и штампа о замужестве в паспорте не стояло. Рядом с ней я вновь почувствовал себя тем отчаянным морским «волком», каким был лет тридцать назад. Мы вместе ездили в санатории и дома отдыха, бродили, как дети, по улочкам старой Москвы, посещали театры, выставки и рестораны. Единственное, что омрачало тогда, это непринятие моего выбора сыном. Сергей с первого знакомства с Розой повел себя холодно и часто высказывал недоверие ее «благородным» чувствам ко мне. Я тогда был ослеплен счастьем и, как мог, защищал эту женщину от нападков сына. На этой почве мы очень сильно с ним поскандалили, после чего Сергей перестал общаться со мной по телефону и приезжать в отпуск. Я очень тяжело переживал наш разрыв и ждал встречных шагов от сына. Но шло время, а он их не делал.

Роза догадывалась, что между мной и сыном из-за нее произошел конфликт, и делала все, чтобы отделить собой меня от Сергея. Теплота, внимание и ласки были ее главными аргументами преданности мне. И, к моему стыду, я на них с большим желанием клевал. В то время я был словно околдован и опоем всем этим. За что впоследствии и был жестоко наказан.

В марте 2001 года мне исполнилось семьдесят лет. Дата круглая и весома. Я сильно надеялся на приезд сына. Мне очень хотелось объясниться с Сергеем, протянуть руку примирения и навсегда забыть время раздора. Также я мечтал о возникновении добрых, пусть не родственных, отношений между ним и Розой. Хотя понимал, что сделать это было почти невозможно. Но как бы там ни было, мы активно готовились к этому событию. Днями я ходил по магазинам и рынкам, где закупал продукты и горячительные напитки, а вечерами обзванивал товарищей и приглашал в гости. За день до дня рождения изъязвивших прийти поздравить меня и выпить чарку водки набралось двадцать человек. Поэтому искать помещение я не стал, а начал готовить гостиную под проведение значимого для меня мероприятия.

Наступило четырнадцатое марта, и к семи часам вечера в квартире стали собираться гости. Я встречал их в прихожей, получал подарки, а Роза на правах хозяйки, по-деловому, быстро вводила их в общий «хоровод». Несмотря на вынужденную потребность быть радушным и беспечным именинником, в душе скребли кошки. Я часто посматривал на часы и мгновенно реагировал на дверной звонок. Время шло, а Сергей не появлялся. Понимая, что затягивать начало процедуры застолья дальше нельзя, я пригласил всех в гостиную, и чествование началось.

Гости стали расходиться и разъезжаться по домам уже за полночь. Настроение у всех было приподнятое, но вполне адекватное. Оказавшись в квартире вдвоем, я принял душ и ушел в спальню. Физическая усталость от проведен-

ного мероприятия и нервное напряжение от ожидания приезда сына быстро взяли верх, и я почти сразу уснул.

На следующее утро, проснувшись, как всегда, в семь часов утра, тихо поднялся с кровати, чтобы не потревожить Розу, и пошел в свой кабинет. Думы о не прилетевшем на день рождения Сергее вновь стали будоражить сознание. «Может, он в каких-нибудь масштабных учениях задействован? Тогда почему не поручил жене или дочке Анюте послать поздравительную телеграмму? Да они и без него знают, когда у меня день рождения. Нет, здесь что-то не то. Не может быть такого, чтобы из-за ссоры Сергей не только сам не стал поздравлять меня, но и запретил членам семьи это делать. Анюта уже не маленькая девочка. Скоро двадцать лет исполнится», – невольно размышлял я, теряясь в догадках. Разгадка оказалась ужасной и не поддающаяся никакому объяснению.

В восемь часов я включил второй канал центрального телевидения, чтобы посмотреть новости. Первые же слова диктора обрушили на меня страшное известие: «Вчера, в два часа дня по московскому времени, в районе аэропорта города Иркутска потерпел катастрофу пассажирский самолет, выполняющий рейс Владивосток-Москва. Все пассажиры и члены экипажа самолета погибли!». Ужасная догадка молнией сверкнула в мозгах и, не слыша дальнейших слов диктора, я почувствовал в голове какой-то щелчок, затем подступающую к горлу тошноту и уходящее в небытие сознание.

Как позже выяснится, в таком состоянии я пребывал минут двадцать, пока меня не обнаружила Роза и не вызвала реанимационную машину. На этот раз в сознание я пришел только на вторые сутки. Врачи сделали все возможное, чтобы вновь вернуть меня с того света. Диагноз болезни был другой – инсульт левого полушария головного мозга. В связи с этим вся левая сторона тела не слушалась меня, а гортань не могла произнести ни единого слова. Я не сразу вспомнил о случившейся авиационной трагедии, но когда это известие посетило остаток мозгов, застонал и закрыл глаза. На большее моих сил не хватило.

В военно-морском госпитале я находился почти полгода. Тяжело и медленно в ослабшем организме восстанавливались некоторые жизненные функции. Первые слова сказал только через месяц, а самостоятельно встать с кровати стал через три. Меня часто навещали боевые друзья, дальневосточные коллеги по службе, прилетающие в командировку в Москву, и Роза. Длительное время они скрывали правду о событиях того злосчастного дня, но однажды я попросил очередного посетителя, начальника штаба Морских сил Дальневосточного военного округа, рассказать об этом. Адмирал посмотрел на меня с настороженностью и, опуская подробности, сообщил о трагедии, в которой погибли Сергей и вся его семья, летевшие ко мне на юбилей. Я с трудом дослу-

шал рассказ бывшего сослуживца до конца и, как только он покинул палату, потерял сознание.

После госпиталя меня направили в реабилитационный центр Министерства обороны России. Пребывание на свежем воздухе, физические тренировки и внимание медицинского персонала позволили максимально восстановить часть функциональной деятельности организма. За все время моего нахождения в центре Роза приезжала всего три раза, и то только в самом начале. Я пробовал дозвониться до нее по телефону, но соединение с номером моего домашнего телефона почему-то не происходило. Я с нетерпением ждал встречи с ней, чтобы объяснить по поводу нашей дальнейшей совместной жизни. Я понимал, что стал обузой для Розы, и хотел освободить ее от супружеских обязательств, считая, что она имеет право на настоящую личную жизнь, соответствующую ее возрасту.

Но с первых же минут моего прибытия в Москву все пошло наперекосяк. Я был расстроен, конечно, что Роза не приехала за мной в центр, но оказалось, что ее и дома не было. Вернее, даже сам семейный очаг, в котором я несколько лет жил со Светланой и с ней, оказался не моим. В нем проживали совсем другие люди, которые не пустили меня даже за порог. Когда я попытался выяснить, как они оказались в моей квартире и где Роза, то в свой адрес услышал оскорбления и откровенные угрозы. Поняв, что с этими людьми разговаривать бесполезно, я направился в ЖЭК. Психологическое состояние было тяжелым, но, к удивлению, не критическим. Видно невзгоды, навалившиеся на меня в последние годы, были намного больнее, чем предательство женщины, которой доверял и из-за которой поссорился с сыном. Я понимал, что в данном случае виноват только я, и мне стало стыдно и горько перед памятью Сергея.

Увидев меня в своем кабинете, начальник ЖЭКа съезжился, затем вскочил со стула и протянул руку для пожатия. «Виктор Андреевич! Вы живы! А нам сказали, что от обширного инфаркта вы скончались. Слава богу, что известие ложным оказалось! Вы, наверное, за вещами и документами пришли? Сейчас мы вам все выдадим», – скороговоркой произнес он и по внутренней связи пригласил к себе какую-то женщину. «Вы в курсе, что во время моего отсутствия мою квартиру продали другим людям?» – спросил я. «Да, мы знали, что ваша жена оформляла продажу, но у нее была доверенность на право вести юридические дела от вашего имени. От Розы Романовны мы и услышали, что вы скончались», – заискивающе произнес начальник ЖЭКа. Я понял, что искать правду в этой конторе бесполезно, и стал ждать приглашенную сотрудницу. Наконец она появилась и сразу перешла к делу, словно давно поджидала меня. «Мне сказали, что за вещами должны прийти военные. Но раз вы живы,

то пойдёмте со мной, и я покажу, где они находятся», – без эмоций в голосе сказала женщина, повернулась, и я медленно поковылял за ней.

«Кто их вам принес на хранение?» – спросил я, когда она открывала замок хозяйственной кладовки. «Как кто? Жена ваша. Ей же необходимо было после продажи освободить квартиру от личных вещей», – ответила женщина и распахнула передо мной дверь. «Смотрите. Все ваши вещи целы и в хорошем состоянии», – прокомментировала сотрудница ЖЭКа, показывая рукой в сторону забитого мебелью, чемоданами и узлами угла. Затем открыла металлический сейф, вытащила из него небольшую картонную коробку, в которой лежали документы, и подала мне. «Могу я оставить еще на несколько дней остальные вещи? В данный момент мне их просто некуда забирать. С сегодняшнего дня я оказался в положении московского «бомжа», – попросил я хозяйку кладовки. «Можно. Но не больше недели, а то нам облицовочную плитку завозить некуда», – ответила та, и мы вышли с ней из помещения.

Оказавшись в узком, но светлом коридоре, я присел на грязный и потертый диван и стал перебирать в коробке документы. Они и действительно оказались в полной сохранности. Даже правительственные награды и орденские планки были целы. Вдруг на самом дне коробки я заметил голубой конверт, который был плотно набит какими-то бумагами. Такого конверта я ранее у себя не видел, поэтому аккуратно вскрыл его и вытащил из него содержимое. Не скажу, что очень сильно удивился или обрадовался, когда на первом попавшемся мне под руку плотном листе бумаги прочитал содержание текста, но вздох облегчения наружу вырвался. Там черным по-белому было написано, что я являюсь хозяином однокомнатной квартиры по адресу, где мы с тобой сейчас находимся. Вначале я немного оторопел от неожиданности. Но, ознакомившись и с другими документами, понял, что Роза очень продуманно и планомерно готовила предательство. Даже в моем паспорте стояли отметки о разводе с ней и прописка по новому адресу. В этом же конверте находились две тысячи долларов США, которые были для меня тогда очень кстати, и два плоских ключа от замка этой квартиры.

Закончив разбираться с документами, но так и не найдя в них объяснения самой Розы, вышел из конторы ЖЭКа и направился в сторону автобусной остановки. Какое-то время я никак не мог осмыслить ситуацию, в которой оказался, однако, немного успокоившись, стал думать, что делать дальше. Я понимал, что вернуть квартиру, если это даже будет возможно, удастся не сразу. Придется немало побороться, чтобы доказать суду злой умысел и противозаконные действия Розы и ее сообщников. Да и хватит ли у меня физических и моральных сил на судебные тяжбы. А то, что у нее были сообщники, в этом я ни

секунды не сомневался. Подделать такое количество документов могли только люди, имеющие прямое отношение к соответствующим печатям и бланкам строгой отчетности. Посидев несколько минут на скамейке у автобусной остановки, успокоив дыхание и приведя мысли в порядок, я принял решение ехать по адресу новой прописки, указанному в моем паспорте. В тот момент это было единственно правильное решение, так как другие варианты были еще хуже. Обратиться со своей проблемой к бывшим товарищам по службе мешала гордость, а идти на площадь трех вокзалов и пополнить сообщество «бомжей» не позволяло физическое состояние.

Разыскать необходимую улицу и этот дом особого труда не составило. Тем более, что находится все это рядом с метро. Поэтому, когда открыл ключом дверь квартиры и переступил порог, я впервые за много месяцев, словно мальчишка, обрадовался увиденному. Пусть здесь не стояла дорогая мебель, как в моей бывшей квартире, и не было так светло, как там, я почувствовал душевный покой и физическое облегчение. Немного побродив по квартире и убедившись, что в ней есть все для проживания одинокого и большого старика, прилег на диван и незаметно для себя уснул.

На следующее утро нанял небольшой грузовик, похожий на машину скорой помощи, и поехал в бывший ЖЭК за вещами. Женщина, командовавшая хозяйственной кладовкой, привела двух парней, таджиков, которые быстро погрузили вещи в фургон и за отдельную плату согласились поехать со мной, чтобы помочь перенести их в новую квартиру. Так я оказался здесь и стал твоим соседом», – закончил свою грустную историю Виктор Андреевич и замолчал, устало прикрыв веки глаз.

Потрясенный услышанным, я не сразу понял, что трагическое повествование закончилось. Немного подождав продолжения, я с возмущением в голосе спросил: «И что, ты не искал справедливости по отношению к себе? Неужели так сложно разобраться с явными махинациями твоей бывшей пассии? Ты же не простой человек, а адмирал, хотя и в отставке!». «В начале пытался разобраться в этой ситуации. Подключал юристов, писал в милицию заявления, но положительных результатов так и не добился. Потом поняв, что могу и не дожить до справедливого решения проблемы, махнул рукой и стал вести образ жизни одинокого, тихого военного пенсионера, у которого уже давно все позади. И не жалею об этом. Если бы не сердечные раны от потери самых близких мне людей, этой жизнью был бы вполне доволен», – ответил адмирал и спросил, – «Может, еще по рюмочке водки выпьем? Что-то неуютно стало на душе от воспоминания». «Если это твоему здоровью не повредит, то не возражаю», – ответил я. «Еще одна рюмочка не повредит», – успокоил Виктор Андреевич и поднялся с дивана.

на. Пропустив в себя по паре рюмок и закусив рыбным пирогом, мы несколько минут мирно беседовали с адмиралом на отвлеченные темы, касающиеся, в основном, нравов современного общества. Но в моем подсознании постоянно крутился один вопрос, который не давал покоя мозгам. Наконец, я не выдержал, и он сорвался с языка: «Виктор Андреевич, тебя одиночество связало с голубями, или что-то другое?». Адмирал резко поднял голову, почему-то посмотрел в сторону окна и немного помолчав, ответил: «В этой квартире я прожил уже больше года и считал, что, наконец, обрел тот душевный покой, какой заслужил своей прошлой жизнью. За это время у меня все наладилось в бытовом и финансовом отношении. Государство подняло военным вроде меня размер пенсии, а добрая женщина из соседней квартиры за небольшую плату согласилась готовить пищу и наводить порядок в помещении. Но однажды зимой, когда вот так, как сейчас, находился за кухонным столом, на подоконник сел дикий голубь и стал клювом и крыльями нещадно бить по оконному стеклу. Я посмотрел в его сторону и ужаснулся – передо мной был голубь из моего детства. Та же правая лапка без двух когтей, те же глаза, полные ненависти и злорадства, и то же, пугающее мое воображение, спокойствие. Словно замороженный, я подошел к окну и стал смотреть в глаза сизарю. Только когда я, как и в детстве, нашел в себе силы и отвел глаза от глаз голубя, он взлетел с подоконника и исчез из поля моего зрения. Я еще долго стоял в полном оцепенении и никак не мог понять, что произошло несколько мгновений назад. Мы же с тобой родились и росли в период ярого атеизма и отрицания всех сверхъестественных явлений. Для нас не существовали бог, загробная жизнь, рай, ад и темные силы, которые, по словам священников и старых людей, постоянно преследуют нас. Тогда мы верили в идеи Карла Маркса и Ленина, и в предсказанное ими светлое будущее. Все остальные предрассудки неграмотных и невежественных людей для нас не существовали. И вот, наверное, впервые в жизни я тогда подумал о том, что не так все просто устроено на земле, как мне много лет казалось. Что во вселенной существует сила, которая управляет нашим сознанием, поступками и желаниями, и следит, чтобы мы четко исполняли установленные ей правила. По-видимому, тогда в детстве я нарушил эти правила, поэтому и понес адекватную кару. А голубь следил за исполнением этого наказания. На протяжении всей жизни он постоянно был рядом со мной, но не показывался мне. И вот, наконец, когда я потерял все то, что составляет человеческое счастье, он прилетел и наслаждался моим горем и болезнями. Тогда я и решил найти этого голубя, поговорить с ним, посмотреть ему еще раз в глаза и попросить прощение за то, что убил его в детстве. Чтобы осуществить эту задумку, стал прикармливать голубей на площадке напротив твоего дома. Почти четыре года я ежедневно выхожу к ним по три раза в день, но до сих пор среди огромной стаи сизарей этот голубь так и не появлялся. Но надеюсь на встречу с ним, и продолжаю кормить его собратьев».

Я с удивлением посмотрел на внезапно замолчавшего адмирала. Перехватив мой взгляд, он улыбнулся и спросил: «Наверное, подумал, что на старости лет я с ума сошел? Не волнуйся, с головой у меня пока порядок. А вот философские мысли в нее порой лезут. От них я уже никуда не денусь. Разве только на том свете они от меня отстанут». «Да нет, в твоей вменяемости я не сомневаюсь, а вот услышанным рассказом поражен до глубины души. Сколько в нашем мире подлости и несправедливости!» – ответил я и вновь посмотрел на адмирала. «Ладно, Василий, давай заканчивать посиделки старых ворчунов. Тебя жена наверняка уже потеряла. Обязательно передай ей огромную благодарность за рыбный пирог. Очень вкусный он у нее получился. И тебе выражаю большое спасибо за то, что до конца выслушал меня. От этого у меня даже на душе легче стало. Ты ведь первый человек, которому я рассказал о своей жизни во всех подробностях», – произнес Виктор Андреевич и первым поднялся из-за стола.

Часть восьмая

Мена и на самом деле немного нервничала, поджидая меня. Как только я появился на пороге квартиры, высказала свое мнение по этому поводу: «Василий, ты как маленький ребенок ведешь себя. Четыре часа назад ушел из дома и как пропал. Неужели нельзя было позвонить, что задерживаешься в гостях?». Я подошел вплотную к жене, обнял за плечи и, нежно прижав к себе, поцеловал в губы. «Прости меня, милая бабушка! Я виноват перед тобой, но у меня есть еще время загладить вину прилежным поведением», – прошептал я, и мы засмеялись счастливым смехом. Вечером, когда мы лежали в постели, я не выдержал и пересказал ей услышанную от адмирала историю его жизни. «Какая подлая женщина! Неужели в ней нет ничего святого, если она не только бросила больного человека, но еще и обокрала его. На улице Алексея Косыгина, в домах, в которых проживают большие военные начальники, трехкомнатные квартиры стоят не менее миллиона долларов, а однокомнатная, в которой коротает старость адмирал, потянет тысяч на сто двадцать, не больше», – отреагировала жена на рассказ и добавила: – «С первых дней совместной жизни необходимо беречь жену, а не тогда, когда она уже неизлечимо заболела». Зная привычку супруги последнее слово оставлять за собой, я не стал вступать с ней в полемику и поудобней положил голову на подушке.

После состоявшегося откровенного разговора с адмиралом наши отношения приобрели товарищеский характер. Мы вместе ходили на прогулку к реке, играли в его квартире в шахматы, а в моменты пекарского порыва моей жены на просторной кухне нашей квартиры пили ароматный чай с различными сдобами.

Прошла зима, и мы с женой, как обычно, засобирались на дачу. Пригласили и адмирала пожить на природе несколько дней. Но он вежливо отказался и пожелал нам хорошего дачного сезона. Вскоре мы уехали, и я почти пять месяцев не видел Виктора Андреевича.

Лето пролетело быстро и наступила осень, время подведения итогов дачного сезона и сбора выращенного урожая. Закатав металлическими крышками более сотни стеклянных банок с огурцами, помидорами и фруктовым вареньем, насушив мешок сухофруктов, мы законсервировали дачу до следующей весны и пятнадцатого октября вернулись в Москву.

Сразу после прибытия в город встречи с адмиралом возобновились. Первым делом я отнес ему часть продукции, выращенной собственными руками, а взамен получил искреннюю благодарность и неподдельную радость от встречи. В связи с долгой разлукой нам было о чем поговорить и что обсудить. Виктор Андреевич выглядел бодрым и был оптимистично настроен на будущее. Он так же, как прежде, ежедневно кормил голубей и совершал прогулки до реки. Меня это радовало, и я надеялся, что нынешнее его состояние сохранится надолго. Однажды в шутку спросил адмирала: «За время моего отсутствия не встретил того голубя, который в твоей жизни человеческое счастье порушил?». Виктор Андреевич посмотрел на меня серьезным, колющим взглядом и четко выпалил: «Нет. Пока нет». Я понял, что больше эту большую тему поднимать не надо.

Шло время. Прошла очередная календарная зима, и во дворе днем стали появляться весенние ручейки. На площадях и площадках снег потемнел и осел, превратившись в плотную корку. Четырнадцатого марта, по приглашению адмирала, мы с женой были у него на дне рождения. Кроме нас там присутствовали пожилая женщина, помогающая Виктору Андреевичу по хозяйству, и ее муж. Но, несмотря на небольшой коллектив, вечер прошел достаточно весело и комфортно. После вручения подарков все сели за стол, заставленный различными закусками и продуктами, и стали по очереди поздравлять именинника с семьюдесятью девятью годами. Естественно, подкрепляя каждый сказанный тост поднятием рюмок с горячительными напитками. По домам мы стали расходиться только в двенадцатом часу ночи. Провожая, адмирал расстроганно благодарил нас за устроенный праздник и просил чаще приходить всем вместе к нему в гости.

После этого памятного события прошло несколько дней. Однажды утром я услышал взволнованный крик жены: «Вася, немедленно посмотри в окно! Там что-то с адмиралом случилось!». «Что с ним могло случиться?» – проворчал я, но на всякий случай подошел к окну и посмотрел вниз, на площадку.

То, что я увидел, поразило меня нелепой театральностью. Вся площадка была усыпана лежащими без движения дикими голубями, а у столба, рядом с ними, опустив низко голову, словно командир над убитыми в бою телами своих бойцов, на коленях стоял Виктор Андреевич. Немедля больше ни секунды, я быстро оделся и выскочил из квартиры. Еще через пару минут уже находился возле адмирала и пытался поднять его с колен. Однако, сжимая слабеющими ладонями одного из погибших голубей, он смотрел на меня безумными глазами и не реагировал. Я попробовал заговорить с адмиралом, но Виктор Андреевич не отвечал на мои вопросы. В это время подбежал какой-то молодой парень и стал помогать. Мы положили адмирала на правый бок, под который предварительно подсунули мой пуховик, потом я с трудом вытаскивал из его рук сизаря, но что делать дальше, не знал. «Молодой человек, у вас есть мобильный телефон?» – спросил я у парня. «Есть, конечно, и я уже вызвал «скорую помощь», – ответил тот и добавил: – «Этот дед минут двадцать на коленях стоял. Я вначале даже подумал, что он пьяный». «Нет, он не пьяный. Скорее всего, его вновь парализовало», – сделал я неутешительный вывод и стал прощупывать у Виктора Андреевича на запястье руки пульс. Он был, но такой слабый, что как бы и не было. Тогда впервые в жизни я горько пожалел, что стал рыбаком, а не врачом. Передо мной на грязном весеннем снегу лежал без движения замечательный героический человек, которому я не мог ничем помочь. Я даже боялся нести его в дом, чтобы не сделать еще хуже. Хотя ясно понимал, что хуже того состояния, в котором пребывал адмирал, была только смерть. Пока ждали «скорую», я еще дважды пытался привести Виктора Андреевича в чувство, но и эти попытки были бесполезными. Вскоре вокруг нас образовалась внушительная толпа. Появились и бывалые советчики, которые давали разные рекомендации, но сами выполнить их не решались.

Прибытие «скорой помощи» расставило все по местам. Врачи быстро перевалили парализованного адмирала на носилки, втолкнули их в кузов машины, включили сирену и помчались по известному только им направлению. Я остался стоять на площадке среди мертвых голубей и не знал, что предпринять и куда бежать. Ощущение было такое, как будто из моей груди вырвали сердце и убили душу. Все вокруг стало безразличным и непонятым.

«Ну ты что стоишь, как неприкаянный. Одевай пуховик и пойдем домой», – донеслись до моего уха слова жены. От неожиданности я вздрогнул, поднял с грязного снега пуховик и, не одевая его, направился в сторону дома. Но немного отойдя от шока, вновь вернулся на площадку, собрал в кучу всех до единого мертвых голубей и, перекладывая несколько раз их в большую картонную коробку, перенес в мусорный бак, стоящий во дворе дома адмирала. Более достойного погребения их тел в тот момент я даже не пробовал найти.

К сожалению, не обратил я тогда внимания и на мертвого голубя, которого вытаскил из ладоней адмирала. Может, это был именно тот сизарь, которого так долго и тщательно искал Виктор Андреевич.

А на следующий день от участкового милиционера узнал, что Виктор Андреевич не выдержал переезда до больницы и, не приходя в сознание, скончался прямо в карете «скорой помощи» от повторного инсульта. «Вы не знаете, есть у него какие-то родственники? А то ведь схоронят, как бездомного, за счет средств социальной защиты», – спросил меня участковый. «У адмирала есть такие родственники, и похоронят они его достойно», – уверенно заявил я и вышел из милицейской конторы.

Моя уверенность была не пустыми словами. Однажды после очередного чаепития в квартире адмирала, он предложил мне посмотреть альбомы со старыми фотографиями. Виктор Андреевич бодро комментировал содержание каждой из них и давал объективную оценку тому или другому фигуранту. В основном на фотографиях были изображены близкие родственники и сослуживцы. «Это мой воспитанник», – показал он на одного молодого парня в форме морского лейтенанта и добавил: «Много я нервов и времени на него потратил. Зато сейчас он большой командир. Недавно тоже вице-адмиралом стал. Высокую должность в Москве занимает». А в конце нашей встречи Виктор Андреевич что-то написал на чистом листе, вырванным из блокнота, и передал его мне. «Василий, я отношусь к тебе с доверием, а ты отнесись ко мне с пониманием. На этом листе я написал адрес моей родной племянницы, дочери младшей сестры, и телефоны того лейтенанта, который изображен на одной из фотографий. Я прошу тебя, если вдруг со мной что-то случится, сообщи об этом племяннице и тому офицеру, которого зовут Геннадий Алексеевич. На племянницу я написал завещание, а мой бывший ученик организует подobaющие морскому офицеру похороны. И еще. Когда мне военкомат или кто-то другой будут устанавливать надгробную плиту, пусть вместо креста выбьют на ней дикого голубя. Я хочу, чтобы и на том свете он был рядом со мной». Тогда к его словам я отнесся с юмором, и только сейчас понял, насколько мудр был этот человек.

От участкового я прямым ходом направился на телеграф, чтобы отправить племяннице адмирала в город Орел телеграмму. Затем вернулся домой и сообщил по телефону о произошедшей трагедии Геннадию Алексеевичу. Тот не сразу сообразил, о ком идет речь, но, собравшись с мыслями, четко, по-военному произнес: «Понял. Скажите адрес, и через час я буду у вас».

Похоронили вице-адмирала на Ваганьковском кладбище рядом с женой, со всеми воинскими почестями. На мое удивление, народу было так много,

что пройти к гробу покойного и попрощаться было нелегко. Нам с женой это удалось сделать. Было сказано много хороших и искренних слов в адрес этого замечательного человека, и я очень сожалел, что Виктор Андреевич их уже не слышал.

После поминального стола в зале небольшого ресторана мы с женой и племянницей адмирала поехали домой. Уже подъезжая к высотке, в которой проживал адмирал, племянница тихо произнесла: «Огромное вам спасибо за дядю. Я ведь не знала, что он попал в такое тяжелое положение. Сам бы он никогда не сообщил об этом. Очень гордый дядя Витя был и не хотел нас загружать своими проблемами». «Он мне говорил, что на вас завещание оформил. Так что вы скоро москвичкой станете. Будет хоть кому за могилками этих благородных людей ухаживать», – перевел я разговор. «Может быть, стану. Пока об этом еще не думала», – ответила молодая женщина и вышла из машины.

А немного позже, когда на улице случайно встретился с нашим участковым милиционером, я узнал и причину трагедии, которая постоянно стояла перед моими глазами. Оказывается, в тот день, рано утром, задолго до прихода Виктора Андреевича кто-то из озлобленных на него жильцов из соседних домов на площадку насыпал голубям корм с сильной отравой. Когда адмирал пришел, то прямо на его глазах разыгралась эта жуткая и дикая по своей сути сцена. Не выдержало очередной человеческой подлости сердце старого морского «волка» и отказалось дальше служить этому замечательному человеку. Я спросил у участкового: «А как узнали, что в корм была добавлена отравка?». «Санитарная служба такое заключение дала. На следующее утро, после этого ЧП прибыла вначале экологическая милиция, а затем примчалась санитарная служба. Они боялись, что в нашем районе вспышка птичьего гриппа произошла. Взяли с площадки оставшийся корм и несколько штук сизарей, и провели анализы. Правда, голубей они нашли только благодаря дворникам, которые случайно обнаружили их в мусорном баке. Кто их туда перетащил, никто до сих пор не знает. Но это и не важно. Главное, что диагноз гибели голубей установлен точно», – ответил капитан милиции. «А уголовное дело по этому случаю собираетесь открывать?» – поинтересовался я. «А зачем? У нас поважней дела есть, до которых руки не доходят», – ответил представитель власти. «Как зачем? Из-за чьей-то преступной выходки на почве неприязни погибло огромное количество голубей, представителей окружающей нас фауны, и не стало человека, отдавшего всего себя без остатка служению отечеству», – возмущенно возразил я и добавил: «Если бы кто-то, не дай бог, отравил собачку какого-нибудь олигарха или чиновника высокого ранга, то я уверен, вся милиция Москвы была бы поднята на ноги по тревоге. А тут, подумаешь, какой-то старик скончался. Нет, что-то не то в нашей стране и обществе происходит. Не к добру это».

После похорон адмирала прошло чуть больше года. Однажды мы с женой решили навестить могилки Виктора Андреевича и его любимой Светланы. Прихватили с собой сладости, у метро купили букет живых цветов и поехали на Ваганьковское кладбище. Не доходя до места захоронения метров десять, я заметил большой мраморный обелиск и выбитого в верхней его части голубя с одним когтем на правой лапке и с длинным клювом, какой положен дикому сизарю. «Молодец, адмирал! Уважил завещание своего учителя!» – воскликнул я и посмотрел на жену. «Ты кого сейчас похвалил?» – спросила недоуменно та. «Воспитанника Виктора Андреевича. Я ему в свое время передал просьбу учителя, и он ее исполнил. Видишь, какой красивый голубь изображен на обелиске?» – сказал я. «Вижу. А вот православного креста не вижу», – подметила жена. «А голубь и является для адмирала крестом. Вся жизнь его под этим знаком прошла», – пояснил я, и мы остановились у оградки нашего хорошего знакомого, которого смело можно было назвать другом. С обелиска на нас смотрел бравый адмирал и едва заметно чему-то улыбался. «Наверное, нашему приходу радуется», – невольно подумал я и стал счищать с металлической оградки тонкие ветки деревьев и слетевшую с них листву.

Москва. 05. января 2011 года.

*Повесть
о человеческом
предательстве*

Узник Фороса

*Не задавай себе и окружающим вопроса о смысле жизни.
Бесполезное занятие – никто, кроме творца вселенной
не способен на него ответить.*

*Лучше вспомни – как жил и продолжаешь жить –
и ты ответишь на вопрос: для чего на земле
появился и какой след оставишь после себя...*

Глава первая

Крымский полуостров на протяжении многих лет при разных политических режимах считался главной здравницей великой России, а позднее и СССР. Цари, их родственники, генеральные секретари партии коммунистов, чиновники разного калибра, служители богемы, маститые артисты, певцы и дельцы криминального пошиба считали обязательной процедурой пребывание в здравницах этого целебного края хоть один раз в год. И если комфорт и бытовые условия для каждого социального сословия очень сильно отличались, то сама вода в море была одинаковой для всех. Ласка, с которой она омывала разгоряченные тела, расслабляла, умиляла и настраивала на благодушие. Все невзгоды, тревоги и поражения забывались, а чувства сладострастия и душевного покоя усиливались. Если даже у кого-то из отдыхающих совсем недавно в жизни происходили бурлящие события, тихий шепот вечернего прибоя незаметно вымывал их из памяти. Легкие утренние касания лучей солнца и притихшая за ночь синева морских просторов зачаровывали, заколдовывали и превращали окружающий мир в единую и прекрасную сказку. Эту идиллию слегка портила знойная дневная жара, но уходящее за невысокие горы раскаленное солнце вновь возвращало отдыхающим энергию и жажду получения удовольствий. Нарастал гул разноязычных голосов, по набережным и улочкам начинали по одиночке и стайками бродить нарядные люди, а парки и скверы наполняться влюбленными парочками. Ночная жизнь вбирала в себя все тайны мимолетного счастья, человеческих трагедий и пороков. Ароматы благоухающей южной природы и пьянящие запахи морской воды, словно сильнодействующий наркотик, крепко держали размякший разум в объятьях.

Все события, персонажи, имена и фамилии вымышленные.

Конец лета 1991 года на Крымском побережье Черного моря ничем не отличался от всех предыдущих. Заканчивались летние каникулы у школьников, чьи звонкие голоса три месяца разносились по всей округе; подходили к концу ежегодные отпуска у счастливиц, сумевших попасть на отдых в чудные места земного рая; у влюбленных женщин в предчувствии близкого расставания с героем курортного романа все чаще из глаз на ресницы выкатывались крупные слезинки; частные домовладельцы и государственные здравницы начинали подбивать доходы от уходящего курортного сезона и планировать действия на следующий год. Хотя впереди еще было больше месяца бархатного периода, кульминация очередного курортного спектакля наступала именно в конце августа. Даже в пансионатах и санаториях, принадлежащих управлениям делами ЦК КПСС и Совету Министров СССР, начинали постепенно освобождаться шикарные номера, и пустеть хорошо оборудованные и обустроенные ведомственные пляжи. Праздник души и тела заканчивался, а впереди чиновников высшего звена управления страной ждали нудные бумажные будни.

Вроде все происходило так, как и в прежние годы. По крайней мере, для простых обывателей, пионеров и пенсионеров. Но в легком ветерке, нагоняющем на прибрежную гальку небольшие язычки морской пены, стали появляться необъяснимые запахи тревоги, дискомфорта и опасности, заставляющие людей и природу переходить в режим ожидания большой беды.

Глава вторая

Резиденция, в которой периодически отдыхали первые лица государства, находилась в самом живописном уголке крымского побережья, недалеко от небольшого поселка под названием Форос. В тот год, в конце августа, именно оттуда исходили микроволны беспокойства и напряженности и заполняли все окружающее пространство. Злой, неумолимый рок для судьбы огромного государства затаился в шелесте дубрав и мирном шепоте морского прибоя. На голубом небе, низко висевшем над синевой морских просторов, еще не было ни единой тучки, а в воздухе пахло грозой. Даже не грозой, а штормом, какого почти столетие не ведала российская земля.

Огромные уличные часы, висевшие над парадной дверью, ведущей в красивое и помпезное здание, показывали чуть больше семи часов вечера. Но на обширную территорию, которая примыкала к нему, уже наступали сумерки. Они снизу вверх медленно скользили по зданиям, постройкам и деревьям, и чудными силуэтами отражались на открытых площадках буйного сада. Чем глубже уставшее за день солнце тонуло в излучине гор, тем длиннее становились тени силуэтов. Наконец, верхний лучик раскаленного круга ласково попрощался с морем и скрылся за горизонтом. На некоторое время воцарилась полная тишина. Но уже через мгновение все вокруг адаптировалось в новых условиях земных суток. Затрещали цикады, зачирикали маленькие птички, заухали филины и вдалеке залаяли собаки. Неожиданно на аллеях сада и вокруг помпезного здания вспыхнули яркие электрические шары и залили пространство искусственным светом. Освещенная территория была пустынна, на ней отсутствовало привычное для курортных мест хаотичное движение и человеческое ликование. Впечатление неестественности предавали огоньки сторожевого корабля, стоявшего на якоре недалеко от гранит-

ной набережной и плавно опускающегося и поднимающегося в перекатах волн. Декорацию искусственности дополняла просторная беседка, примостившаяся посреди крон огромных, разлапистых деревьев и плотно обвитая ветками винограда, с которых свисали тяжелые гроздья спелых плодов. Внутри беседки царили полумрак и какое-то непонятное напряжение. Две человеческие фигуры, сидящие рядом в креслах-качалках, были неподвижны и походили на восковые. К ним можно было бы так и отнестись, если бы одна из них вдруг не заговорила.

«Алексей, ты уверен, что поступил правильно, когда принял решение поехать сюда на отдых?» – спросил приятный женский голос. «У меня не было другого выхода. Перед предстоящими политическими баталиями нужна небольшая передышка. Пусть эти умники немного мозгами поработают. Привыкли за моей спиной скрываться от всех неприятностей», – ответил мужской голос. «Ты же сам подбирал этих людей. Нет, мне не нравится твое настроение. Может, ты что-то не договариваешь? Или у тебя от меня появились секреты? Зря, если так. Вместе нам всегда удавалось легче преодолевать трудности и невзгоды. Я прошу тебя, Алексей, не закрывайся в своей скорлупе. Ты же знаешь, как я люблю тебя и как болезненно переношу твои неудачи. Не трать нервы понапрасну. Неужели политическая и экономическая ситуация в стране такая тяжелая, что исправить ее по-другому уже невозможно?» – с нотками мольбы в голосе произнесла женщина. «Рита, ты неправильно понимаешь мое настроение. В стране все в порядке. Есть небольшие трудности, но они не смертельны, и после короткого отдыха я с ними разберусь. На меня накатила обыкновенная хандра. Могу я позволить себе хоть иногда побыть просто человеком?» – спросил мужчина и положил ладонь на плечо женщины. «Можешь, товарищ Президент. Ты все можешь, если дело только в этом. Но меня ты не обманешь. Я тебя знаю лучше, чем себя. Гложет тебя какая-то страшная болячка. Сильно гложет. А сказать о ней ты мне не хочешь. Ну да ладно. Не буду больше пытаться. Захочешь – сам расскажешь. Главное, чтобы не с опозданием это произошло, и можно было еще что-то исправить», – с обидой в голосе произнесла женщина и через некоторое время спросила: «Здесь еще посидишь, или со мной в дом пойдешь?». «Иди, Рита. Наверняка там уже Наташка заждалась. Очень любит она, когда ты ей перед сном сказки читаешь. Зря внучку балуешь. Ей давно пора самой читать книжки», – ответил мужчина и первым поднялся с кресла. «Придет время, будет сама читать, и не только себе», – возразила женщина и добавила: «Береги себя, Алексей, не терзай понапрасну душу. Ты ведь не только мне нужен, но дети и внучка любят тебя очень сильно». Покинув беседку, женщина грациозно подняла голову и, глухо постукивая по булыжной мостовой каблучками, удалилась в сторону особняка. Проводив ее взглядом до поворота, Президент СССР – Губанов Алексей Петрович, тяжело вздохнул и, немного ссутулившись, медленно побрел к морю.

Глава третья

Оказавшись на пирсе, Президент остановился на краю и, навалившись грудью на ограждающие металлические перила, стал вслушиваться в шепот воды и всматриваться в черную бездну опустившейся на море ночи. «Какая благодать! С гор прохладцей веет, а от воды тепло исходит. Какой чистый и ароматный воздух легкие до краев наполняет! Рай земной живет в этом краю. Только здесь человек может себя чувствовать вполне здоровым и счастливым. Зачем судьба мне иную жизнь подарила? Рита и на самом деле очень умная женщина. Сколько лет с ней живу и постоянно удивляюсь ее способности чувствовать меня. Может, впрямь открыться и подготовить ее к возможным последствиям грядущих событий в продуманном сценарии? Нет, пока не стоит этого делать. Она человек прямой и открытый, не поймет хитросплетений моей стратегии. Рита устала от экспериментов, интриг и уступок, которые я совершал ради вхождения во власть и ее сохранения. Пусть лучше порадует, вновь увидев меня на «белом коне» – победителем. Мой план на сей раз не должен дать осечку. Осталось недолго ждать развития событий. Наверняка, в ближайшее время будет сформирован состав «чрезвычайного правительства», которое возьмет правление страной в свои руки. Насколько эффективными и решительными эти руки окажутся, покажут результаты. Но если эти недоумки не смогут обуздать ситуацию в стране и не наведут большевистский порядок, я от них отрекусь и сдам жадным до расправы новым политическим силам. Естественно, оговорив перед этим с Казистовым мои личные интересы», – почти шепотом высказал мысли вслух Алексей Петрович. Он ненадолго притих, вслушался в слабый шум прибоя, словно ожидая подтверждения праведности сказанных слов, а затем так же

тихо продолжил: «Геннадий должен выполнить мое поручение. Не зря же мы с ним в юности из одной тарелки щи хлебали и кашу ели. Да, и за высокий пост он обязан мне. По лицу видно было, что не по нраву ему пришлось мое предложение. Но он далеко не дурак, и понимает, чем для него может закончиться окончательная потеря мной власти. Мы же вместе несем ответственность за промахи в руководстве страной, которые совершили в последние годы. Нет, друг старинный, у тебя прямая обязанность исполнять свою роль в моей пьесе добросовестно и до конца. Не бойся перегнуть палку, критикуя меня и мои действия. Все оскорбления стерплю ради того, чтобы скрыть общие ошибки и вернуть абсолютную власть себе. Тем более, что о нашей договоренности никто из членов Политбюро и Правительства не знает. Это значит – будут исполнять роли вслепую и вполне естественно. Пусть думают, что у них не только появился шанс утихомирить страну, но и стать реальными ее руководителями. Клизму в одно место они получают, если даже выполнят миссию успешно. Уберу их с глаз долой в первый же день после возвращения в Москву. Пьют, наверное, сейчас в каком-нибудь из кабинетов Кремля? К завтрашнему дню готовятся, храбрости набираются. Да, дорогие товарищи, сильно я вас распустил. Но ничего, придет время, и все встанет на свои места». Президент замолк, с опаской повернул голову в сторону особняка, словно боясь, что кто-то подслушивает его мысли и, успокоившись, громко произнес: «Побалую, пожалуй, я себя морской водичкой. Когда еще появится возможность без посторонних глаз поплавать и понырять в спокойном и ласковом море. Возможно, что уже завтра охрана не позволит мне это сделать». Он очередной раз повернул голову в сторону особняка и, словно в подтверждение своих слов, в тени разлапистых деревьев заметил силуэт человека. «На посту? Молодец! В таком же духе продолжай и дальше оберегать мой покой», – пробурчал Алексей Петрович и по ступенькам широкой лестницы стал спускаться на песчаный берег.

В воде Президент провел не меньше часа. Он дважды заплывал далеко за буй и дважды возвращался на берег, чтобы немного перевести дыхание. Хотя в этом году ему исполнилось уже шестьдесят лет, физическому состоянию и параметрическим данным его фигуры могли позавидовать сорокалетние мужчины. Закончив водные процедуры, Алексей Петрович зашел в небольшой домик, служивший раздевалкой для него и его семьи, насухо протерся махровым полотенцем и стал одеваться. Душа и тело находились в полной гармонии с окружающим миром, а голова на время освободилась от тяжелого груза мыслей.

В особняке Президент появился около двадцати двух часов и сразу пошел в свой кабинет. Включив телевизор, он сел в кресло, стоящее рядом с рабочим столом, и стал напряженно ждать телефонный звонок из Москвы. Вначале действия, происходящие на голубом экране, не привлекали его внимания. За

последние месяцы он привык к оскорбительным выпадам оппозиции в свой адрес и к серой, возбужденной толпе сограждан, ежедневно марширующей по Садовому кольцу и выкрикивающей заученные лозунги. Президент умел держать эмоции в руках и внешне почти не реагировал на антиправительственные выступления. Но затаившаяся обида на некоторых неблагодарных соратников по партии и желание раздавить их как тараканов жили в нем постоянно. Вот и сейчас, рассматривая картинки на экране, краем глаза он невольно зацепился за знакомую фигуру очередного оратора. Алексей Петрович сконцентрировал внимание на нем и невольно поежился. «Где сейчас находится Президент страны и Генеральный секретарь нашей партии? Почему он в самый разгар экономической разрухи и политических разборок бросил нас и уехал отдыхать на юг? Неужели он так устал от партийных и государственных дел, что не мог перенести отпуск на более поздние сроки? Дезертир наш партийный вожак! Судьба государства и будущее наций его не волнуют! Ему дороже личный покой и здоровье. Нет его поступку оправдания! Долой Губанова и его свору! Да здравствует настоящий патриот страны и русского народа – Дмитрий Сергеевич Казистов!» – как высеченные кнутом гремели в пространстве гневные слова бывшего партийного функционера ЦК КПСС. «Эх ты, сволочь недобитая! Жаль, что только от должности тебя освободил, а не свободы лишил. Ничего, придет время, и я лично прослежу твою изоляцию от общества», – со злостью произнес Президент и выключил телевизор.

Гудки телефона прозвучали так громко и так неожиданно, что Алексей Петрович на мгновение даже растерялся. Быстро справившись с волнением, он поднял с аппарата трубку и произнес: «Слушаю тебя, Геннадий». «Здравствуй, Алексей. Извини, что немного задержался со звонком, но на то была серьезная причина», – ответил голос на другом конце провода. «Не извиняйся. Не до этого сейчас. Давай, докладывай по существу», – успокоил товарища Президент и плотнее прижал трубку к уху. «В целом, к началу проведения мероприятия все готово. Создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). Распределены роли и обязанности между его членами, достигнута договоренность с силовиками по наведению конституционного порядка в стране. Обращение к народу и указ об освобождении тебя от должности Президента в связи с неспособностью исполнять обязанности по состоянию здоровья и временном назначении на эту должность вице-президента, подготовлены. Так что если все пойдет нормально, то дней через пять ты сможешь вернуться в Москву», – доложил Президенту товарищ по студенческой поре. «Как восприняли предложение отрешить меня от должности Президента страны члены ГКЧП? Не появилось у них сомнения в искренности твоих слов? Ведь для всех мы с тобой давние друзья», – поинтересовался Губанов. «Если честно, то

очень положительно, но с определенной долей настороженности. Особенно долго переваривали мои слова председатель КГБ Зацепин и Министр обороны Сомов. Их волновало то, что в твоих руках находится ядерный чемоданчик. В настоящий момент вроде успокоились и энергично занимаются вопросами в соответствии со своими обязанностями», – ответил Полюянов Геннадий Семенович, Председатель Верховного Совета СССР. «Хорошо! Действуй в таком же ключе и дальше. Следующий раз на связь выйдешь в девять часов утра по московскому времени», – выдал установку Президент и положил трубку на телефонный аппарат.

Глава четвертая

Откинув голову на высокую спинку кресла и прикрыв глаза, Алексей Петрович стал мысленно переваривать события последних дней и информацию из Москвы. Нарыв на теле огромной страны зрел давно. С того момента, когда больной глава партии и государства практически выпустил из рук штурвал управления, а его престарелые ближайшие помощники панически боялись даже приближаться к нему. Ну а поочередная смерть его двух преемников окончательно выбила страну из седла. Получив должность Генерального секретаря ЦК КПСС не по заслугам, а по стечению обстоятельств и в результате подковерной борьбы, Алексей Петрович с комсомольской энергией приступил к проведению революционных экспериментов в народном хозяйстве и во внешней политике. Он давно рвался к высшей власти, мечтал о ней и безумно любил ее. Восторг от своего величия порой доводил его до нервного экстаза и безудержной эйфории. До определенного времени все шло нормально и предсказуемо. Но неожиданно в государственном механизме стали регулярно происходить сбои и пробуксовки. Чем больше он говорил о новом мышлении, перестройке, плюрализме и братстве между народами, тем меньше этого становилось в реальной жизни. Вначале произошла чудовищная авария на одной из атомных станций, затем стали возникать сепаратистские движения, начались столкновения на национальной почве и появились политические оппоненты существующему строю. Используя накопленный опыт подковерной борьбы, врожденную хитрость и веру в свою исключительную миссию, Алексей Петрович бросился на борьбу с ними и мертвой хваткой держался за власть. Но наступил такой момент, когда он кожей почувствовал дыхание политической смерти. На некоторое вре-

мя испуг и паническое настроение парализовали его волю. Когда, наконец, справился с ними, стал лихорадочно думать над тем, как избежать полного краха. После напряженных размышлений и поисков путей выхода из кризиса у Алексея Петровича созрел план действий, к реализации которого он намеревался приступить при первом же удобном случае. И однажды он наступил. Произошло это во время проведения объединенного совещания членов Политбюро ЦК КПСС, Верховного совета СССР и руководителей Правительства. По сложившейся традиции, в свойственной ему грубоватой манере Алексей Петрович производил накачку всем, кто попадался в поле зрения. Дошла очередь и до председателя КГБ – Зацепина. Вначале тот терпеливо выслушивал оскорбляющие обвинения. Но когда Президент назвал его слабым руководителем и недалеким человеком, не выдержал, перебил его и, глядя прямо в глаза обидчика, твердым голосом произнес: «В том, в чем вы обвиняете меня и присутствующих здесь товарищей, больше вашей вины, чем нашей! Это вы своим заигрыванием с либеральными демократами и международными авантюристами довели политическую и экономическую ситуацию в стране до точки кипения, а теперь, оказавшись в тупике, пытаетесь перевалить всю вину на нас. Ничего из этого у вас не выйдет, уважаемый Генеральный секретарь ЦК КПСС! У членов Политбюро окончательно созрело мнение о необходимости смещения вас с должности! Вы ее не достойны! Мы требуем собрать внеочередной пленум ЦК КПСС, на котором будет рассмотрено ваше персональное дело». На какое-то время Губанов даже лишился дара речи. Такую наглую выходку со стороны подчиненного, даже если он является председателем КГБ, Алексей Петрович явно не ожидал. Но, быстро справившись, он вновь взял бразды правления совещанием в свои руки. «Все согласны с заявлением товарища Зацепина?» – спокойно спросил он и внимательно посмотрел на присутствующих. Почувствовав его взгляд на себе, некоторые отводили глаза в сторону или опускали голову вниз, но большинство сидящих в зале заседаний смотрели на него с нескрываемой ненавистью и презрением. «Понятно. Значит, такой благодарностью вы мне отвечаете за то, что я сделал для каждого из вас!? И на том спасибо, дорогие товарищи! Вы не хотите работать под моим началом, а я не хочу иметь таких бездарных подчиненных. Если даже вы меня освободите от должности Генерального секретаря ЦК КПСС, отстранить от должности Президента страны вам не удастся. Народ не позволит! Так что пленум ЦК КПСС можете назначать на любое время, а я пока возьму краткосрочный отпуск и отдохну от вас», – в ультимативной форме высказался Губанов, встал и демонстративно покинул зал заседаний. Оказавшись в своем просторном кабинете один, Губанов грузно опустился в кресло и тихим голосом произнес: «Ну вот и началось первое действие моего сценария».

Глава пятая

Встряхнувшись от воспоминаний о событиях прошедших дней, Президент поднялся с кресла, подошел к окну и, с шумом отодвинув тяжелую портьеру в сторону, стал всматриваться во мглу крымской ночи. «Без крови эта политическая акция может не обойтись. Главное, чтобы нервы у «заговорщиков» не сдали раньше времени. Если они дрогнут и струсят, то и кровь прольется, и наведение конституционного порядка не свершится. Тогда – полное поражение не только их, но и мое. Нет, такого развития сценария допустить я не могу, не имею права. Поэтому необходимо начинать действовать уже сейчас, а не тогда, когда станет ясен результат», – сделал вывод Президент, вернулся к столу и поднял трубку внутреннего телефона. «Добрый вечер, Алексей Петрович!» – почти мгновенно прозвучал голос начальника службы охраны Президента, генерала Рытова Юрия Николаевича. «Не спишь еще? Зайди ко мне», – попросил Президент и опустился в кресло.

Через три минуты тихо, словно тень, в кабинете появился высокий худощавый мужчина неопределенного возраста и с готовностью в голосе произнес: «Слушаю вас, Алексей Петрович». «Есть к тебе, Юра, разговор серьезный. Настолько серьезный, что я не до конца уверен в правильности своего решения ввести тебя в его суть», – произнес Президент и внимательно посмотрел на Рытова. Тот стоял на вытяжку, словно получил команду «Смирно!» Он ни единым движением не выдавал своего душевного и физического состояния. «То, что тебе предстоит услышать, является не моей, а государственной тайной. Поэтому я должен получить от тебя твердое заверение о готовности сохранять эту тайну до конца жизни. Если у тебя есть сомнения, дальнейший раз-

говор теряет всякий смысл», – начал издаലെка Губанов. «Алексей Петрович, я служил вам много лет. С той поры, когда вы еще работали секретарем райкома. Неужели за это время я дал вам повод сомневаться в надежности и преданности? Любое ваше поручение или приказ я выполняю не за страх или за личную выгоду, а за совесть и честь советского офицера», – четко ответил генерал. «Спасибо, Юра, за ответ – другого я от тебя и не ожидал. Давай перейдем к сути вопроса, который решать нам придется вместе. Я думаю, что ты не хуже меня понимаешь, что происходит в политической и экономической жизни нашей страны. Объявленные мной лозунги – перестройка, гласность, плюрализм и демократия не сыграли ту положительную роль в укреплении государства, на которую я рассчитывал. В стране проснулись дремавшие ранее сепаратистские движения, буйным цветом вспыхнули националистические настроения и реваншистские поползновения. Мои потуги по наведению надлежащего порядка мирным путем встречались в штыки и оборачивались против меня и партии в целом. Метастазы этих негативных явлений так далеко проникли в государственную жизнь, что без хирургического вмешательства ситуацию уже не исправить. Взвесив все «за» и «против», я принял решение по созданию условий для проведения мероприятий силового характера. Первый этап их уже начался. Как он пройдет, и удастся ли решить главные вопросы малой кровью, ответить не берусь. Но точно знаю, что после их осуществления все станем другими людьми. Хотя мы с тобой не будем находиться в самой гуще событий, от нашего поведения будет зависеть их окончательный исход», – закончил вводную часть Президент. «Что я должен делать, Алексей Петрович?» – поинтересовался Рытов. «Думаю, что уже завтра ты получишь полную установку от своего непосредственного начальника – председателя КГБ», – ответил Президент и улыбнулся. «Не понял вас», – признался Рытов. «Вначале тебе будет сообщено об отрешении меня от власти, затем дано указание обесточить резиденцию, изъять телефонную и спутниковую связь, запретить свободное передвижение по территории, прекратить подход к пирсу судов, катеров и лодок, обезоружить тех, кто не задействован в охране, убрать из всех помещений и жилых номеров телевизоры и радиоприемники. В общем, тебе предстоит обеспечить мою полную изоляцию от внешнего мира и посадить под домашний арест», – пояснил Алексей Петрович. «Но ведь при вас находится ядерный чемоданчик и четыре офицера, охраняющих его?» – удивленно спросил генерал. «Им и членам моей семьи также придется некоторое время побыть в качестве «узников Фороса», – не задумываясь, ответил Президент. «Почему вы уверены в том, что председатель именно мне даст такое указание, а не пришлет новую команду чекистов?» – не до конца понимая Президента, высказал предположение Рытов. «Может и это произойти. Твоя задача – не допустить такой замены», – озадачил генерала Губанов. «Вы отве-

ли мне роль предателя, а это влечет тяжелые последствия», – насторожился Рытов. «В реальной жизни – да, но в моей постановке – нет. Более того, после успешного завершения политического спектакля за храбрость и проявленную находчивость я назначу тебя председателем КГБ СССР. Если, конечно, ты не будешь возражать», – успокоил Президент и улыбнулся. «Но ведь не только наша страна, весь мир будет находиться в напряжении догадок и подозрений. В современной истории еще не было такого прецедента, чтобы брали в плен главу государства, при котором находился чемоданчик с ядерными кодами. Не перестараемся ли мы в этой игре во вред себе и нашей стране?» – спросил генерал. «По этому случаю не волнуйся. Я не думаю, что мой домашний «арест» долго продлится. От силы два-три дня. Не успеет мое временное заточение в курортном местечке вызвать какие-либо международные осложнения. Действуй смело и без оглядки на возможные последствия. Эта игра стоит свеч. И последнее... Лишив обитателей пансионата связи с внешним миром, не забудь ее оставить себе. Ты, а, значит, и я, должны быть в курсе происходящих событий в стране и мире и вовремя принимать необходимые меры. И обязательно держи связь с капитаном сторожевика. Он должен считать, что у нас все в порядке», – подвел итог разговору Президент.

После того, как генерал покинул кабинет, Алексей Петрович перебрался в комнату отдыха и включил электрический чайник. Несмотря на поздний час, спать ему не хотелось. В голову лезли все новые и новые мысли, и мозг с напряжением перерабатывал их. «Может, зря я затеял эту игру? Уж больно грубыми нитками она сшита. Слишком много невероятного содержится в ней. Наверняка, Казистов и его окружение поймут мои маневры так, как они выглядят на самом деле. Для них быть комедиантами – обычное состояние. Это мои политические соратники приняли мой демарш за чистую монету и, пока остаюсь на посту Генерального Секретаря Коммунистической Партии, я для них являюсь непререкаемым авторитетом и неподсудной личностью. Но в случае моего окончательного падения сегодняшние соратники так жестоко обойдутся со мной, как не позволят себе сделать даже политические противники. Так было всегда, так произойдет и сейчас», – невольно размышлял Губанов, медленно помешивая чайной ложкой в бокале. Невольно он вспомнил презрительную улыбку председателя КГБ и злобно пробормотал: «Ты еще пожалеешь о словах, произнесенных на совещании в Кремле! Думаешь, что я уже не жилец? Глубоко ошибаешься на этот счет. Я пока еще живее всех живых! И скоро вернется то время, когда ты и все остальные будете снова с подобострастием заглядывать мне в рот!». Однако, не успел улечься гнев на Зацепина, как на смену ему пришел холодок ненависти к лидеру либеральных демократов Казистову. «Тварь неблагодарная! Сколько раз я тебя спасал от разного рода авантюр! Мог бы и

в небытие отправить. Пожалел алкаша, а теперь ты мне жизнь портишь. Более того, на власть покушаешься! Неужели придется обращаться к тебе за помощью, чтобы вернуть вершину государственной пирамиды? Ничего, если потребуется, обращусь. Когда закончится вся эта буча, разберусь и с тобой. Тебе ум наглость заменяет, а на моей стороне хитрость и везучесть. Посмотрим, кто возьмет верх и кто будет смеяться последним!».

Глубокие раздумья Президента нарушил глуховатый бой напольных часов, стоящих в углу кабинета. Алексей Петрович посмотрел на циферблат и удивленно произнес: «Уже три часа ночи! Пора ложиться спать. Необходимо успеть отдохнуть до начала предстоящих событий». Словно подслушав его мысли, в кабинет вошла жена и почти с порога, спросила: «Ты собираешься отдыхать, или на этот счет у тебя другие планы?». «Других планов не существует, я готов последовать за тобой в спальную комнату немедленно», – ответил Алексей Петрович и улыбнулся.

Глава шестая

С он продолжался не более четырех часов. Немного раздраженный и разбитый, Алексей Петрович поднялся с кровати и пошел заниматься утренними процедурами. Проводив его тревожным взглядом до двери комнаты, Маргарита Михайловна тяжело вздохнула и натянула на голову легкое одеяло. Она до боли в сердце переживала за мужа и нервничала, что не могла ничем помочь. Впервые за много лет Алексей не открывал ей причину своих душевных метаний и мучительных раздумий. Это обстоятельство ее сильно настораживало и пугало. Она очень хорошо знала мужа и от этого еще сильнее страдала. «Почему он так крепко держится за власть? Неужели она ему не надоела и дороже, чем я и наша семья? Сколько уже лет Алексей находится во властных структурах и никак не пресытится этой жизнью. Неужели ощущение того, что ты стоишь выше кого-то, управляешь кем-то, решаешь что-то и владеешь чем-то, для человека важнее, чем сама жизнь? По-настоящему мы ведь с ним еще почти и не жили. Постоянные встречи с необходимыми людьми, переезды, совещания, пленумы и партийные съезды забирали все свободное время и превращали нас в бездуховных роботов. По-видимому, боязнь выпасть из обоймы партийной элиты и оказаться в обществе миллионов простых граждан страны железными клещами держит его за горло. Но если вовремя не освободиться от них, то можно запросто задохнуться от удушья. Как плохо, что Алексей этого не понимает. Необходимо сегодня же поговорить с ним на эту тему», – бродили в голове Маргариты Михайловны тревожные мысли. Для этой умной и привлекательной женщины Алексей Петрович был не Генеральным секретарем ЦК КПСС и Президентом, а просто мужем, которого она с их первой встречи сильно любила и на протяжении де-

сятилетий была его соратницей и самым надежным и преданным другом. Он это осознавал и открыто проявлял уважение к ней. В связи с этим у многих его соратников стали появляться симптомы раздражения, ревности и зависти. Алексея это не смущало, а только радовало. Порой он позволял Рите участвовать в обсуждении некоторых государственных вопросов и решать проблемы социального характера. В основном это приносило положительные плоды.

Закончив утренние процедуры и позавтракав, Президент направился в свой рабочий кабинет. Почти следом за ним вошел и помощник Силин. «Доброе утро, Алексей Петрович! Как спалось вам этой ночью?» – любезно поинтересовался помощник. «Хорошо спалось. У тебя ко мне есть вопросы, или ты зашел, чтобы поздравить меня с наступлением очередного утра?» – сухо спросил Губанов. Не ожидавший такой реакции шефа, Силин напрягся и почти скороговоркой произнес: «Из Москвы пришла информация, что сегодня необычно рано в Кремль стали съезжаться члены политбюро ЦК КПСС, Верховного совета СССР и Правительства». «И что из этого следует?» – спросил Губанов, не глядя на помощника. «Не знаю. Может, совещание совместное собираются провести», – неопределенно ответил помощник. «Вот и хорошо! Пусть работают, а мы отдыхать будем», – ответил Президент и, взглянув на помощника, спросил: «Других важных известий нет?». «Пока вроде нет», – ответил Силин. «Тогда иди на пляж и загорай. Если потребуешься, я тебя позову», – подвел итог разговору Губанов и сел в кресло. Когда за помощником закрылась дубовая дверь, он напряженно стал вслушиваться в тишину большого кабинета, периодически поглядывая на телефонный аппарат, стоящий на краю тумбочки.

Но шло время, а телефон молчал. Президент посмотрел на стрелки напольных часов и недовольным голосом пробурчал: «Что он там телится? В Москве уже десятый час, а звонка до сих пор нет». Прошло еще минут пятнадцать томительного ожидания. Наконец, трубка на телефонном аппарате ожила и из нее послышалась прерывистая трель. «Ну, наконец, разродился. Я уж подумал, что ты позабыл о моем существовании», – недовольным голосом высказался Президент. «Извини, Алексей, за задержку. Только что из моего кабинета вышел Министр внутренних дел Черкашин. Он сильнее всех сомневается в успехе задуманного мероприятия. Министр считает, что до тех пор, пока тебя Пленум ЦК КПСС не освободит от обязанностей Генерального секретаря, а съезд депутатов Верховного Совета СССР – от должности Президента, ты будешь являться легитимным руководителем партии и страны и в любой момент можешь во весь голос заявить об этом». «Правильно считает, но его принципиальность на сегодня может только помешать решению главной задачи», – озабоченно произнес Президент. «Чтобы погасить его сомнения, я сказал, что в моем сейфе лежат твои заявления с просьбой об освобождении со всех

постов. Не знаю, поверил Черкашин мне или нет, но уже сегодня будет ясно, на чьей он стороне», – сообщил Геннадий Семенович и замолк. «Это все, что ты хотел мне сообщить? Или и у тебя в одном месте заныло от плохого предчувствия?» – со злостью в голосе спросил Президент. «Не горячись, Алексей. Пока все идет по плану. В десять часов утра начнется первое заседание ГКЧП, на котором будет обнародовано постановление об отрешении тебя от власти и о мерах, направленных на наведение конституционного порядка в стране. Председательствовать на заседании поручено вице-президенту Клюеву. И еще одна новость. Как я знаю, Зацепин принимает меры по твоей изоляции на территории крымской резиденции. Поэтому не исключено, что в дальнейшем нам сложно будет контактировать даже в закрытом режиме», – предупредил Геннадий Семенович. «Я знаю, но трагедии не вижу. Главное, чтобы у вас в Москве все пошло по плану, а изоляцию в Крыму я как-нибудь переживу. Солнце греет, вода теплая: купайся – не хочу», – мрачно пошутил Президент и спросил: «Ты сам как себя чувствуешь? Может найти причину и выйти тебе из состава ГКЧП?». «Уже поздно. Я одним из первых внес предложение о создании этой комиссии и отрешению тебя от должностей, поэтому любое мое сомнительное движение в сторону будет квалифицироваться как предательство. А государственная машина подавления уже запущена, и оставлять ее без присмотра нельзя», – ответил Полуянов. «Ну тогда наберись терпения и по мере возможности помогай соратникам по партии. Будем рассчитывать на положительный исход этого мероприятия. Если что-то пойдет не так, по ходу действий будем искать пути исправления», – высказал напутственные слова Президент и попрощался с Геннадием Семеновичем.

«Пока все складывается в соответствии с планом. Посмотрим, как дела пойдут дальше у бывших «соратников», – подумал Губанов, а вслух произнес: «Не спешит что-то Рытов исполнять приказ своего прямого начальника... Наверняка уже получил его из Москвы». Едва он закончил монолог, как в дверь настойчиво постучали. «Входи, генерал», – разрешил Алексей Петрович и поудобней устроился в кресле. Дверь распахнулась, и в кабинет вошли сразу три человека в штатском, среди которых был и начальник охраны Президента – Рытов.

Глава седьмая

«Алексей Петрович, в соответствии с приказом председателя КГБ я прибыл для помещения вас под домашний арест и усиления охраны территории резиденции. Поэтому во избежание недоразумений, нежелательных эксцессов и прочих действий с вашей стороны прошу передать нам все имеющееся холодное и огнестрельное оружие, а также пригласить в кабинет офицеров специального назначения. Предупреждаю, что любые ваши попытки противостоять выполнению приказа будут пресекаться жестко и незамедлительно. С данного момента и до особого распоряжения из Москвы ответственность за вашу безопасность несу я. Генерал Рытов будет исполнять обязанности моего заместителя», – четко, по-военному, сообщил неприятную новость стоявший ближе всех к Президенту коренастый, с наглым взглядом, мужчина. Не ожидавший такого начала своей изоляции в резиденции, Губанов на время потерял дар речи, а мозг отказывался работать. Продолжалось это состояние минуты три. Стоящий за новым начальником охраны Рытов не выдержал и спросил: «Алексей Петрович, вам плохо? Может, врача пригласить?». «Не надо. Мое здоровье в порядке», – отказался Алексей Петрович и поднялся с кресла. «Ну, если в порядке, то я жду от вас выполнения моих требований», – напомнил о себе новый начальник охраны. Чтобы не сорваться в гнев и не наговорить наглцу массу неприятных слов, Президент собрал всю силу воли «в кулак» и твердым голосом произнес: «Во-первых, перед тобой Верховный главнокомандующий СССР, и будь любезен. представься по форме, как положено по уставу. Во-вторых, предъяви документ, который дает право изолировать Президента великой ядерной державы от управления страной и общения с внешним миром, и в третьих – я не слышал,

чтобы в моей стране произошел государственный переворот и власть перешла в руки председателя КГБ». Взглянув на растерявшегося чекиста, спросил: «Ты понял, что я сказал? Или хочешь закончить жизнь в застенках тюрьмы, как заговорщик и предатель?». От этих вопросов былая уверенность бравого офицера стала исчезать. И, чтобы немного сгладить свое положение, он уже не таким твердым голосом представился: «Я полковник КГБ СССР – Литвинов. Письменного приказа на руках у меня пока нет, но скоро поступит. Однако, несмотря на это, вам придется выполнить требования, которые я заявил ранее». «Вот что, полковник, пока ты не покажешь мне такой документ, разговаривать с тобой не буду. Поэтому закрой дверь в мой кабинет с той стороны и не мешай работать. А ты, генерал, задержись», – грубо одернул прибывшего чекиста пришедший в себя Губанов и снова опустился в кресло. Какое-то время полковник Литвинов еще раздумывал, как себя повести в сложившейся ситуации. Но поняв, что выполнить устный приказ председателя без насилия ему не удастся, он резко повернулся и вышел из рабочего кабинета Президента. Следом за ним выбежал и второй, не знакомый Губанову офицер.

«Что случилось, Юра? Почему позволил Зацепину заменить тебя на этого полковника?» – спросил Алексей Петрович у начальника охраны. «Что я мог сделать? Меня даже не предупредили о том, что сюда направили новую группу чекистов. Только тогда, когда рано утром Литвинов прибыл в резиденцию и связался по телефону с Комитетом, я был поставлен об этой рокировке в известность. Но сообщить вам о произошедших изменениях я уже не мог, так как был обязан выполнять только распоряжения Литвинова. Он мне категорически запретил встречаться с вами», – пояснил ситуацию генерал. «Плохо! Очень плохо! Ты хоть оставил себе канал для связи с внешним миром?» – поинтересовался Губанов. «Да. При острой необходимости я смогу два-три раза связать вас с абонентом. Но и то на короткий разговор. Больше нам не позволит это сделать специальная служба моей конторы», – ответил Рытов. «Ладно, иди, выполняй свои новые обязанности, а я пока подумаю о складывающейся ситуации», – произнес Президент и с надеждой посмотрел в сторону столика, на котором стояло несколько телефонных аппаратов, но те упорно молчали, чем усиливали нервное напряжение и душевную тоску Алексея Петровича.

Однако тосковать ему долго не пришлось. Буквально минут через пять в кабинет без стука вошел полковник Литвинов, взял с полочки пульт и включил телевизор. «Прошу полюбоваться. Вот мой мандат на ваш арест! Так что смотрите внимательно и думайте, как оперативно выполнить мои требования. Сразу предупреждаю, что с этого момента вы лишаетесь любой связи с внешним миром», – с ехидной улыбкой на губах произнес полковник и быстро удалился из кабинета.

Не успев среагировать на хамское поведение полковника, Президент повернул голову в сторону экрана телевизора и стал вникать в суть происходящих действий. «Ну здравствуйте, бывшие друзья и соратники. Как же вы неважно выглядите. Губы трясутся, руки дрожат. Неужели так боитесь последствий своего предательства? А может, просто перепили вчера?» – вслух произнес Алексей Петрович и замолчал. «В стране царят хаос и неразбериха! Ярые сепаратисты всех мастей разжигают межнациональную ненависть и призывают к гражданской войне! Они не хотят слышать мирные призывы коммунистической партии и советского правительства, направленные на укрепление дисциплины, на прекращение межусобицы и созидательный труд. Появились так называемые народные лидеры, которые открыто ведут страну к расколу и катастрофе. В связи с этим в целях сохранения целостности государства и государственного строя политбюро ЦК КПСС, Верховный совет СССР и союзное правительство постановили: «Создать комиссию по чрезвычайному положению и наделить ее высшими полномочиями государственной власти. В состав комиссии включить: Клюева Григория Михайловича – вице-президента СССР, члена политбюро ЦК КПСС; Полуянова Геннадия Семеновича – председателя Верховного Совета народных депутатов СССР; Толстых Аркадия Геннадьевича – Председателя Совета Министров СССР; Зацепина Фрола Ивановича – председателя КГБ СССР; Сомова Николая Федоровича – Министра обороны СССР; Черкашина Виктора Николаевича – Министра внутренних дел СССР; Дубова Сергея Васильевича – Министра сельского хозяйства СССР; Ястребова Ивана Алексеевича – Члена политбюро, Секретаря ЦК КПСС. В связи с тем, что Президент страны – Губанов Алексей Петрович – тяжело болен и в настоящее время находится на лечении в оздоровительном учреждении, его обязанности чрезвычайная комиссия возложила на вице-президента – Клюева Григория Михайловича, то есть на меня», – болезненно улыбнулся председательствующий на пресс-конференции. «А что за болезнь у товарища Губанова? Очень опасная для жизни?» – выкрикнул кто-то из журналистов, присутствующих в зале. «Болезнь не опасная, но очень запущенная. Поэтому желаем Президенту СССР быстрее выздороветь и надеемся, что мы с ним еще поработаем», – ответил Клюев и ехидно улыбнулся. «Сволочь! Пьяница! Да я тебя в порошок сотру! Как был профсоюзной проституткой, так и остался ей!» – в беспомощной злобе воскликнул Президент. Он бы мог и дальше выдавать нелестные характеристики своим бывшим соратникам, но в это время в кабинет почти вбежала Рита. «Алексей, что происходит в резиденции? Почему мне и Наташке запретили выходить на пляж? Мы что, арестованы? Кто дал право охране так обращаться с членами семьи Президента СССР? Ты можешь ответить мне на эти вопросы?» – возмущенным голосом выкрикивала жена. Но, упершись взглядом в экран телевизора, Рита вдруг словно остолбенела. А минут через пять,

переведя взгляд на мужа, она почти шепотом, спросила: «Алексей, это что, государственный переворот? Почему в центре Москвы находятся танки?». Алексей Петрович поднялся с кресла, подошел к жене, обнял за плечи и слабым голосом ответил: «Происходит худшее из того, что я ожидал. Эти престарелые политические уроды воспользовались моим отъездом и решили взять власть в свои руки». «А с нами что будет, если они победят? В тюрьму посадят? Или расстреляют? Алексей, ты же знал, что замышляли сделать твои соратники за твоей спиной? Почему не принял упредительные меры и сбежал из Москвы? Неужели струсил?» – трагическим голосом спросила Рита. Немного помолчав, добавила: «Я всегда говорила, что Клюев подонок, а ты его вице-президентом сделал. Теперь он тебя с лихвой отблагодарит». Губанов первый раз за сорок лет совместной жизни видел жену в таком разгневанном и одновременно растерянном состоянии. Ему до боли стало жаль эту женщину. А на экране телевизора появлялись все новые и новые картинки происходящих событий в Москве. «Не волнуйся так сильно, Рита. Все нормализуется и успокоится. Вон видишь, какое огромное количество людей пришло к зданию Правительства, чтобы высказать недоверие самозванцам. Они не позволят этим мерзавцам свергнуть меня с должности Президента СССР», – ласково произнес Губанов. Рита повернулась к нему, испуганно взглянула и произнесла: «Не будь наивным, Алексей. Неужели ты слепой и не видишь, кого они пришли защищать? Теперь товарищ Казистов для них отец родной! Вон как ловко он устроился на танке. Словно Ленин в семнадцатом году. Ты сейчас находишься между молотом и наковальней. Там же находится и вся наша семья». «Ты преувеличиваешь нависшую надо мной грозу. Я не позволю ей разразиться. Потерпи немного, дорогая», – спокойным голосом произнес Губанов, хотя весь его внутренний организм клокотал от негодования. Теперь уже не его бывшие соратники вызвали в нем прилив ярости, а фигура Казистова, стоящая на броне танка в окружении своих приспешников и зачитывающая воззвание к народу. «Сегодня он герой! И хотя боится и не очень уверенно выглядит, но победит. Народ ему поможет стать победителем. Я бы на такой поступок не решился. В этом мы с Казистовым разные люди», – невольно пронеслось в голове Алексея Петровича. Словно прочитав его мысли, Рита произнесла: «Теперь кто и сможет нас спасти, то только этот мужлан. Придется тебе к нему на поклон идти». «Ты, Рита, очень сильно драматизируешь создавшуюся политическую ситуацию в стране. Я – действующий Президент ядерной державы, и просить помощи для сохранения должности мне не надо. Пока я официально не освобожден от нее, конституция гарантирует мне и моей семье полную неприкосновенность и неподсудность», – попробовал успокоить жену Губанов. «Альенде в Чили тоже был избранным Президентом, и что с ним стало? Где он сейчас? Нет, милый, в случае победы твои бывшие соратники не оставят тебя на свободе. Ты для них

политический враг», – со скорбью в голосе, произнесла жена. Алексей Петрович хотел произнести еще какие-то успокоительные слова любимой жене, но в это время в кабинет вошел новый начальник охраны и, нагло скривив в улыбке губы, спросил: «Теперь вам понятно, на каком основании я здесь? И почему мои требования необходимо беспрекословно выполнять?». Продолжая улыбаться, добавил: «Ваша власть закончилась, и с этим необходимо смириться. Передайте мне личное оружие, имеющееся у вас, соберите все необходимое для написания мемуаров и покиньте кабинет. Я должен его опечатать». «Да как вы смеете разговаривать в таком тоне с Президентом страны?!» – не выдержала хамства Рита. «Бывшего Президента. Сейчас он «узник» замка «Форос», а с узниками, как вы, надеюсь, знаете, обращаются как с обыкновенными людьми. Так что, Алексей Петрович, приступайте к выполнению моих указаний, не тяните время», – издевательским тоном произнес полковник Литвинов.

От увиденного на экране и услышанного из уст наглого офицера Губанов вновь потерял дар речи. Впервые за много лет он не мог достойно ответить обидчику, унижающему не только его достоинство, но и его жены. От психологического перенапряжения мозг рвало на части, тело дрожало, а ладони сжимались в кулак. Заметив состояние мужа и опасаясь неконтролируемого выплеска гнева, Рита взяла его руку и ровным голосом произнесла: «Алексей, успокойся. Этот человек не достоин твоего внимания. Он простой хам, каких вокруг тебя собралось немало. Не он главный виновник в том, что сейчас происходит в стране. Поэтому встряхнись, соберись с мыслями и начинай принимать меры по достойному выходу из создавшейся ситуации. А этого невоспитанного человека сама система накажет». Словно освободившись от картинок кошмарного сна, Губанов с удивлением посмотрел на стоящую рядом жену и, не говоря ни слова в ответ, направился к тумбочке, на которой стояли телефонные аппараты. Нервным движением руки сорвал трубку с одного из них и поднес к уху. Прошло больше минуты, а необходимого зуммера не появлялось. «Вы бесполезно тратите мое и свое время. На всей территории резиденции связь не работает. Да и вряд ли кто с вами захочет разговаривать», – сообщил полковник Литвинов. «Я требую соединить меня с начальником КГБ – Зацепиным!» – командным голосом произнес первые слова Президент. «Мне категорически запрещено с кем-то вас соединять. Поэтому без консультации с Москвой я ничем помочь вам не смогу», – ответил отказом полковник. На непродолжительное время в кабинете наступила тишина. Губанов снова перевел взгляд на экран телевизора. Толпы людей с разъяренными лицами и серьезными намерениями заполняли все уголки площадей и улиц. На их фоне танки и машины смотрелись декоративными игрушками, а фигуры военных – оловянными солдатиками. Выкрики, призывы и откровенные угрозы сыпа-

лись из уст политиков, прохиндеев разных мастей, и простого народа. «Нет, не хватит духа и решимости у моих соратников подавить порыв взбунтовавшейся массы. Для решения этой задачи требуется Сталин, а такового среди них нет. Они все сотканы из такого же материала, как и я», – невольно подумал Алексей Петрович и, повернувшись к жене, спокойным голосом произнес: «Иди, Рита, к внучке. Минут через двадцать и я к вам присоединюсь. Продолжим отдыхать в новых социальных условиях».

Глава восьмая

«Н у что, приступим к исполнению твоих требований? С чего начнем?» – обратился к полковнику Президент. «Со сдачи личного оружия», – ответил Литвинов. «Хорошо. Что будем делать с ядерным чемоданчиком? Тебе я не могу его передать. Законным путем он переходит только к вновь избранному главе государства. А в случае силового захвата дежурный офицер обязан его уничтожить, несмотря на то, что погибнет при этом сам. Какое у тебя на этот счет указание?» – спросил Губанов. «На ядерный чемодан никто не покушается, так же, как и на вашу жизнь. Но офицеры, как и вы, должны быть обезоружены и помещены под усиленную охрану. Чтобы не произошло никаких конфликтов в период этой операции, в ваших интересах оказать содействие в осуществлении ее», – пояснил полковник и добавил: «Если вам понятны мои требования, то пора начать их выполнять».

Прекратив полемику с комитетчиком, Алексей Петрович достал из кармана пиджака ключи и открыл бронированный напольный сейф. Вначале он извлек из него и передал полковнику именную пистолет и три полные обоймы к нему, затем вытащил и положил на стол две толстые папки с секретными документами и небольшую резную шкатулку. Закончив, он повернулся к Литвинову и протянул связку ключей. «В кабинете мне делать больше ничего. Можешь командовать здесь. Теперь я приглашу командира группы особого назначения и постараюсь решить вторую проблему», – произнес Президент и, подойдя к рабочему столу, нажал вмонтированную в него кнопку экстренного вызова. Буквально через минуту в дверях появился бравый капитан первого ранга и ровным голосом доложил: «Товарищ главнокомандующий, старший офицер службы специального назначения прибыл». «Я пригласил тебя, чтобы пояснить политиче-

скую ситуацию в стране, сложившуюся в период моего отсутствия в Москве, и в связи с этим решить некоторые вопросы, касающиеся вашей службы», – неуверенным голосом произнес Губанов и замолчал. Пауза продолжалась не менее пяти минут. Даже полковник Литвинов стал с настороженностью поглядывать в сторону Президента. «В настоящее время некоторые политические авантюристы решили неконституционным путем захватить государственную власть в свои руки. Они объявили меня безнадежно больным и неспособным далее исполнять должность Президента страны. Их недальновидное решение – это путь в никуда. Понимая свою нелегитимность, эти люди не решились на изъятие у меня, как избранного Президента и верховного главнокомандующего, ядерного чемоданчика. Но на мою, а это значит, и вашу временную изоляцию они пошли. Поэтому я прошу без лишних эмоций собрать имеющееся у вас табельное оружие и передать полковнику КГБ Литвинову, которому поручено обеспечить мою изоляцию и усилить охрану ядерного чемодана. В данный момент в Москве идет необъявленная гражданская война, и закончится она для этих мерзавцев полным крахом. Я надеюсь, что произойдет это очень скоро», – закончил монолог Президент. «Задачу понял, товарищ главнокомандующий. Разрешите выполнять», – отчеканил капитан первого ранга, резко повернулся и вышел из кабинета. «Вот это нервы! Ни один мускул не дрогнул на его лице и не выдал душевного и физического состояния во время моей речи. Мне бы такое хладнокровие и выдержку!» – пронеслось в голове Президента, но вслух он произнес: «На этом пока моя миссия закончилась, и я удаляюсь в свои апартаменты». «Хочу еще раз напомнить о том, что вы, члены вашей семьи, помощник и прочий обслуживающий персонал находитесь под домашним арестом. Поэтому всем запрещается появляться на причале, купаться в море, выходить за границы резиденции и пытаться искать пути освобождения или контакта с посторонними лицами. До особого распоряжения вы лишены телевизоров, радиоприемников и средств связи. В вашем распоряжении остаются кинозал, бильярдная, библиотека, бассейн и прилегающая к резиденции территория парка», – предупредил полковник и вслед за Алексеем Петровичем вышел из кабинета.

События наступившего дня выбили Губанова из колеи. Хотя ничего такого не произошло, что было бы для него неожиданным, и развивались они согласно разработанному им самим сценарию, чувства гнева, тревоги, раздражительности и недовольства собой все сильнее и сильнее наполняли его сознание. Он старался их заглушить, но сделать это ему не удавалось. Мешала заноза, которую Алексей Петрович не мог никак обнаружить, чтобы вытащить. Уже подходя к двери своих апартаментов, он резко остановился и тихо произнес: «Причина угнетенного состояния – обреченные лица моих бывших соратников, ликующая толпа и Казистов на танке. Это явный знак скорой развязки, но только не в поль-

зу этих бездарей и меня лично». Однако вывод, который сделал Президент, не облегчил его внутреннее состояние, а только дал короткую передышку мозгам.

Напряжение начало вновь нарастать, когда Алексей Петрович оказался внутри апартаментов. В одной из комнат он еще издали заметил заплаканные глаза жены и скорбное лицо притихшей внучки. «Что за траурное настроение у членов семьи Президента СССР? Вам не нравится климат Черноморского побережья Крыма, или другая причина?» – пошутил Губанов. «Нам не нравится поведение Президента СССР», – коротко ответила жена, и количество слезинок на ее ресницах увеличилось. «Понятен ответ. Буду по ходу действий исправляться. Думаю, что у вас еще появится повод для того, чтобы гордиться мужем и дедом», – уже серьезно произнес Алексей Петрович. «Поживем – увидим. Пока только терпим оскорбления, унижения и бытовые неудобства. Может, объяснишь, почему из наших апартаментов вынесли телевизоры, радиоприемники, отключили связь, запретили выходить на берег и купаться в море? Мы что, арестанты?» – спросила Рита. «Это временные ограничения. Скоро все встанет на привычные места. Необходимо набраться немного терпения и подождать», – попробовал успокоить Алексей Петрович жену. «Когда это твое «скоро» наступит? День, два, месяц или год нам придется находиться в изоляции от мира? Как же так могло получиться, что Президента страны, Верховного главнокомандующего, Генерального Секретаря правящей партии кучка негодяев смогла отрешить от власти и посадить под домашний арест? Где же твои зарубежные друзья, которые клялись в вечной любви за те уступки, которые ты для них совершал? Почему они молчат? Или ты для них уже отработанный материал и как политик больше не нужен?» – раздраженным голосом задавала вопросы Рита. Губанов попытался было ответить, но жена прервала его на полуслове и продолжила: «Ты во всем виноват. Давно мог навести в стране порядок, если бы занимался этим вопросом сам, а не хитрил и не переваливал решение проблем на других. Думаю, что и сейчас ты ведешь двойную игру. Боюсь только, что выйдешь из нее далеко не победителем». «Рита, давай прекратим обсуждать эту тему и успокоимся. У тебя есть основание обидеться на меня, но это не дает тебе право в таком оскорбительном тоне разговаривать со мной. То, что сейчас происходит в стране, является не только результатом моих ошибок, но и общества в целом. Поэтому шаги, какие я предпринял в последнее время, направлены на урегулирование политической ситуации и укрепление межнациональных отношений. Другого пути я не вижу», – остановил поток нелестных слов жены Губанов. Рита посмотрела вначале на внучку, затем на мужа, и уже спокойным голосом спросила: «О каких шагах ты говоришь? Ты же полностью изолирован от управления страной». «Потерпи немного, и все сама поймешь и увидишь», – коротко ответил Алексей Петрович и сел на диван рядом с внучкой.

Глава девятая

За все прожитые годы Губанов впервые оказался в столь подвешенном состоянии и в режиме полной информационной блокады. В обед он с большим трудом заставил себя проглотить несколько ложек любимого борща и поковыряться в овощном гарнире паровой котлеты. Потом залпом выпил бокал виноградного сока, поднялся из-за стола и вышел на территорию парка. «Какой сегодня теплый и солнечный день! словно нет в мире туч, которые способны закрыть это голубое небо. Как долго в неизвестности тянется время! Можно сойти с ума от ожидания развязки. Что сейчас происходит в Москве? Вдруг члены ГКЧП все-таки решатся на жесткий вариант наведения конституционного порядка?! Они ведь, наверняка, боятся за свою дальнейшую судьбу. Для них лишь победа может стать гарантом личной безопасности. Только при таком раскладе политической борьбы они смогут сохранить себя и вернуть страну на социалистические рельсы развития. А это большая кровь!» – размышлял Президент, медленно прохаживаясь по аллее тенистого парка. От разговора с Ритой на душе остался тяжелый осадок. Алексей Петрович не любил ссориться с женой и при любом конфликте старался первым находить слова примирения. Но сегодня он их не нашел. Вернее, даже не пытался искать, так как твердо знал, что их не существует в природе. Рассказать всю правду о происходящих событиях в Москве он не мог, а врать не хотел. «Потерпи немного, Рита. Скоро все образумится и успокоится. Я понимаю, что ты очень сильно болеешь за меня, и благодарен за это, но мои откровения только усилят боль. Они не для женского сердца, тем более такого открытого, как у тебя. Мужские игры в политику всегда грязные и жестокие. Наивности и мягкости в них нет места», –

мысленно успокаивал и оправдывал себя Губанов. Поравнявшись с беседкой, на которой сидел вечером с женой, он заметил там своего помощника Силина. Вспомнив, что он утром с ним резко разговаривал, окликнул: «Николай Иванович, ты мне нужен». «Слушаю, Алексей Петрович», – натянутым голосом отозвался помощник. «Ты никак обиделся на меня? Извини, Николай, если что не так. Сам должен понимать, какие заботы меня сейчас гложут. Вон что творится в Москве, а я не могу повлиять на эти события», – ровным голосом произнес Президент. «Если бы сильно хотел влиять на ситуацию в стране, то не стал бы скрываться в этой резиденции. Да и сейчас можно найти возможность вырваться отсюда. Нет, Алексей Петрович, ты сам себя здесь изолировал. Видно это входит в план, который ты разработал, но никого в него не посвящаешь. Разве только Полуянов о нем знает. Уж кто-кто, а я тебя изучил за эти годы. Ради сохранения своего величия ты пойдешь на любую авантюру, вплоть до прямого предательства страны и ее народа», – пронеслось в голове у Силина, а вслух он сказал: «Необходимо обратиться за помощью к руководству Украины. Оно наверняка найдет решение по освобождению вас из-под домашнего ареста. Вы – глава государства, гарант исполнения конституционных норм, и каждый гражданин нашей страны обязан думать о вашей безопасности. Тем более руководители республики, на территории которой находитесь в настоящее время». Предложение помощника насторожило Президента. «Неужели он догадывается о моей игре? Может, подслушивал разговоры с Геннадием? Его предложение провокационное и несет в себе какой-то смысл. Да нет, навряд ли Силин решился на какую-то двойную игру со мной. Скорее всего это от нервного напряжения и неизвестности. Ведь в случае чего и его сладкая жизнь закончится», – подумал он и, пристально посмотрев на помощника, ответил: «Поздно. До руководства Украины нам сейчас не достучаться, так как и оно в условиях всеобщей чрезвычайности не принадлежит само себе. Да и оперативной связи я лишен. Так что приходится надеяться только на здравый ум моего народа и моральное поражение бывших соратников. И я верю в то, что скоро это произойдет», – ответил Президент помощнику. «Не искал ты помощи у руководителей Украины. Боялся оказаться должником и зависимым от них. Но тогда, как Верховный главнокомандующий, мог бы обратиться к армии. Не хотел и не хочешь ты, Алексей Петрович, это делать. Тебе не нужны мир и спокойствие в стране. Что же ты хочешь получить в результате разыгранного спектакля? Неужели твоей целью является изменение государственного строя?» – чуть не вскрикнул от страшной догадки Силин. «Ты что такой бледный, Николай? Случайно не заболел? Может, тебе к врачу обратиться?» – заботливо спросил Президент, заметив неестественный цвет лица у своего верного помощника. «Да вроде не ощущаю особого недомогания. Присутствует в теле небольшая слабость, но скорее это связано с тем, что происходит

адаптация к крымскому климату», – кисло улыбнулся Силин. «Смотри не захворай. Ты мне в скором времени сильно нужен будешь», – назидательно высказался Президент и тихо побрел дальше. «Подозреваю, что скоро рядом с тобой кроме жены уже никого не останется», – подумал помощник и направился в сторону помпезного здания. Неожиданные подозрения в отношении поведения Президента выбили Силина из колеи. Он невольно стал вспоминать решения, действия и поступки Губанова, которые тот совершал в течение последних пяти лет. «Не может быть! Это же авантюра и предательство, в которое он втянул своих соратников по партии! Страшно даже подумать, к чему это может привести. СССР – ядерная держава, а не банановая республика. Так может вспыхнуть, что всему миру мало не покажется», – кипели и бурлили мысли в голове Николая Ивановича.

Глава десятая

День подходил к завершению. Солнце медленно покидало горизонт, а на смену ему с востока спешили прохлада, тишина и сумерки. Президент, нарезав десятка два кругов по аллеям парка, сел на скамейку под пальмой и вытянул ноги. Впервые за много лет он не хотел ни с кем видеться, разговаривать и обмениваться любезностями. Мозг его был до отказа загружен размышлениями, сомнениями и ожиданиями. Отсутствие информации из Москвы терзало, пугало и заставляло его вздрагивать при любом постороннем звуке или голосе. «Почувствовав провал, эти деятели могут пойти на мое физическое устранение. Может, действительно попросить защиты у украинского правительства? Найти предлог для встречи с Рытовым и воспользоваться его связью? Или Силину поручить организацию встречи с руководством Крымской области? Наверняка он сможет ночью покинуть территорию резиденции и добраться до Симферополя. Нет, не годится такой план. Сейчас не только руководство Крымской области не пойдет на контакт, а и украинское откажется мне помогать. Они сами находятся в ожидании развязки, и рисковать собой не будут. Наоборот, сделают все, чтобы усугубить мое положение. Им только на руку политический кризис в стране. Они давно мечтают выйти из состава СССР для создания собственного государства. Поэтому спасти Президента СССР они торопиться не будут. Значит у меня остается только один выход – ждать результатов исполнения задуманного мной спектакля. Интересно, по какому сценарию сейчас в Москве развиваются события? Скорее всего, по второму. А может, и по первому. Если мои соратники решатся на пролитие большой крови, то толпа не выдержит и разбежится. Это может стать первым этапом победы ГКЧП. Что последует дальше, предсказать трудно», – перебивая друг друга, путались мысли в голове Губанова.

На лавочке под пальмой он просидел часа два. Давно уже темнота поглотила в себя вершины деревьев, залезла в самые отдаленные уголки парка и заглушила веселый гомон беззаботной дневной жизни. Почувствовав, как ночная прохлада обволакивает тело, Алексей Петрович посмотрел в сторону жилого корпуса резиденции, вздохнул и тихо произнес: «Тяжелые испытания ждут Риту впереди. Выдержит ли их она? Не разорвут они ее хрупкое сердце? Обостренное чувство справедливости и искренность переживаний могут очень сильно подорвать ее здоровье. Но чем я сейчас могу ей помочь? Рассказать все честно и до конца о том, что запланировал осуществить? С этим я уже опоздал, и вряд ли она правильно меня поймет. Нет, пусть все остается как есть, а что дальше делать – время подскажет. Настанет новый день, появится и новая пища для размышлений». После этих слов Президент поднялся с лавочки и направился к жилому комплексу резиденции. Не доходя до здания метров пятьдесят, он заметил спешащего к нему навстречу генерала Рытова. «Что это так торопится Юра? Неужели в стране случилось что-то экстраординарное? И почему один, без Литвинова?» – подумал Губанов, но шага не прибавил.

«Алексей Петрович, прибыли Председатель Верховного Совета Украины и глава Правительства Крыма и хотят с вами переговорить», – сообщил генерал, поравнявшись с Президентом. «О чем они хотят со мной говорить?» – спросил Губанов. «Не знаю. С ними Литвинов беседовал», – также коротко ответил Рытов. «Где они сейчас находятся?» – поинтересовался Губанов. «В вашем кабинете», – пояснил Юрий Николаевич. Президент некоторое время молчал, видимо, обдумывая ситуацию, затем спросил: «Почему ты, а не полковник Литвинов эту новость мне принес?» «Я и сам удивлен. Весь день он не давал мне никаких поручений, по-видимому, опасаясь моего контакта с вами. Но вот приехали они, и я ему потребовался», – ответил генерал. Алексей Петрович вновь ненадолго задумался. «Не случайно руководители Украины приехали поздно вечером ко мне. Видно, имеют какое-то поручение от членов ГКЧП. Скорее всего, у тех не очень хорошо дела пошли, и они хотят вытянуть меня в Москву. Поэтому полковник и Рытова направил ко мне, а не сам пришел», – сделал вывод Губанов и, спустя минуту, сказал: «Ты, Юра, возвращайся к непрошенным гостям один и сообщи, что в связи с болезнью я не готов с ними вести разговоры». «А если они будут настаивать на встрече?» – спросил генерал. «Это их право, но в любом случае я не приму их», – твердым голосом заявил Президент и поинтересовался: «Не знаешь, что в Москве творится?». «Если кратко, то полный хаос. На набережной реки перед домом Правительства Российской Федерации до сих пор идет противостояние между военными и демонстрантами. Сотни тысяч людей вышли на улицы Москвы. Наблюдаются выступления народных масс и в других городах страны», – сдавленным голосом ответил ге-

нерал. «Плохо! Очень плохо обстоят дела у моих бывших соратников. Недолго они продержатся в таком режиме. Могут пойти и на крайние меры», – подумал в очередной раз Президент, а вслух произнес: «Не стой, генерал. Иди, докладывай о моем ответе полковнику Литвинову», – и продолжил свой путь к резиденции.

«Ты где так долго бродил? Минут десять назад тебя Юрий Николаевич и Силин искали», – ровным голосом сообщила Рита. «В парке гулял. Наслаждался райской жизнью. С Рытовым только что виделся», – улыбаясь, доложил Губанов жене. «У тебя, я вижу, хорошее настроение появилось. Наверное, Юрий Николаевич приятной новостью порадовал?» – спросила Рита. «Сообщил, что прибыло руководство Украины и жаждет со мной встретиться», – ответил Президент. «И ты отказал им в этом?» – спросила жена. «Ты угадала. Не могу же я вести серьезные разговоры будучи тяжело больным. Вот поправлюсь немного от недуга, тогда и поговорим», – объяснил свой отказ Алексей Петрович. «Не перегнул ли ты палку, отказав руководителям Украины во встрече? Может, они прибыли сюда, чтобы сообщить важную новость?» – осторожно задала вопрос Рита. «Я примерно знаю, с какой миссией они приехали. Они получили задание от членов ГКЧП вытащить меня отсюда и доставить в Москву», – ответил Президент. Жена собралась было задать еще вопрос, но в это время в прихожей раздался звонок. «За тобой пришли. Что будешь делать?» – взволновано спросила Рита. «Иди, сообщи им, что я уже отдыхаю и встречаться с кем-либо отказываюсь», – попросил Губанов жену и направился в спальную комнату. В это время раздалась повторная трель звонка.

Рита подошла к двери и приоткрыла ее. «Добрый вечер, Маргарита Михайловна! Извините за беспокойство в поздний час, но нам необходимо срочно встретиться с Алексеем Петровичем. Думаю, что и его интересы совпадают с нашими. Поэтому хотелось бы, чтобы он ненадолго принял нас», – произнес стоящий по ту сторону дверей Председатель Верховного Совета Украины Федорчук. «Не обижайся, Александр Васильевич, но Алексей Петрович плохо себя чувствует и категорически отказывается встречаться с кем бы то ни было. Очень сожалею, но помочь вам ничем не могу», – ответила Рита и закрыла перед самым носом хозяина Украины двери.

«Дрянь! Стерва! Взбалмошная бабенка! Ведет себя не как жена назначенного Президента, а как царица российской империи!» – зло высказался Федорчук и пошел на выход из спального корпуса. Вернувшись в президентский кабинет, он грузно опустился в кресло и уставшим голосом произнес: «Категорически отказывается встречаться. Даже разговаривать со мной не стал, а подослал жену. Не ломать же дверь в спальню и не арестовывать, чтобы донести до

его сведения требования ГКЧП? Какой-никакой, а он легитимный Президент страны. Нет, я не пойду на нарушение Конституции, и не буду применять силовые меры к ее гаранту. Пусть сами москали эту проблему решают. Они бучу народную затеяли, им и разгрести ее». После этих слов Федорчук поднялся из кресла и быстро пошел на выход из кабинета. Следом за ним удалился и руководитель Крымской области. «Да, видно, жарко становится членам ГКЧП, раз метаться во все стороны стали. А что меня ожидает в скором будущем, только сам бог знает», – подумал полковник Литвинов и посмотрел на генерала Рытова. Уловив душевное смятение начальника, тот предложил: «Может, Президенту смягчить условия домашнего ареста и вернуть ему правительственную связь?». Литвинов прореагировал почти мгновенно: «Ты, генерал, лучше меня знаешь, что приказы может отменять только тот, кто имеет право их выдавать. Поступит такой приказ из Москвы – я незамедлительно верну Президенту все отнятые у него привилегии. Сейчас пусть все остается, как есть». Рытов испытующим взглядом посмотрел на полковника и понял, что продолжать начатый разговор бессмысленно.

Глава одиннадцатая

Эту ночь, как и предыдущую, Губанов почти не спал. Он испробовал все средства и методы для успокоения нервной системы, но забитая до отказа разными мыслями голова заставляла вновь и вновь возвращаться к событиям последних дней. Только под утро в недрах клеток уставшего головного мозга появились робкие симптомы дремоты. Однако до крепкого и спокойного сна дело так и не дошло. В девять часов утра в спальную комнату заглянула жена и громко предупредила: «Алексей, пора вставать и готовиться к завтраку». «Через полчаса буду готов», – ответил Губанов и, не открывая глаз, перевернулся на спину. «Что преподнесет мне день грядущий? Неужели только тревожные ожидания и разочарования? А может, окажется благоприятным и даст надежду на нормальный исход задуманного мероприятия? Однако, как бы он не сложился, развязка ситуации уже не за горами», – невольно подумал Президент и стал нехотя вставать с постели.

Во время завтрака Алексей Петрович внимательно посмотрел на жену и ужаснулся произошедшим в ней изменениям. Ему показалось, что за эту ночь она постарела лет на десять. Потускневшие глаза, морщинистый лоб, бледная кожа и синие губы словно немым укором ему демонстративно господствовали на некогда красивом и здоровом лице Риты. Всегда приветливо улыбающаяся, позитивно настроенная, она сидела за столом вялая, хмурая и задумчивая. «Ты как себя чувствуешь? Не заболела? Может, врача пригласить после завтрака, пусть посмотрит тебя?» – с беспокойством в голосе спросил Губанов. «Не надо никого приглашать. Со мной все в порядке. Просто немного устала, поэтому не обращай на меня внимания», – короткими фразами ответила жена. «Как же я могу не обращать внимания на такую обаятельную женщину? По-твоему, я уже

и не мужчина?» – попробовал пошутить Алексей Петрович. «Не знаю. Я ничего не знаю о тебе нынешнем и не понимаю тебя», – словно во сне тихо произнесла Рита. Губанов испуганно покосился на жену, затем на внучку Наташу и, заметно нервничая, сказал: «Я всегда считал тебя сильным человеком, способным перенести любые трудности и невзгоды. Что случилось с тобой? Где твои рациональность, рассудительность и оптимизм? Да, в настоящее время мы испытываем душевный дискомфорт и моральную униженность, но это же еще не катастрофа. Придет время, и мы снова окажемся на отведенном судьбою месте. Ты вновь будешь себя чувствовать первой женщиной государства. Нельзя нам с тобой сейчас раскисать, Рита. Выкинь дурные мысли из головы, не рви свои и мои нервы понапрасну. Они еще пригодятся нам».

Второй день в изоляции тянулся намного медленнее, чем предыдущий. Чтобы сохранить выдержку и терпение и не потерять контроль над собой, Губанов почти через силу заставлял себя делать то, что хоть ненадолго отвлекало от дурных мыслей и предчувствий. Он почти два часа вместе с внучкой купался в бассейне, загорал на крыше резиденции, отгадывал кроссворды и ребусы в глянцевого журналов, читал, и даже умудрился уснуть. Но как только открыл глаза, туча предгрозового ожидания с головой накрыла его. «Только бы одним глазом посмотреть на происходящие события в Москве, и я бы понял, чем они закончатся. Сомневаюсь, что там уже все затихло. Если бы это было так, то Литвинов незамедлительно оповестил. По-видимому, не все так однозначно происходит в стране, если до сих пор меня держат в неведении. Ночной визит руководителей Украины только подтверждает это. Да, Алексей, заварил ты кашу! Как бы не пришлось самому ее и расхлебывать. Ты ведь своих соратников сознательно под удар подставил. Поэтому при любом исходе событий тебе с ними больше не по пути. Конечно, они не дураки и поймут твою роль в их судьбе. Только вот апеллировать не к кому будет, так как сами свою шею в петлю подставили», – мысленно разговаривал Президент сам с собой.

Обедал на этот раз Губанов вдвоем с внучкой. Рита, сославшись на легкое недомогание, выпила стакан компота и ушла в спальную комнату. Алексей Петрович хотел было остановить ее, но, осознавая тяжесть моральной усталости жены, передумал: «Пусть немного отдохнет и успокоится. Кто знает, что ждет нас в ближайшее время, и какие еще испытания нам уготовила судьба?».

После обеденного отдыха Президент решил навестить своего помощника и офицеров специального назначения. Ему хотелось прочувствовать их настроение и моральное состояние, которым он придавал большое значение. Первыми на его пути были апартаменты офицеров. Оказавшись внутри, Алексей Петрович поздоровался с хранителями самого главного пульта ядерной

державы, провел с ними короткую беседу на злободневную тему и, оценив их душевное равновесие, пошел дальше. Однако, Силина в номере он не застал. «Наверное, в бильярдной шары с кем-нибудь гоняет. Любит Николай это занятие», – решил Президент и направился на выход из резиденции.

Оказавшись на улице, Алексей Петрович тихо побрел в сторону набережной. Ему захотелось постоять на пирсе и насладиться мирным шепотом морского прибоя. Однако, его желанию не суждено было сбыться. Метров за двадцать до спуска на пляж на его пути неожиданно возник крепкий молодой человек в гражданской одежде. «Извините, но дальше проходить нельзя», – ровным голосом предупредил он. «Почему?» – непроизвольно вырвалось у Президента. «Потому, что на территории резиденции действует особый режим перемещения», – спокойно ответил молодой человек. «Для всех?» – спросил ради любопытства Губанов. «Для всех. В том числе и для вас, товарищ Президент», – не задумываясь, проинформировал охранник. Поняв, что дальнейшая полемика бесполезна, Алексей Петрович повернулся в сторону моря и стал вглядываться в его просторы. «Какая красота! Какая духовная сила заложена! Только здесь человек может до конца себя чувствовать счастливым и безмятежным!» – в очередной раз восхитился окружающим ландшафтом Президент. Немного погодя у него появилось ощущение, что в природной декорации чего-то не хватает. «А где сторожевик? Почему он покинул свое привычное место? Неужели меня уже списали со счета и поэтому охрану со стороны моря сняли? Не может быть такого! А наличие у меня ядерного чемодана их тоже не волнует? Видно нешуточные страсти разыгрались в Москве, если о государственной безопасности забыли. Нет, здесь что-то не то. Необходимо срочно принимать меры. Что я могу сделать в данный момент? Информации из Москвы и связи с ней нет, от контактов с руководством Украины я отказался, территорию резиденции мне покинуть не позволят, да и за ее пределами меня никто не ждет. Я добровольно себя замуровал в этом крымском уголке. Может, воспользоваться связью, которой располагает Рытов? Но кому звонить и с кем разговаривать? Да, ситуация... Хуже некуда!» – металась в голове Президента мысли в поиске выхода из создавшегося очень опасного положения. Постояв еще минут десять в раздумьях, Алексей Петрович вдруг резко повернулся и быстро зашагал в сторону резиденции.

Полковника Литвинова и генерала Рытова он нашел в своем рабочем кабинете. Те сидели за столом напротив друг друга и оживленно о чем-то разговаривали. При появлении Президента они мгновенно прекратили дискуссию, вскочили со стульев и вопросительно уставились на него. «Вы в курсе, что водную акваторию, прилегающую к резиденции, покинул военный корабль, несший службу по охране моей безопасности, как Президента?» – глядя на полковника, спросил Губанов. «Да. Меня заранее предупредили об этом», – ответил Литви-

нов. «Этим самым они не только мою, но и безопасность всей страны поставили под угрозу! Неужели эти вояки настолько отупели, что не дают отчета поступкам? Главную кнопку кода, позволяющую запускать баллистические ракеты с ядерными боеголовками, оставили в полной незащищенности! Это же оборонный щит СССР, который десятки лет сдерживал некоторые страны от нападения на нас! Немедленно свяжись с Зацепиным и проинформируй его о моем возмущении. Действуй, полковник! Промедление смерти подобно!» – в резкой форме приказал Президент и, не дожидаясь реакции Литвинова, вышел из кабинета.

Оказавшись вновь в тенистом парке, Президент направился к летней беседке, где уже находились жена и внучка. «У тебя почему такое бледное лицо? В Москве что-то страшное произошло?» – взволнованным голосом спросила Рита. «Я не знаю, что там творится, но если судить по поступкам моих бывших соратников, дела у них идут не очень хорошо», – ответил Президент. «О каких поступках ты говоришь? Ты же сам сказал, что не знаешь ничего о происходящих в Москве событиях», – не отставала Рита. «О том, что в столице происходит, не знаю, а что происходит рядом с нами – вижу», – уклончиво ответил Алексей Петрович. «Что же ты видишь? Новые лица охранников? Так это и неудивительно. Новый начальник службы охраны привез их с собой. Других изменений я что-то не наблюдаю», – с иронией в голосе произнесла Рита. «Военный сторожевой корабль снялся с якоря и ушел в неизвестном направлении», – сообщил Президент. «Что из этого следует? Тебе какое дело до этого корабля? С его уходом наша изоляция не закончилась, а это значит, что у твоих бывших коллег дела идут неплохо. Так что, товарищ Президент в изгнании, надеяться на окончание кошмара нам еще рано. Думаю, что самые страшные испытания нас ждут впереди», – пророчески заявила жена. Губанов с удивлением посмотрел на Риту, сел на лавку рядом с внучкой и обнял ее за плечи. «Дед, скоро мне разрешат купаться в море? В бассейне уже неинтересно стало барахтаться», – капризно надув губки, спросила Наташа. «Скоро. Думаю, что через два дня вы с бабушкой вновь будете загорать на морском песке и плавать до буя», – твердым голосом, пообещал Алексей Петрович.

До ужина они пробыли вместе. Сидели в тенистой беседке, бродили по аллеям парка, кормили с рук белок и вели разговоры на любые темы, кроме той, которая непременно могла испортить всем настроение. Даже Рита вначале настороженно, затем уверенней увлеклась этим мероприятием. Но, подходя к жилому комплексу резиденции и заметив сотрудника охраны, она напряглась, глаза потускнели, а на шее набухли вены. «Как тяжело Рита переносит сложившуюся ситуацию! Главное, чтобы у нее не произошел психологический срыв и не появилось нервное заболевание», – подумал Алексей Петрович, почувствовав изменения в настроении жены.

Чем дольше Губанов находился без информации о политических событиях, происходящих в стране, тем сильнее на его мозг давили тяжелые мысли и мрачные предчувствия. Он с трудом подавлял желание немедленно приступить к поиску путей возвращения в Москву. Понимание того, что «представление» зашло очень далеко и точка возврата пройдена, сдерживало эти порывы. «При любом раскладе развития ситуации в стране все члены ГКЧП окажутся политическими и моральными трупами. Они это хорошо понимают. Поэтому выходить с ними на контакт бессмысленно и опасно. Но так же опасно находиться долго и в изоляции. Если оппозиция во главе с Казистовым победит, то стране придется испытать тяжелейшие потрясения. У этой публики полностью отсутствуют тормоза и понимание грани дозволенного. Даже страшно представить, чем для СССР может закончиться этот политический хаос, если я вовремя не окажусь в Москве и не возьму ситуацию под свой контроль. Однако это время можно и не уловить. Вот тогда и наступят для меня самые страшные испытания, о которых говорила Рита. Поэтому необходимо приступить к реальным действиям и возвращаться к прямым обязанностям Президента страны. И начну я завтрашний день со звонка Казистову», – принял важное решение Президент во время вечерней прогулки по парку. Занятый тяжелыми размышлениями о критической ситуации в стране и о негативной роли тех, кто довел ее до такого состояния, он даже мысли не допускал, что главным виновником всего происходящего является он сам. Поднявшись на самый верх пирамиды политической и государственной власти не в результате открытой борьбы с соперниками или особым дарованиям ума, интеллекта и работоспособности, а благодаря стечению обстоятельств, особому чутью и виртуозному владению правилами подковерных интриг, Губанов считал себя исключительной личностью, стратегом, обладающим даром предвидения и человеком, стоящим вне критики. Он категорически не мог терпеть рядом с собой людей старой, большевистской закваски и панически боялся окружать себя умными и грамотными заместителями. Лозунг – «Чем человек серее, тем ярче горит моя звезда», был главным постулатом в его кадровой работе. Поэтому неудивительно, что эти люди, получив возможность взять власть в свои руки, не стали утруждать себя юридическими процедурами и активно включились в борьбу с собственным народом, тем самым невольно исполняя роль злодеев в его постановке.

Глава двенадцатая

В этот вечер Алексей Петрович удалился в комнату отдыха раньше обычного и попробовал задремать. Уставший мозг, натянутые, как струны, нервы, опасения за состояние здоровья жены не способствовали физическому расслаблению и появлению сна. Больше двух часов Президент ворочался в кровати, иногда тяжело вздыхал, шепотом произносил какие-то слова, но успокоение так и не пришло к нему. Не выдержав атак нахлынувших воспоминаний, размышлений и мрачных предчувствий, он тихо поднялся, прошел в столовую, достал из комода графин, наполненный водкой, и вернулся в свою комнату. «Надо было рюмку и закуску захватить из столовой. Ладно, обойдусь тем, что есть под рукой», – машинально подумал Алексей Петрович, взял с прикроватной тумбочки стакан из тонкого стекла, вылил в цветочный горшок остатки минеральной воды и, сняв крышку с графина, налил водку. Раздумывать о дальнейших действиях Президент долго не стал. И, будучи не любителем зеленого змия, без всяких осложнений выпил содержимое в стакане до дна. Оказавшись внутри, водка вызвала судорожный озноб и заставила тело вздрогнуть, но затем, плавно перемещаясь по пищеводу, стала вызывать в организме теплоту и желанное успокоение. Минут через десять Президент процедуру повторил. Подождав, когда и эта доза осуществит действие, Алексей Петрович улыбнулся и произнес: «В одиночку! Ночью! Без закусочки! Да это же почти подвиг для меня!». Немного помолчав, добавил: «Бог любит троицу и меня. Не буду я ему настроение портить своими проблемами». Третья доза шла уже как по маслу. Минут через двадцать нервы у Президента стали постепенно ослабевать, мозг обволакиваться туманом благодущия, в глазах появились искры хорошего настроения

и уверенности. «Ну вот, сейчас другое дело! Теперь я обязательно усну», – произнес Президент и лег на кровать.

Но его мечтам не суждено было сбыться. Не прошло и часа, как сквозь пелену спокойного сна стал пробиваться рокот двигателя вертолета, совершавшего посадку на площадку, оборудованную в прибрежной зоне парка. А еще минут через двадцать вначале робко, а затем настойчиво задребезжал входной звонок. С трудом проснувшись, Алексей Петрович в недоумении открыл глаза и, чтобы повторная трель не подняла на ноги Риту, быстро надел халат и подошел к двери. Не заглядывая в дверной глазок, он глухим голосом спросил: «Кто там?». «Алексей Петрович, это я вас беспокою. Из Москвы прибыли Полуянов и Толстых, хотят с вами встретиться», – послышался на другой стороне голос генерала Рытова. «Где они сейчас?» – уточнил Президент. «В вашем кабинете ждут», – ответил генерал. «Хорошо. Минут через двадцать я приду к ним», – пообещал Губанов и отошел от двери.

«Примчались, голубчики! Видно очень плохи ваши дела, раз ночью пожаловали ко мне. Ну что же, продолжу исполнять роль обиженного царя. Пойду послушаю этих стратегов политических переворотов. Может, что и новое услышу», – размышлял Алексей Петрович, переодеваясь. «Ты куда в такой ранний час направляешься? Кто за тобой приходил? Что-то случилось?» – услышал Президент встревоженный голос жены. «Разбудил все-таки», – произнес с сожалением он и, посмотрев на Риту, стоящую в проеме дверей, ответил: «Полуянов с Толстых прибыли. Просят встретиться с ними». «Зачем?» – спросила жена. «Не знаю, но думаю, что будут уговаривать вернуться в Москву», – хитро улыбнулся Губанов. «А если они приехали, чтобы объявить о твоей отставке и забрать ядерный чемодан?» – не успокаивалась Рита. «Все может быть. Поэтому, чтобы не гадать, я должен получить информацию из уст бывших соратников. А что с ней дальше делать и как поступать, буду решать по ходу разговора», – ответил Президент и, поцеловав жену, вышел в коридор. «Алексей, умоляю тебя, прими правильное решение. Я устала находиться в изоляции и непредсказуемости. Не забывай этого», – как заклинание, тихо произнесла слова напутствия жена. Губанов остановился, повернулся к Рите и уверенно ответил: «Скоро все закончится. Верь мне».

В кабинете Губанов появился со спокойным, словно каменным лицом, не произнося слов приветствия, уверенно прошел мимо прибывших из Москвы к рабочему столу и опустил в кресло. На некоторое время в помещении наступила гробовая тишина. Наконец насмешливо посмотрев в сторону бывших соратников, он спросил: «Ну и какие государственные дела вас заставили ночью добираться сюда? Неужели только для того, чтобы сообщить новость о моей

тяжелой болезни? Или у вас есть другие важные инициативы, которые необходимо согласовать с законным Президентом СССР?» Выслушав ядовитые вопросы Губанова, Толстых выразительно посмотрел на бывшего и настоящего начальников охраны Президента и, как только те покинули кабинет, произнес: «Алексей Петрович, мы хорошо понимаем, что у тебя есть весомый повод обижаться на нас и считать нас предателями. Но политическая ситуация в стране такова, что уже в ближайшее время может выйти из-под контроля. Мы даже не исключаем начало гражданской войны. А это – море пролитой крови. Поэтому убедительно просим откинуть на время все обиды и вместе с нами вылететь в Москву. Свою вину и ответственность перед страной мы полностью осознаем и готовы понести любое наказание. Только не сейчас, когда необходимо срочно спасать государство». «С каких это пор в вас стало просыпаться чувство ответственности перед страной? В последнее время ваша энергия была направлена только на то, чтобы ослабить мою власть, скомпрометировать партию и развалить государство. Вместо сплоченности перед надвигающейся угрозой вы сеяли страх, смуту и раздор. Но и этого вам показалось мало. Вам захотелось освободиться от меня и любым, даже обманным способом взять штурвал страны в свои руки. Ну раз взяли его, так рулите. Что вам еще надо? Нет, дорогие соратники, вы первыми отказались от меня и объявили вне закона. Поэтому с вами я никуда не полечу. Сами заварили кашу, сами ее и ешьте, а мне с вами не по пути», – категорически заявил Президент. «Алексей, ты не можешь, не имеешь права оставлять страну и народ в столь критический момент. Толпы людей накалены до предела, местами бунтуют и требуют радикальных политических перемен. Наведение конституционного порядка ограниченными силами армейских подразделений пока не увенчалось успехом. А усиливать их внутренними войсками Министр внутренних дел категорически отказался. Не выполняют приказ своего председателя и специальные подразделения КГБ, объясняя, что создавались не для борьбы со своим народом. Поэтому только ты как легитимный руководитель государства и коммунистической партии сможешь остановить скатывание страны в пропасть», – попробовал убедить Губанова Полуянов. «Ты к чему меня призываешь? Чтобы я вернулся в Москву и возглавил государственный переворот!? Вы чем и о чем думали, когда решались на отстранение меня от должности и объявление в стране чрезвычайного положения? Надеялись, что народ танков испугается и разбежится по домам? А когда поняли, что советские люди готовы умереть за правду, испугались и за мной помчались? Так что, дорогие «путчисты», продолжать с вами разговор я не хочу, да и не о чем нам говорить!» – четко ответил Президент, встал и, не прощаясь, пошел на выход. «Опомнись, Алексей! Ты не имеешь морального права поступать так!» – вскрикнул Геннадий Семенович. Но было поздно. За товарищем студенческой поры с шумом закрылась тяжелая дверь

кабинета. «Предатель!» – прошептал Председатель Верховного Совета СССР и посмотрел на Председателя Советского Правительства. «Ну, что дальше будем делать? Не в наручниках же его доставлять в Москву? Для этого, как минимум, должна быть санкция генерального прокурора. Да, Геннадий Семенович, по самые уши мы вляпались в дерьмо! Не отмываться теперь до конца жизни. Да и после смерти нашим костям не будет покоя», – с грустью в голосе произнес Толстых. «Скоро утро настанет. Ждать положительного решения от Губанова бесполезно. Надо возвращаться в Москву», – высказал свое мнение Полуянов и, не дожидаясь Толстых, пошел на выход из кабинета.

На протяжении обратного пути до Москвы в вертолете и самолете Полуянов в основном молчал. Мозг этого уже немолодого человека был загружен до предела. Мрачные мысли пчелиным роем будоражили сознание. «Какой я дурак, что повелся на предложение Губанова участвовать в его спектакле. Я же его знаю более сорока лет! Сколько товарищей он за это время оттолкнул от себя или перешагнул через них ради личной карьеры. Для него только власть над людьми имеет цену! Сами люди никогда не интересовали. Как же он меня подставил! А я по своей интеллигентной наивности поверил ему и других товарищей втянул в политическую авантюру. Как мне теперь объяснять им свою роль в этом ужасном спектакле? Чем он вообще может закончиться для нас? Легким испугом или тюремным заключением? Скорее всего, последним вариантом. Алексей снова выйдет сухим из воды. По лицу было видно, что он ищет пути, которые позволят ему преподнести себя народу в качестве жертвы заговора и вновь стать национальным героем. С каким же подонком я на протяжении десятилетий дружил! Он не только меня, страну и народ продаст на поругание врагу, и не моргнет. Страшный человек! Да я и сам хорош! Знал, что партию возглавляет не настоящий большевик, а оборотень, и не бил тревогу! Боялся потерять важный пост, моральное и материальное благополучие. А это значит, что и сам я уже не убежденный коммунист, а партийный хлюпик и обыкновенный карьерист. Единственное, что меня может успокоить, это то, что я никогда и никого не предавал», – размышлял Полуянов. Немного погодя, зло выдохнул: «Зато сейчас, на склоне лет, оказался в роли предателя! Спасибо, студенческий товарищ, за отведенную мне роль!».

Глава тринадцатая

Вернувшийся после нервной беседы с бывшими соратниками в апартаменты, Алексей Петрович застал жену в своей спальне. Рита скорбными, заплаканными глазами посмотрела на мужа и вновь спросила: «Зачем они прилетали?». «Уговаривали меня вернуться в Москву», – коротко ответил муж. «Что ты решил?». «Остаться здесь». «Почему? Ты боишься, что они тебя арестуют и посадят в тюрьму?» – спросила Рита. «Нет. Другая причина. Ты о ней скоро узнаешь», – ответил Алексей Петрович. «Я совсем перестала понимать происходящее в стране. Два дня назад эти люди объявили тебя тяжелобольным человеком, изолировали от всего мира и забрали государственную власть в свои руки, а сегодня ночью они прилетают к тебе в резиденцию и просят вернуться в Москву. Вроде взрослые все, а ведете себя как дети. Чувствует мое сердце – не доведут до добра эти игры. Кончится все плохо не только для вас, но и для государства в целом. Тебе сейчас необходимо быть в Москве, а не обиженным прикидываться и в крымской резиденции ждать, когда кто-то потушит политический пожар. Ты же Президент, и в том, что сейчас происходит в стране, твоя вина есть», – ровным голосом высказалась Рита и добавила: «Алексей, лети с ними. За нас не беспокойся. Мы с Наташкой одни не пропадем». Слова жены острым лезвием прошлись по самолюбию Губанова. Он с удивлением взглянул на Риту и, с трудом сдерживая себя, ответил: «Тебе и не обязательно понимать все, что происходит в стране, а я не обязан обсуждать с тобой дела государственной важности. Если в настоящее время не до конца откровенен с тобой – значит, на это есть веская причина. Ты – моя жена, а не политбюро ЦК КПСС или съезд народных депутатов, перед которыми я подотчетен по конституции. Поэтому

я сам приму решение, когда возвращаться в Москву и приступать к исполнению служебных обязанностей главы государства». Резкий ответ мужа неприятно зацепил Риту, которая свою жизнь посвятила ему и успешному развитию его карьеры. Она считала, и не без основания, что во всем, чего достиг муж, есть и ее доля. Чтобы не увязать глубже в неприятный разговор и не усложнять взаимоотношения, Рита тихим, примирительным голосом предложила: «Давай, Алексей, прекратим выяснять отношения. Ни к чему хорошему это не приведет. Лучше время, которое осталась до завтрака, используем для отдыха. Нервы у обоих до предела напряжены, и их необходимо успокоить». Не ожидавший от жены такой скорой капитуляции, Губанов с тревогой посмотрел на нее, но, не заметив в глазах привычных для последнего времени слез, согласно кивнул головой и пошел в спальню.

Уснул он почти сразу, как только голова оказалась на большой пуховой подушке. Президент даже не слышал рокота взлетающего вертолета, поднимающего в своем брюхе разочарованных невыполненной миссией ночных визитеров. Видно его мозг настолько устал за последние дни, что уже не мог или не хотел заниматься переработкой новой информации.

Проснулся Алексей Петрович в двенадцатом часу в хорошем расположении духа. Он попытался понять, что придало ему прилив бодрости и восстановило душевное равновесие, но как ни напрягал сознание, явной причины не вспомнил. «Наверное, просто выспался хорошо», – подумал Губанов и с удовольствием потянулся всем телом. В спальню вошла Рита и почти с порога заявила: «Все рекорды продолжительности сна побил. Пора вставать, дорогой. К тебе уже дважды Силин пробовал прорваться, но я его не пускала. Не знаю, какие у него к тебе вопросы, но его возбужденный вид наводит меня на мрачные мысли». «А вот мои мысли подсказывают обратное. Наверяд ли помощник стал бы сильно спешить сообщать мне плохие новости. Думаю, что у него для меня есть хорошая информация. Ладно, гадать не будем, скоро все от него узнаю», – произнес Губанов и поднялся с кровати.

В личных апартаментах Президента Силин появился минут через двадцать после того, как Губанов завершил легкий завтрак. Поздоровавшись, он сделал загадочный вид и сообщил: «Алексей Петрович, резиденция полностью осталась без охраны. Сегодня, в шесть утра, Литвинов посадил в автобус всех своих подчиненных и вместе с ними выехал с территории резиденции в неизвестном направлении». «А Рытов где?» – машинально спросил Президент. «Он с ними уехал», – коротко ответил помощник. Неожиданная информация, полученная от помощника, вновь включила мозги Президента в интенсивную работу. «А сторожевой корабль не вернулся на прежнее место?» – поинтере-

совался Губанов. «Пока не видно. Может, позже подойдет», – неопределенно ответил Силин. «Странно. Очень странно. Что задумали эти кретины? Неужели решили взять меня на испуг? А может, создали условия для моего физического уничтожения? В такой агонии, в какой сейчас находятся, они могут пойти на любое преступление. Дурные предчувствия вновь Риту не подвели. Что делать? Не сидеть же сложа руки и ждать гибели? Да, задали вы мне задачу с многими неизвестными, товарищи дорогие! Придется очень сильно поломать голову над ее решением», – подумал Президент, а вслух спросил: «Связь не заработала?». «В жилых апартаментах и в дежурной комнате охраны телефоны молчат. В вашем кабинете я не проверял», – ответил Силин. «Понятно. Значит, условия домашнего ареста остаются, а свобода передвижения возвращается. Подозрительно все это, Николай Иванович. Но панике поддаваться не будем. Необходимо думать, как из этой ситуации выйти достойно. Ты пока иди к себе и особо не откровенничай ни с кем. Я постараюсь принять решение по урегулированию этого вопроса», – посоветовал помощнику Президент. «Алексей Петрович, обслуживающий персонал просит разрешить на некоторое время покинуть территорию резиденции, чтобы навестить близких. Эти люди, также как и мы, трое суток находились на осадном положении. Некоторые родственники не на шутку испуганы их изоляцией и готовы пойти на самые радикальные меры», – сообщил Силин. «Я думаю, что люди правы в своем требовании. Поэтому возражать не буду, если они на некоторое время покинут резиденцию. Но смотри, чтобы это негативно не отразилось на условиях нашего пребывания здесь. Надеюсь, что ты понял, о чем я говорю?» – спросил Губанов. «Конечно, понял», – подтвердил Силин и вышел из президентских апартаментов.

«С какими проблемами приходил помощник? Наверное, жаловался на свою незавидную долю?» – съехидничала Рита, когда Алексей Петрович зашел в ее комнату. «Силин сообщил об отбытии с территории резиденции начальников службы охраны и их подчиненных. А также передал просьбу обслуживающего персонала по поводу посещения ими своих близких», – спокойно ответил Губанов. «О том, что вся охрана вместе со своими командирами рано утром покинула резиденцию, я и без Силина знала. Своими глазами видела, как они в спешном порядке сели в автобус и выехали с территории. Но вот почему и зачем это сделали, понять пока не могу. И, естественно, меня такая неизвестность очень пугает. Может, ты знаешь причину столь неожиданного отъезда своих телохранителей?» – спросила Рита. «Пока нет. Однако надеюсь, что уже скоро все разъяснится. Поэтому прошу вас с Натальей сегодня в парк не выходить», – предупредил Губанов жену и направился к выходу.

Оказавшись на улице, Президент некоторое время раздумывал, в какую сторону ему податься. «Может, в кабинет заглянуть? Вдруг там прямая связь с

Москвой включена? Должны же они мне какие-то варианты предлагать, чтобы заставить вступить с ними в переговоры. Нет, с этим я торопиться не буду. Вначале обследую обстановку в парке и на набережной, а уж потом решу, что мне дальше делать», – определился он и медленно зашагал по аллее парка к морю.

Непривычная обстановка, которая заключалась в отсутствии наружного наблюдения, и мягкий теплый ветерок, заставляющий слабо трепетать листья на деревьях, успокаивающе действовали на нервы Алексея Петровича и помогли голове эффективней работать. Углубившись в раздумья, он незаметно для себя оказался на набережной, прошелся по пирсу, спустился на пляж и остановился у самого уреза воды. Невысокие волны, похожие на ребра стиральной доски, лениво наплывали на песок и также лениво возвращались назад. Неожиданно одна из очередных волн оказалась повыше своих сестер и накрыла ноги Президента пенистой прохладой. Он встрепенулся, быстро отступил на несколько шагов вглубь пляжа и тихо произнес: «Море не только ласковым бывает, но иногда и зло от него исходит. Что мне на сей раз от него ждать? Триумф и победу, или горе и разочарование? Поживем – увидим».

Пробыв на пляже почти час, Президент поднялся на пирс и направился в сторону резиденции. Изредка поглядывая по сторонам, он не нашел ни единого предмета, который вызывал бы подозрение. «Непонятно, зачем им этот демарш понадобился? Может, их ночной визит был последней попыткой не страну спасти, а себя? А когда это не получилось, решили взять меня на испуг? Скорее всего именно так и есть», – мелькнула в голове Губанова догадка. Чтобы подтвердить ее, он решил заглянуть в свой рабочий кабинет в надежде обнаружить там восстановленную связь. Но случилась непредвиденная осечка. Мощные дубовые двери были закрыты на внутренний замок, ключи от которого он три дня назад отдал Литвинову. «У коменданта обязательно должен быть запасной ключ. Поручу Силину заняться этой проблемой», – решил Президент и пошел искать своего помощника. И здесь Алексея Петровича поджидало разочарование. Как только Силин услышал от Президента поручение, слабым голосом произнес: «Алексей Петрович, а комендант вместе со всем обслуживающим персоналом покинули резиденцию». «Он-то куда направился? У него же все родственники в Москве проживают», – раздраженным голосом спросил Президент. «Наверное, к сыну в Севастополь уехал. Он у него в высшем военно-морском училище учится», – ответил Силин. «Как только вернется, сразу направь его ко мне», – выдал установку Губанов и с укором посмотрел на помощника.

Возвращаясь по коридору в свои апартаменты, Президент остановился напротив номера, где находилась группа офицеров особого назначения, и нажал кнопку звонка. После минутной задержки дверь распахнулась, и в ее

проеме появился капитан первого ранга. «Здравия желаю, товарищ главнокомандующий!» – поприветствовал он Президента и принял выжидательную стойку. «Решил узнать, как вы себя чувствуете в связи с непривычными условиями несения службы?» – поинтересовался Губанов. «Настроение у офицеров нормальное. Внештатной ситуации не ощущаем», – коротко ответил капитан первого ранга. «Ну вот и хорошо. Я думаю, что скоро неопределенность в вашем положении закончится», – пообещал Президент и, не прощаясь, пошел дальше. «Мне бы такие стальные нервы, как у этого офицера! Словно робот, а не человек. Неужели он не испытывает хоть чуточку страха перед неизвестностью? А, собственно, какая ему разница, кто в стране придет к власти и в чьи руки передавать ядерный чемодан. Для него главное, чтобы происходило это на законном основании и согласно конституционным нормам. Этот служака точно знает, что покуситься на их жизнь может только безумец, неведающий того, что при любых обстоятельствах он никогда своей рукой не притронется к ядерной кнопке», – не то с восхищением, не то с сожалением размышлял Президент, подходя к апартаментам.

Глава четырнадцатая

Прошло больше трех часов после того, как Губанов поручил Силину разыскать коменданта и направить к нему. Но к удивлению Президента, ни помощник, ни сам комендант до сих пор не появились. Сидя за обеденным столом, он нервно постукивал пальцем о его край и невольно размышлял: «Что там с ними могло произойти? Неужели комендант решил заночевать в Севастополе? Совсем дисциплина расшаталась. Не нравится мне все это. Не сбежали же они вдвоем от меня? Нет, здесь что-то не то. Придется еще немного подождать, а потом принимать меры. Но что я могу сделать без связи и информации? Какая на данный момент обстановка в стране? На кого опереться? Кто может меня официально вернуть в Москву? Не добираться же мне, как вору, до столицы на попутном транспорте». «Алексей, ты вновь ничего не ешь. Так продолжаться дальше не может. Я надеюсь, что ты не умирать собираешься, а на борьбу настраиваешься. Какой из тебя боец, если кушать перестал. Внучка и та тебя одолеет», – услышал он насмешливый голос Риты. Губанов непонимающим взглядом посмотрел на жену, поднялся из-за стола и вышел на улицу. Побродив по центральной аллее, зашел в летнюю беседку и опустился в кресло-качалку.

«Заканчивается третий день моей добровольной изоляции, который принес больше вопросов, чем ответов. Как мне понимать отъезд службы охраны – поражением ГКЧП или российской оппозиции во главе с Казистовым? Если первый вариант, то почему мои соратники до сих пор информационную блокаду с резиденции не сняли? Боятся, что я увижу, насколько плохо у них дела складывается? Скорее всего, так оно и есть. Значит, все-таки российская оппозиция верх одерживает? Но захочет ли она меня вывезти отсюда и в даль-

нейшем вести со мной дела как с Президентом страны? Казистов спит и видит мое окончательное падение и свое возвеличивание. Он на все пойдет ради этого, и даже на развал СССР. Необходимо срочно возвращаться в Москву! Где комендант до сих пор болтается? Неужели ему непонятно, что не самое удачное время он выбрал для поездки к сыну? Мне сейчас позарез нужна связь, чтобы взбудоражить мировое сообщество, привлечь к себе внимание и заставить Казистова направить за мной самолет. Что дальше делать – я твердо знаю. Сдам членов ГКЧП и их пособников правосудию, на их должности назначу преданных людей, подпишу с главами Советских Республик договор о содружестве и заставлю зарвавшихся деятелей уважать конституцию страны», – медленно покачиваясь в кресле, размышлял Президент СССР.

Силина Губанов заметил только тогда, когда тот оказался в беседке. «Алексей Петрович, я извиняюсь за задержку исполнения указания, но комендант на территории резиденции появился только пять минут назад и ждет у вашего кабинета», – робко доложил помощник. Президент жестко посмотрел на него, поднялся с кресла-качалки, вышел из беседки и энергично зашагал в сторону резиденции. Подойдя к своему кабинету, он нехотя поздоровался с комендантом и приказал: «Открывай!». Но к великому разочарованию Губанова, и в кабинете его поджидала неудача. Молчал не только прямой телефон, но и два других не издавали звуки. «Почему до сих пор не работает связь? Ты узнал причину, по какой она отсутствует? Кто ее отключил?» – не выдержал напряжения Президент и со злостью в голосе стал задавать вопросы коменданту. Тот испуганно, как затравленный хорек, смотрел на Алексея Петровича и не мог произнести ни слова. «На восстановление связи даю час. В противном случае я буду вынужден уволить тебя с работы», – выдал грозную установку коменданту Губанов и вышел из кабинета.

«Все, Николай Иванович, я пропал! Прямой телефон отключен военными связистами по приказу председателя КГБ, а простая связь – по указанию руководства Украины. Что мне делать? Как объяснить Президенту о невозможности исполнения его поручения? Может, вы мне посодаетствуете в этом?» – заискивающим голосом спросил комендант. «Ты сегодня смотрел телевизор?» – вместо ответа задал вопрос помощник. От неожиданности комендант даже растерялся. Но, взяв себя в руки, ответил: «Краем глаза удалось посмотреть новости, пока с сыном в дежурной комнате разговаривал». «Что хорошее увидел? Какие события в нашей стране и мире происходят?» – поинтересовался Николай Иванович. «Непонятные и очень мутные. Москва кипит от гнева возмущенной толпы, милиция попряталась, а военная техника стоит среди бунтующих масс и бездействует. Раза два на экране появлялись члены ГКЧП, но ничего утешительного не сказали. В общем, все идет к тому, что народ их

сметет», – сообщил комендант. «А в Севастополе что по этому поводу горожане говорят? Кого поддерживают?» – допытывался помощник Президента. «Разные разговоры ведутся. Есть сторонники ГКЧП, много людей поддерживают новую российскую власть, а есть и такие, которые во всех бедах винят Президента. Они ставят в вину ему то, что в самый ответственный момент в жизни страны он уехал отдыхать», – откровенно высказался комендант. «Да! Это уже серьезная информация», – произнес задумчиво Николай Иванович, встрепенувшись, добавил: «Я понимаю, что тебе не решить проблему связи, поэтому постарайся сегодня не попадать на глаза Президенту. Я как-нибудь прикрою тебя». «Спасибо, Николай Иванович, я буду очень тебе признателен», – ответил комендант и спросил: «Может, телевизор в кабинет Президента поставить? Он хоть и автомобильный, но показывает хорошо». «Неплохая идея. Как он у тебя сохранился?» – спросил, улыбаясь, Силин. В багажнике аварийной «Волги» спрятан был», – откровенно ответил комендант. «А телевизоры, которые изъяли, где хранятся?» – спросил на всякий случай помощник Президента. «Их увезли сотрудники Украинского КГБ. Где они сейчас – не знаю», – поведал комендант президентской резиденции. «Ну ладно, тогда устанавливай автомобильный телевизор, а я схожу к Президенту и проинформирую его о нашем разговоре», – распорядился Силин, и они вышли из кабинета.

Информацию о политическом состоянии в стране Президент выслушал спокойно, даже вяло. Но когда помощник сообщил о наличии у коменданта автомобильного телевизора, Губанов встрепенулся, с любопытством посмотрел на Силина и спросил: «Он может принимать передачи из Москвы?». «Думаю, что сможет, если подключиться к индивидуальной антенне», – ответил помощник. «Ну так иди, Николай Иванович, займись решением этой проблемы», – произнес взбодрившийся Губанов. А когда помощник вышел из апартаментов, взял на книжной полке рабочую тетрадь и, примостившись на краю дивана, стал быстро в нее что-то записывать.

Глава пятнадцатая

С мастерить индивидуальную антенну, которая позволила бы получать изображение с центрального телевидения, оказалось непросто. Промучившись с ней часа два, Николай Иванович и комендант отказались от этой идеи и решили довольствоваться тем, что получилось. Но, как оказалось, и этого было достаточно, чтобы сделать вывод о творящемся хаосе по всей стране. «Я пошел докладывать Президенту, а ты займись своими прямыми обязанностями. Я думаю, что сегодня ты уже больше не потребуешься Губанову», – улыбнулся Силин и выключил телевизор.

Президента он застал в столовой комнате в окружении всех членов семьи. Но не успел открыть рот, чтобы сообщить о готовности телевизора, как его перебил Губанов: «Николай Иванович, после ужина я собираюсь поработать в кабинете, поэтому хотелось бы, чтобы и ты ко мне присоединился». «Хорошо, Алексей Петрович, я буду ждать вас там», – ответил помощник и покинул столовую. «Бойтся, что жена с внучкой увяжутся за ним, если узнают о телевизоре», – сделал вывод Силин.

В рабочем кабинете Президент появился минут через двадцать и сразу уставился в экран. В своей жизни он вряд ли так внимательно и придирчиво всматривался в картинки и вслушивался в голоса людей, мелькающих на экране, как в этот раз. Иногда Президент выкрикивал короткие комментарии очередному сюжету, иногда произносил отдельные фразы, но в основном – молчал. Сдержанно вел себя и Силин. Он боялся неосторожным поведением навлечь на себя гнев Губанова. Николай Иванович знал взрывной характер «патрона», поэтому терпеливо ждал момента, когда тот обратится к нему сам.

Но прошли два часа просмотра передач, а Губанов так и не отрывал взора от телевизора. В какой-то момент Силину показалось, что Президент уже не видит происходящее на экране, а ушел глубоко в раздумья, понятные только ему. «Вот что, Николай Иванович, если до утра в нашем положении не произойдут никакие изменения, то тебе придется добраться до первого попавшегося телефонного узла и выйти на связь с руководством Российской Федерации. Текст разговора я тебе подготовлю. А сейчас – оставь меня одного, хочу проанализировать увиденное и услышанное», – попросил Президент.

«Все! Сомнений не осталось. Первый акт в моей пьесе закончился неудачно, пора переходить ко второму. Теперь необходимо вести себя очень осторожно и осмотрительно, чтобы не попасть в зависимость от Казистова. Этот мужлан не упустит свою выгоду и не пожалеет яда для моей дискредитации. Ничего, пусть только поможет вернуться в Кремль, я и с ним разберусь, как повар с картошкой. Наивный он больно для подковерной борьбы и интриг. Учителей у Казистова таких не было, какие меня этим приемам учили. Так что нам бы только ночь продержаться и день простоять», – произнес Губанов и улыбнулся.

Приподнятое настроение мужа Рита заметила сразу, как он только появился в ее спальне. «Такой ты мне больше нравишься, чем угрюмый и растерянный. Наверное, известия хорошие получил с «воли?»» – пошутила жена. «Да нет. Живу все с тем же багажом известий, который имел три дня назад. Просто предчувствия появились обнадеживающие. Должен же этой неопределенности наступить конец», – слукавил Алексей Петрович и, чтобы Рита не задавала больше вопросов, добавил: «Устал я очень сильно за эти дни. Хочу пораньше лечь отдыхать».

Ночь прошла на удивление спокойно. Хотя с вечера Президент долго ворочался в постели и не мог уснуть, но пять часов крепкого сна компенсировали эти испытания. Поэтому, быстро приняв душ и плотно позавтракав, он вышел на улицу и направился в сторону моря. Прогулку Президент совершал не ради утренней проминки, а чтобы убедиться в отсутствии на территории посторонних лиц. Продефилировав по всем большим и малым дорожкам парка, он зашел в беседку, сел в кресло и достал из кармана брюк исписанный лист. «Перед тем, как отправить Силина на связь с командой Казистова, необходимо еще раз внимательно просмотреть подготовленный текст. Зацепки Казистову нельзя давать ни в коем разе», – вслух произнес Алексей Петрович, улыбнулся и сосредоточился на чтении.

Закончив с доработкой текста и оставшись им довольным, Алексей Петрович с любопытством посмотрел вокруг себя и бодрым голосом произнес: «Вот и все! Пора Силина в дорогу отправлять. Теперь многое от него зависит». Вдохнув глубоко в себя чистый морской воздух, Президент на несколько секунд

задержал дыхание, сделал протяжный выдох и поднялся с кресла-качалки. Но в это время над резиденцией появился вертолет и, сделав небольшой круг, лихо приземлился на площадку. А еще через минуту из него стали выпрыгивать люди. Выйдя из беседки, Губанов посмотрел в их сторону и с тревогой подумал: «Кто это ко мне опять пожаловал? Неужели мои бывшие соратники решили повторить заход? Зря стараются. И на сей раз ничего у них не получится. Навсегда разошлись наши стежки-дорожки». «Добрый день, Алексей Петрович! Как отдыхается в этом райском уголке? Не пора вам возвращаться в Москву и приступать к выполнению конституционных обязанностей?» – с улыбкой на усатом лице спросил молодой невысокий симпатичный генерал, когда вплотную приблизился к Президенту. Губанов с интересом посмотрел на него, затем перевел взгляд на сопровождающих и грозно спросил: «Кто такие? Почему совершили посадку на территории президентской резиденции?». «Извините, товарищ Президент, что сразу не представился. Меня зовут Разин Сергей Васильевич. В настоящее время являюсь уполномоченным представителем Председателя Верховного Совета народных депутатов РСФСР по особо важным поручениям. Ну а остальные товарищи занимают высокие посты в новом российском Правительстве. По поручению товарища Казистова мы прибыли сюда, чтобы выволить вас из плена и в целостности и сохранности доставить в столицу», – явно любуясь собой, сообщил генерал. «Документы, подтверждающие ваши полномочия, имеются?» – на всякий случай спросил Президент. «Так точно. С этим у нас все в порядке. Поэтому не теряйте зря драгоценное время и начинайте собираться в дорогу. На эту процедуру у вас не больше часа», – грубовато ответил генерал и жестко посмотрел на Губанова. «Если ты, генерал, забыл, с кем разговариваешь, то я напому, что перед тобой находится не только Президент СССР и Главнокомандующий вооруженными силами страны, но и Генеральный секретарь Коммунистической Партии, в рядах которой ты, наверняка, состоишь», – одернул Губанов наглеца. «Я знаю, с кем разговариваю. Но это не значит, что должен вас умолять поехать с нами. Если вы вдруг откажитесь возвращаться, то мы обязаны будем прибегнуть к принудительной доставке вас в Москву. На это у нас полномочия от российского руководства тоже есть», – с иронией в голосе произнес генерал и посмотрел на своих товарищей. Те улыгнулись, но в полемику вступать не стали.

Внутри Алексея Петровича все клокотало от негодования. Второй раз за последние три дня он вынужден был терпеть от своего «подданного» неприкрытое хамство и насмешки. «Выскачка! Позер! Солдафон! Да как он посмел со мной так разговаривать!? Ничего, придет время, и я всем воздам по заслугам! А чтобы это время пришло быстрее, мне необходимо найти в себе силы и потерпеть», – пронеслось в голове у Президента. Но уже на подходе к резиденции он улыбнулся

и тихо произнес: «Видно, не разлюбила меня еще судьба. Не пришлось мне унижаться перед Казистовым и просить о помощи! Хоть он послал за мной этого наглеца, обязанным за это ему я не буду. Так как спасение главы государства – конституционный долг советского гражданина, тем более наделенного властью».

«Алексей, кто эти люди, которые появились на территории резиденции? Они прибыли принудить тебя к отречению от власти?» – встретила Рита вопросами мужа. Президент ласково посмотрел на жену, обнял за плечи и тихо ответил: «Эти люди прибыли за нами из Москвы. Поэтому пакуйте с Натальей в чемоданы вещи и готовьтесь к отъезду. Я схожу в рабочий кабинет и заберу в сейфе оставшиеся документы». «Ты не ответил на вопрос, что это за люди», – не сразу успокоилась жена. «Это представители российского Правительства, и прилетели сюда по поручению Казистова», – коротко ответил муж и, не дожидаясь очередных вопросов, вышел в коридор. Подойдя к комнате помощника, он услышал раздающиеся из нее громкие голоса. Губанов зашел внутрь и остановился. Прямо перед ним стоял бывший начальник охраны – генерал Рытов, а из-за его спины выглядывал Силин. «Добрый день, Алексей Петрович!» – первым поздоровался генерал. «Тебя каким ветром сюда занесло?» – немного замешался Губанов. «Прилетел с группой российских представителей», – ответил генерал, слегка конфузясь. «Почему ты не подошел с ними ко мне? И как оказался в этой команде?» – с подозрительностью спросил Алексей Петрович. «Со вчерашнего дня я перешел на работу в российский КГБ, а сегодня мне поручили сопроводить эту делегацию», – немного нервничая, ответил Рытов. «Понятно. В общем, переметнулся к победителям. Ну это дело твое и осуждать я тебя не собираюсь. Но раз уж ты здесь, то верни мне именную пистолет, а офицерам специального назначения – табельное оружие. Надеюсь, что вы не увезли той ночью его с собой», – потребовал Губанов и пристально взглянул на своего долголетнего телохранителя. «Нет. Ваш пистолет и табельное оружие находятся в сейфе начальника службы охраны, но, к сожалению, ключей у меня нет», – ответил Рытов. «Это твоя проблема, но до нашего отъезда она должна быть решена», – резко произнес Президент и перешел из комнаты помощника в свой кабинет. Встреча с Рытовым немного озадачила Алексея Петровича. Нет, его не задело сообщение генерала о переходе на службу в российский КГБ. Хотя, конечно, не очень приятно осознавать, что тебя бросил человек, с которым прошел длинный путь восхождения к олимпу власти. Губанова неприятно зацепила мысль о цене, которую могли потребовать от него новые хозяева, принимая в свое лоно. Не исключено, что из Рытова они могли вытащить и некоторые подробности пребывания Президента в Форосе. Не случайно с ним по-хамски вел себя усатый генерал. Но Губанов ясно понимал, что другого пути к возврату былой власти у него больше не осталось и, скрепя сердце, начал готовиться к отъезду.

Глава шестнадцатая

Ровно через час, без видимых усилий, вертолет оторвался от земли и стал набирать скорость. Губанов сидел молча, изредка поглядывая через стекло иллюминатора на бескрайнюю синеву моря и рыболовецкие судна, снующие недалеко от берега. Также тихо вела себя Рита и только внучка постоянно вскрикивала, когда видела под собой что-то интересное. Шум двигателя и довольные лица незнакомых людей мешали Президенту сосредоточить внимание на неожиданно возникшей ситуации и оценить перспективы ее дальнейшего развития. Но длилось это недолго. Буквально через тридцать минут вертолет совершил посадку в аэропорту города Симферополя, и Президенту вместе с семьей, помощником и офицерами особого назначения предложили перейти в салон пассажирского самолета, поджидавшего их на взлетном поле.

Оказавшись в обычном пассажирском лайнере, Губанов даже немного растерялся. Но поняв, что кроме него с семьей и российской делегации на самолете никто больше не полетит, успокоился, занял кресло в первом ряду у окна и стал постепенно погружаться в раздумья. «Затея членов ГКЧП силовым путем навести в стране конституционный порядок и политическое спокойствие потерпела полное поражение. Значит, и первый вариант моего сценария почил в бозе. Это факт. Если бы было по-другому, то Казистов не стал бы отправлять за мной своих сподвижников, невольно выполняя главную роль во втором варианте спектакля. Зачем я ему нужен в Москве? Он же сам рвется к высшей власти в стране. Мог бы под шумок организовать мое физическое уничтожение, свалить вину на моих бывших соратников, затем арестовать их за измену родине, собрать внеочередной съезд народных депутатов Верхов-

ного Совета СССР и легитимно стать Президентом. При нынешней его популярности в народе провести эту манипуляцию особого труда не составило бы. Нет, здесь что-то не то. На мой счет у него какие-то другие планы. Может, собирается медленно, но уверенно уничтожать меня морально? Для ненависти ко мне у Казистова достаточно причин. А может, в нем возобладало чувство ответственности за целостность страны, и он старается внести в решение этой проблемы достойный вклад? Чепуха! Казистову наплевать на страну, если он в ней не хозяин. Но, как бы там ни было и какими мотивами он не руководствовался, вести себя с ним необходимо осторожно и продумано. Правильные выводы мне удастся сделать только в Москве, и то не в первый день пребывания», – сделал неутешительное заключение Президент. Он перевел взгляд на притихшую рядом жену и ужаснулся. В ее всегда чистых и ухоженных волосах появилась седая прядь, которая немым укором ужалила глаза Губанова. «Дорогая моя женщина, какой высокой ценой тебе дались дни ожиданий и тревог, проведенные в Форосе! Но ничего, любимая, скоро закончатся эти пытки. Я тебе обещаю!» – с нежностью подумал Алексей Петрович.

Самолет ТУ-134 с Президентом на борту приземлился в аэропорту Внуково во второй половине дня. Минут через десять к нему подкатили трап, и Разин пригласил Губанова на выход. Слова генерала словно серпом прошли по оголенному до предела чувствам страху и тревоги. Посмотрев на жену, он понял, что и Рита находится в подавленном состоянии. «Товарищ Президент, мы прилетели в Москву, и пора покидать самолет», – еще раз напомнил с ухмылкой на лице усатый генерал. Губанов пересилил минутное замешательство, еще раз посмотрел на жену с внучкой и тихо двинулся на выход из самолета. «Как Емельян Пугачев возвращаюсь в Москву. Не хватает только кандалов на ногах», – невольно пронеслось в его голове. Машинально переступая ногами, Алексей Петрович спускался по трапу, а следом за ним, прижавшись друг к другу, с опаской оглядываясь по сторонам, двигались Рита с внучкой. Впервые за многие годы их не встречали радостные лица с букетами цветов и не щебетали наперебой льстивые голоса подчиненных. Все вокруг выглядело непривычным, напряженным и непонятым. Почти рядом с трапом стояли три легковых автомобиля. В первый из них какие-то незнакомые люди посадили Президента с семьей, а во второй – офицеров специального назначения, и кортеж на огромной скорости покинул летное поле.

Во время движения по загруженной автотрассе Президент обратил внимание на сидящего впереди мужчину в штатском. Тот короткими фразами подсказывал водителю маршрут передвижения и периодически посматривал в правое боковое зеркало заднего вида. «Ты из девятого отдела КГБ СССР?» – спросил Губанов. «С сегодняшнего дня я начальник вашей службы охраны», –

не ответив на прямой вопрос, произнес мужчина. «Куда тебе приказано меня везти?» – немного растерялся Президент. «В подмосковную резиденцию», – ответил охранник, и на этом их разговор закончился.

Оказавшись в привычных домашних условиях, Рита взяла власть в свои руки. Уже через два часа все члены семьи, приведя свой внешний вид в порядок, сидели в столовой комнате за обеденным столом. «Ну вот мы и дома. По крайней мере, Рита прекратит так болезненно переживать за меня и займется семейными делами. А мне необходимо срочно приступить к своим прямым обязанностям. И начну я их с расчистки кадрового поля. Уж больно захлапленным оно оказалось», – подумал Алексей Петрович, и сразу после чаепития отправился в свой кабинет. А еще через пять минут за рабочим столом сидел не растерянный шестидесятилетний пенсионер, а собранный, деловой и немного злой Президент великого государства под названием СССР.

Потратив на разработку плана первоочередных мер около часа, он по внутренней связи вызвал к себе помощника и выдал ему ряд поручений. Как только Силин покинул кабинет, Президент включил телевизор и стал внимательно всматриваться в происходящее на экране. Разгоряченные видом пролившейся крови у здания Правительства РСФСР и наплывом сенсаций, корреспонденты, захлебываясь в восторге, вели репортажи с митингов и политических посиделок случайных победителей. «Легким испугом вы отделались, господа демократы. Вам повезло, что у членов ГКЧП не хватило смелости и решительности раздавить вас, как назойливых мух. К сожалению, они не только с вами не разобрались, но и поставили себя вне закона. В этом их вина, за которую придется отвечать», – поставил точку в своих раздумьях Губанов.

Первыми в кабинете Президента появились секретарь ЦК КПСС по идеологии – Грязнов Александр Николаевич, и заведующий отделом, курирующим административные органы – Яшин Алексей Михайлович. Они настороженно поздоровались с шефом и, дождавшись предложения, сели на огромный кожаный диван. «Я не буду рассказывать о политической ситуации в стране. Вы о ней лучше меня знаете. Нет времени у нас и на то, чтобы искать причину ее возникновения. На данном этапе главные виновники сами себя разоблачили, совершив предательство по отношению к партии и к конституции. Они создали ГКЧП и объявили ее верховной властью. Но советский народ вовремя разгадал коварные замыслы путчистов и восстал против них. Мне горько и обидно осознавать, что члены ГКЧП были моими соратниками и занимали высокие посты в нашем государстве. Но как бы ни было тяжело на сердце, я, как легитимный руководитель страны, обязан восстановить конституционную справедливость и наказать этих зарвавшихся деятелей. Поэтому уже се-

годня вы должны поручить соответствующим органам произвести арест всех членов так называемого ГКЧП и изолировать их от общества. Так как задерживаться будут непростые люди, то сделать это необходимо с соблюдением всех юридических норм. О ходе исполнения постоянно докладывайте мне», – закончил вводную часть Губанов. И, посмотрев на присутствующих, спросил: «Вам понятна моя установка?». «Но ведь все участники ГКЧП – члены ЦК КПСС, а некоторые из них даже члены Политбюро! Без согласия пленума ЦК КПСС мы не имеем право их задерживать! А с Полуяновым еще сложнее. Он является избранным Председателем Верховного Совета народных депутатов СССР», – осторожно возразил Яшин. «У тебя такое же мнение?» – спросил у Грязнова Губанов. «У меня свое мнение, которое совпадает с вашим, Алексей Петрович. Поэтому я готов немедленно приступить к исполнению поручения», – ответил секретарь ЦК КПСС по идеологии. «Вот и хорошо! Яшина сам наставишь на путь истинный. Желаю вам успеха», – произнес Президент, и первые посетители вышли из кабинета.

Войдя в образ повелителя и душеприказчика, со следующими деятелями партии и государства он разговаривал пространно, снисходительно и назидательно. Уже к десяти часам вечера стали появляться реальные результаты его деятельности. Своим первым Указом Президент освободил от должности генерального прокурора страны Клокова, поддержавшего ГКЧП, и назначил на эту должность его заместителя – Смирнова, который в знак благодарности выдал санкции на арест путчистов. Следующим Указом он освободил от должности Председателя Совета министров СССР, Председателя КГБ, Министра обороны, Министра внутренних дел и Министра сельского хозяйства, а их обязанности временно возложил на заместителей. Процесс расправы над посягнувшими на власть по его же сценарию стал набирать обороты. Шел он достаточно быстро и успешно, но почти в самом конце дал серьезную осечку. Во время задержания Министра внутренних дел Черкашина со стороны спецслужбы была допущена халатность, которой воспользовался четырехзвездный генерал и застрелился. Но общую картину зачистки участников мятежа этот инцидент не испортил. Таким образом, создав путем интриг и шантажа условия для возникновения ГКЧП и надеясь, что она силовыми методами наведет конституционный порядок в государстве, Президент СССР жестоко разделался с ее членами, не оправдавшими его надежды. Губанов считал, что таким образом он очистил политическое поле от сорняка и теперь вправе рассчитывать на возврат народного доверия к себе.

В последующие дни своего возвращения Президент развил бурную деятельность. Он активно участвовал в подготовке нового союзного договора между центром и национальными республиками, укреплял свежими кадрами

государственный и партийный аппарат, созванивался и вел переговоры с руководителями зарубежных стран, часто выступал с различными заявлениями и объяснениями перед народом по телевидению. В общем, работал плодотворно и без усталости, словно в него закачали свежую кровь и заменили сердце. Духовно и физически стала постепенно выздоравливать и Рита. Воспоминания о кошмаре, который она пережила в Форосе, медленно уходили на второй план, уступая место новым впечатлениям и эмоциям. Но нет-нет, а пронзит ее женское сердце память о трех ужасных днях, проведенных в Крыму.

Глава семнадцатая

Но несмотря на усердие, с которым Губанов работал в последнее время, политическая ситуация в стране оставалась сложной. Руководители союзных республик изо всех сил старались раскачать огромный государственный корабль, чтобы развалить его на части. Самое большое усилие прикладывал к этому руководитель РСФСР – Казистов. Алексея Петровича это очень сильно злило и раздражало. Он внутренне побаивался этого человека. Губанову казалось, что Казистов знает о его непосредственном участии в создании ГКЧП, и терпеливо ждал, когда тот подтвердит или опровергнет эти подозрения. Но шло время, а явных намеков со стороны Казистова так и не поступало. Президент успокоился и стал все чаще и жестче критиковать российское руководство за антигосударственную и антинародную политику. Однако Казистов слабо реагировал на эту критику. Он, как медведь, шел напролом по политической «тайге» и укреплял свои властные функции на территории России. Параллельно с союзными, Казистов создавал российские силовые, финансовые и информационные органы. В Совете Министров РСФСР, министерствах и ведомствах он поменял прежних руководителей на своих соратников, поднял престиж Министерства Иностранных Дел и Министерства Внешней торговли РСФСР, т.е. делал все, чтобы в кратчайший срок объявить Российскую Федерацию независимой и суверенной страной.

Такое противостояние продолжалось почти два месяца. Первым напряжения не выдержал Губанов и пригласил в Кремль своего оппонента. Он тщательно готовился к встрече. Набор соответствующих претензий, упреков и нравоучений глубоко засел в голове Президента СССР и ждал своего часа. Он собирался указать зарвавшемуся политику средней руки, где его место, и объяснить, что он

должен делать на этом месте. Но одновременно Губанов испытывал некоторую тревогу за исход встречи. В душе он злился на себя за то, что своими руками вылепил проблему под названием Казистов. «Ведь многие предупреждали меня о его необузданном характере, а я проявил политическую близорукость и приблизил Казистова к высшей власти. Теперь приходится тратить время и нервы на исправление своей ошибки», – размышлял Президент СССР. Разговор между ними почти сразу не заладился. Поздоровавшись с Казистовым, Губанов не стал долго заниматься дипломатией, а перешел на конкретную тему, ради которой пригласил того к себе. «Дмитрий Сергеевич, я благодарен тебе за оказанную услугу во время подавления путча и восстановления конституционной справедливости. Но в настоящий момент ты сам сплошь и рядом нарушаешь главный закон страны. Ты, по-видимому, считаешь меня в неоплаченном долгу перед тобой и поэтому ведешь себя так вызывающе грубо. Ошибаешься, уважаемый Председатель Верховного Совета народных депутатов РСФСР, конституция страны выше наших с тобой амбиций, и мы ее должны свято соблюдать. На что ты свои силы тратишь? На развал СССР или на смещение меня с должностей? Я терпеливый человек, но и мое терпение может закончиться. Как Президент СССР, я просто обязан принимать самые суровые меры к тем, кто расшатывает устои целостности государства и политического строя. В противном случае мое бездействие станет предательством по отношению к своему народу и коммунистической партии. Тебе понятно, что я имею ввиду, напоминая об этом?» – спросил Губанов и строго посмотрел на Казистова. Тот спокойно выдержал его взгляд, помолчал, и, нагло улыбнувшись, произнес: «Ты пригласил меня в Кремль чтобы запугать? Зря стараешься. Должность мне твоя не нужна, а если бы нужна была, то я бы ее поднял с пола, пока ты грелся на солнце в Крыму. Лично для меня страны под названием СССР не стало сразу после того, как ты возглавил ее. Ты не хуже меня знаешь, что скоро ее вообще на карте мира не будет. И главную лепту в развал вносишь ты, а не я. Думаешь, что я не знаю, почему ты скрылся в Форосе перед путчем в Москве? Знаю. Если потребуется, то узнает об этом вся страна. Вот тогда и выясним, кто из нас главный «могильщик» СССР. А пока живи спокойно, береги нервы и наслаждайся властью. И если больше ко мне нет вопросов, то я поеду к себе на работу. Столько важных дел в одночасье навалилось на меня, что некогда даже рюмку водки выпить за твое здоровье». Ошарашенный поведением Казистова, Губанов не сразу понял, что тот закончил монолог. Когда пришел в себя, то Казистова в кабинете уже не было. «Хорошо еще, что не пригласил никого из своего окружения на эту встречу!» – пронеслось в голове Алексея Петровича, и Президент почувствовал, как на плечи навалился страшный груз усталости и безразличия. Он перебрался с кресла на диван и, не снимая ботинок, лег, свернувшись клубочком. А еще через пять минут Губанов уснул, и мозги отключились от анализа трагического разговора, произошедшего в кремлевском кабинете.

Разбудил Президента глава президентской администрации – Парфенов. Не подозревая, что патрон спит, он с шумом зашел в кабинет и почти с порога выкрикнул: «Алексей Петрович, всех членов ГКЧП выпустили на свободу!». Сознание вмиг вернулось к Губанову и, открыв глаза, он спросил: «Кто выпустил?». «Президиум Верховного Совета народных депутатов РСФСР их помиловал», – ответил глава администрации. «Какое имеет право это республиканское ведомство присваивать себе президентские функции?» – спросил Губанов и, посмотрев на Парфенова, попросил: «Лев Михайлович, подготовь проект постановления о проведении в ноябре всесоюзного референдума по поводу сохранения СССР и оповести всех членов ЦК и Политбюро о назначенном мной на пятнадцатое ноября партийном пленуме. Все вопросы и детали согласовывай с Яшиным Алексеем Михайловичем». «Но проведение референдума – непростое мероприятие. Придется в его подготовке задействовать не только огромные административные ресурсы, но и финансовые», – предупредил Парфенов. «Подключай к решению этой задачи всех, кто потребуется. Такими полномочиями я тебя наделяю», – ответил Президент и вновь сел за стол. «Понял. Пойду исполнять ваше распоряжение», – ответил глава администрации и покинул кабинет Президента.

«Неужели Полуянов с Рытовым предали меня и тем самым купили себе свободу? Почему тогда Казистов реабилитировал остальных путчистов? А, собственно, чему здесь удивляться. Люди они известные, авторитетные, с массой заслуг перед народом, страной и партией. Держать их в тюрьме для него лишняя головная боль и ничего больше. Все, что нужно было ему от них, он, по-видимому, получил. Если бы это было иначе, Казистов не повел бы себя так нагло у меня в кабинете. Необходимо немедленно, любыми способами этого алкоголика убрать с дороги. Вплоть до физического устранения», – почти шепотом произнес Президент и зло улыбнулся.

Подготовка к референдуму шла ускоренными темпами. Старый и испытанный политик Парфенов делал все, чтобы он состоялся вовремя. Совет Министров СССР, союзные министерства и ведомства день и ночь трудились над решением поставленных перед ними задач. Им с этим удалось успешно справиться. Пятнадцатого ноября всенародный референдум, на котором подавляющее большинство населения страны проголосовало за сохранение Союза Советских Социалистических Республик, состоялся. Это был последний шанс для принятия радикальных мер по наведению конституционного порядка в стране. Однако из-за свойственной характеру Губанова нерешительности он не воспользовался народным волеизъявлением и не принял мер по тушению разрушительного пожара. И уже в конце ноября сепаратисты вновь активизировали свою деятельность.

Глава восемнадцатая

В первых числах декабря Казистов сам позвонил Губанову и попросил принять его. «Что за вопрос у тебя?» – грубо спросил Президент СССР. «Хочу согласовать свой визит в Белоруссию», – ответил Казистов. «А что тебе его согласовывать? Ты теперь у нас самостоятельный человек, союзную власть не признаешь, вот и поступай, как знаешь», – явно не желая встречаться с Казистовым, произнес Алексей Петрович. «Здесь есть некоторые нюансы, которые я хотел бы с тобой обговорить», – уклончиво настаивал Казистов. «Ну хорошо. Приезжай завтра к двум часам дня в Кремль, поговорим», – согласился, наконец, Губанов и положил трубку. «Что-то серьезное задумал совершить, если предупредить меня хочет. Значит, боится чего-то!» – сделал вывод Губанов, но чувства радости от этого не ощутил. Власти, которой разными путями добивался многие годы, с каждым новым днем у него оставалось все меньше и меньше. Он судорожно, до головной боли, искал пути ее возврата, но не находил. И, вместо того, чтобы действовать, совершать достойные мужчине поступки, Губанов все сильнее и сильнее погружался в апатию и безразличие. Слово речь шла не о распаде великого государства и не о судьбах миллионов людей, а о его личной трагедии. Наблюдая за мужем, Рита старалась встряхнуть его, окрылить, дать надежду на счастливый исход временных трудностей, но эти старания с его стороны не находили понимания и поддержки. Поняв, что зря старается, Рита взрывалась, высказывала мужу нелицеприятные слова и замыкалась со всеми тревогами наедине. Шло драгоценное время, а моральное и духовное падение мужа так и не прекращалось.

Встреча политических противников вновь проходила наедине. Началась она спокойно, без обвинений и оскорблений, что в какой-то степени обнадеживало

Президента и настраивало на позитивное настроение. Но после того, как Казистов сообщил истинную причину своего визита, все встало на свои места. «Я пришел по-ставить тебя в известность, что на следующей неделе выезжаю в Белоруссию на встречу с коллегами – Председателями Верховных Советов Украины и Белоруссии. Вопрос, который мы собираемся там обсудить, напрямую связан с ликвидацией СССР и правопреемстве его властных и экономических полномочий. Не исключаю, что прямо там мы примем какое-то коллективное решение по этому поводу. Поэтому хочу предупредить, что если ты решишься на наше задержание или физическое устранение, то документы, свидетельствующие о твоей роли в подавлении выступлений мирного населения в союзных республиках и в создании ГКЧП, будут опубликованы в России и за рубежом. Они очень убедительные, так как получены от твоих бывших друзей, соратников и помощников. Так что думай, товарищ Президент, прежде чем на что-то решиться», – криво усмехаясь, произнес Казистов. «Ты что, от жажды власти и злобы ко мне совсем головой тронулся? А мнение населения СССР? Оно ведь против развала страны! Вы хоть думаете о последствиях, которые могут возникнуть в результате исчезновения на карте мира ядерной державы?! Ни хрена вы не думаете. Вам главное быть государями и иметь возможность распоряжаться богатствами, нажитыми многими поколениями!» – растерянно выкрикнул Губанов. «Поздно стал проявлять заботу о стране, Алексей Петрович. Вместо того, чтобы раскатываться со своей Ритой по миру и рассказывать иностранцам о том, какой ты либеральный Президент, необходимо было, не покладая рук, в своей стране наводить порядок. Так что не надо меня призывать к совести. Ты – главный виновник в том, что страна одной ногой в могиле стоит. В общем, я тебя предупредил, а ты думай, как поступать. Только хорошо думай. Ты же не хочешь, чтобы твоя семья без кормильца на долгие годы осталась», – издевательским тоном произнес Казистов и пошел на выход из президентского кабинета.

«Подлец! Какой же подлец! С таким цинизмом и наглостью заявить мне, Президенту огромной страны, что собираешься эту страну уничтожить! И еще шантажирует семьей! Да я тебя в пыль сотру! В тюрьме сгною! И с твоими подельниками также поступлю! Вы на себе почувствуете, как я могу это делать! Слетайтесь, голубчики, на белорусской земле, я подожду этого момента», – выкрикивал слова ненависти Губанов. Лицо его покрылось багровыми пятнами, а весь внутренний организм вибрировал от гнева, ненависти и беспомощности. Чтобы взять себя в руки и успокоиться, Президент достал из буфета бутылку армянского коньяка, налил почти полный стакан и выпил.

Алкоголь подействовал минут через двадцать. Тяжелые мысли стали постепенно покидать голову, но душевного комфорта не появлялось. «Постой, дорогой товарищ Казистов, не спеш. И на моей улице будет еще праздник. Тогда я с тобой разделаюсь публично и так, чтобы впредь и другим не повадно было», – слабо

улыбнулся Президент и пригласил к себе Силина. Выдав ему дежурные поручения, он через некоторое время покинул кремлевский кабинет и в сопровождении нового начальника личной охраны выехал в сторону загородной резиденции.

Угнетенное состояние мужа Рита заметила сразу. «Ты почему такой вялый? Заболел или нервы сдали?» – спросила она. «Сегодня встречался с Казистовым. Разговор получился у нас очень тяжелый», – честно ответил Губанов. «Что ты с ним возишься, как с торбой? Давно бы нашел причину и направил его послом в какую-нибудь африканскую страну. Пусть там негров возбуждает своим видом», – дала совет жена. «Не так все просто, Рита, как тебе кажется. Он теперь избранник народов России, и моя власть на него не распространяется», – ответил Алексей Петрович. «Алексей, что с тобой происходит? Ты сам на себя не похож. С каким-то бездарным и безграмотным мужиком не можешь справиться? Неужели жалко этого хама? Зря. Он тебя не пожалеет, когда возвысится над тобой», – высказалась жена. «Не возвысится. Я не позволю ему этого сделать», – ответил Президент и загадочно улыбнулся. «Ну дай бог, дай бог! А то меня предчувствия плохие в последние дни мучают. Мне кажется, что ты руки опустил, борьбу прекратил и скоро сдашься. Тогда и тебя, и нас ждут времена унижений и насмешек», – осторожно высказала свои опасения Рита.

Губанов и на самом деле в последнее время стал меньше заниматься государственными делами. Почувствовав президентскую апатию, в среде рабочих аппаратов ЦК КПСС, Верховного Совета и Правительства СССР стали распространяться настроения разброда и шатания. Не только рядовые сотрудники, но и руководители высшего звена пребывали в панике и легком шоке. Москва и вся страна погружались в хаос, анархию и депрессию. Реальность угрозы распада страны нарастала, как снежный ком. Население, целенаправленно доведенное до нищеты и занятое поиском пропитания, отстранилось от проблем государства и было полностью деморализованным. Молодые доморощенные демократы с изуверской жестокостью забивали последние гвозди в крышку гроба СССР. Они не задумывались над вопросом: «Что будет с народом великого государства, после того, как оно распадется на мелкие княжества?». Их волновал другой вопрос: «Что они будут иметь от своих хозяев за выполненную работу по развалу некогда могущественной сверхдержавы?». Почувствовав слабость центральной власти и возможность всплыть на гребне волны выплеснувшихся нечистот на самый верх государственной пирамиды, эти деятели шли на любые гнусные поступки, аферы и преступления. На экранах телевизоров постоянно мелькали нахальные и довольные лица в основном неславянской национальности и объявляли себя заклятыми врагами коммунизма. Хотя еще недавно многие из них занимали государственные посты и состояли в Коммунистической Партии. Шум от разногласия накрыл огромные просторы умирающей страны.

Глава девятнадцатая

О дате начала встречи руководителей трех союзных республик и о повестке, которую они наметили обсудить, Губанов узнал от российского вице-президента, того самого усатого генерала, который прилетал за ним в Форос. Разин напросился к нему на прием по своей инициативе и прямо с порога стал импульсивно излагать причину прихода: «Алексей Петрович, эти три подонка восьмого декабря, то есть уже завтра, собираются подписать договор о выходе из состава СССР и о прекращении существования государства в прежнем виде. Необходимо срочно принять меры, чтобы не допустить этого страшного предательства! Считаю, что батальона десантников будет достаточно, чтобы захватить всю эту тварь и доставить в Москву! Если это не сделаем, произойдет страшная катастрофа – государственный корабль расколется на мелкие части. Вы, как гарант конституции, просто обязаны спасти СССР!». «Ты, генерал, преувеличиваешь угрозу целостности страны. Кто может покуситься на волю народа, которую он высказал на референдуме? Только самоубийцы и психически больные люди! А те деятели, о которых ты говоришь, к такой категории людей не относятся. Просто они решили отдохнуть от трудов правильных и на природе попить вдоволь водочки. Ты же не хуже меня знаешь пристрастия к «зеленому змию» своего начальника. Пусть порезвятся мужики, может, мозги у них лучше заработают», – нарочито демонстративно отмахнулся от предложения Губанов. «Вы совершаете преступную ошибку, отказываясь исполнить долг гаранта конституции. Очень жаль. Тем более, что судьба дает вам шанс для сохранения СССР и себя лично. Другого такого варианта больше не будет, так как не будет прежней страны, и не будет вас как Президента. Плохо, что вы не поверили мне или не

хотите верить. До свидания, первый и последний Президент Союза Советских Социалистических Республик», – с явным сарказмом произнес Разин и вышел из кабинета. «Провокатор! Хочет, чтобы я для него расчистил дорогу к посту Президента России! Не получится, генерал. Не на простака напал», – высказался вслух Губанов, но через некоторое время со злорадством подумал: «Вот и пришло то время, когда я одним ударом смогу закрыть все проблемы личного и политического характера и на корню уничтожить сепаратизм! Необходимо срочно посоветоваться по этому вопросу с Министром обороны и председателем КГБ. Не исключено, что во время силового захвата руководителей трех союзных республик может пролиться кровь! Этого не одобряют политики западных стран, и у меня появятся осложнения в отношениях с ними. Поэтому, в первую очередь, я поставлю в известность о своем решении – наказать предателей Президента США и канцлера ФРГ. В настоящей ситуации их мнение и поддержка мне очень нужны». Не откладывая в долгий ящик исполнение задуманного, он пригласил к себе помощника и поручил связать его с руководителями ведущих стран мира.

Первым на проводе оказался канцлер Коль. «Добрый день, Гельмут! Как здоровье? Как семья себя чувствует? В Белоруссию не хочешь на охоту съездить? В настоящее время там, в Беловежской пуще, главы трех союзных республик охотятся на бизонов. Мог бы и ты к ним присоединиться. Говорят, белорусы самогонкой фирменной щедро угощают», – пошутил Губанов и, выслушав ответ, произнесенный в таком же тоне, перешел на серьезный разговор: «По моим сведениям, эти три деятеля решили договор подписать о выходе из состава СССР. Я хочу накрыть их на месте преступного сговора, привести в Москву и наказать как следует, но по закону. Как считаешь, не возмутится Запад моими действиями?». «А информация у тебя о их решении достоверная? Не провокация ли это?» – осторожно спросил Коль. «Есть небольшие сомнения. Но, думаю, что через час все прояснится», – согласился Губанов. «Тогда не торопись с выводами. Подумай хорошенько, перепроверь», – посоветовал канцлер Германии. «Спасибо, Гельмут. До свидания. Передавай привет семье», – попрощался Губанов и положил трубку на телефонный аппарат.

С американским Президентом Бушем разговор шел подольше, но финал его оказался таким же, как после разговора с немецким главой правительства. «Да, задачку ты мне задал, усатый генерал. Отмахнуться от ее решения нельзя, но и шаги делать резкие опасно. Невинной крови может пролиться море. А если Казистов не блефует, и у него на самом деле есть компромат на меня? Тогда страшно даже подумать, что может произойти со мной. Нет, пока не уточню информацию о задуманном этими «партизанами» предательстве, проводить воинскую операцию по их изоляции не буду», – решил Президент и по «вер-

тушке» пригласил в Кремль на семь часов вечера Министра обороны и председателя КГБ.

На встречу высшие офицеры прибыли без опоздания. Еще не доходя до кабинета Президента, они попробовали узнать у Силина, по какому поводу Губанов пригласил их вместе. Николай Иванович только пожал плечами и на вопрос не ответил. Но как только они появились в кабинете верховного главнокомандующего, тот без вступительной разминки ввел их в курс дела: «По поступившей ко мне информации завтра в Беловежской пуще Казистов и руководители Белоруссии и Украины собираются подписать соглашение о выходе из состава СССР и ликвидации союзного государства в целом. Однако, делать поспешные выводы и принимать решения небезопасно, так как источник информации очень тесно связан с российским руководством. И не исключено, что она может быть провокационной. Поэтому в самое короткое время прошу изучить этот вопрос и по мере готовности немедленно доложить мне свои мнения». «Алексей Петрович, но осталось очень мало времени до начала предполагаемого совещания в Беловежской пуще. Может, не рисковать, а прямо сейчас направить туда отряд десантников?» – предложил Министр обороны. «Нет. Это может вызвать негативный резонанс во всем мире. На нас и так смотрят на западе, как на дикарей. Особенно после провалившегося путча. Поэтому, чтобы быть уверенным в дальнейших действиях, необходимо иметь достоверные данные о замысле этих деятелей», – ответил Губанов, и встреча с руководителями силовых ведомств закончилась.

Первым информацию вице-президента России подтвердил Министр обороны. Произошло это в пять часов утра по московскому времени. «Алексей Петрович, извините за столь ранний звонок, но вынужден был вас побеспокоить. По донесению сотрудника ГРУ в Беловежской пуще со вчерашнего дня и всю ночь идет подготовка тройственного соглашения. Подписание его намечено на сегодня, но в какое время это произойдет, неизвестно. Так как пока клерки готовили текст, руководители республик бражничали. Как скоро они придут в форму – сказать трудно. В связи с этим жду от вас команду на отправку батальона десантников, который готов немедленно вылететь в Белоруссию и выполнить задачу по задержанию предателей родины», – отчеканил генерал армии. «Хорошо. Я приму в ближайшее время необходимое решение и сообщу», – ответил хмурым голосом Президент и на время задумался. От наплывших тяжелых мыслей оторвал его телефонный звонок председателя КГБ. Он почти в точности повторил слова Министра обороны и на этом доклад закончил. «Держи пока эту информацию в секрете. Через некоторое время я свяжусь с тобой», – предупредил Губанов, положил телефонную трубку и отвалился на спинку кресла. «Значит, информация усатого генерала не фальшивка. Но

зачем он донес ее до меня? Нет, здесь непременно какая-то собака зарыта. Не мог вице-президент без ведома и одобрения Президента пойти на такой шаг. Ловушку подготовили для меня? Собственно, чему я удивляюсь? Казистов сам сообщил мне о цели своей поездки. Но почему они собрались только вторым подписывать документ? Союзных республик пятнадцать. Тем более, что по конституции – ликвидация СССР как государства может произойти только в случае выхода из него всех национальных республик. Да, ситуация! Может, все-таки направить десантников в Белоруссию? Пусть этим сраным охотникам до интриг нервы пощекочут. Как же я тебя, товарищ Казистов, раньше не раскусил и позволил до власти добраться? Нюх на подонков потерял, стареть, видно, начал», – сумбурно бродили в голове тревожные и противоречивые мысли, мешающие Президенту СССР принять окончательное решение. Закрыв глаза, Губанов сосредоточился и стал медленно вытаскивать из памяти свои действия и детали событий последних дней. Но не прошло и двадцати минут, как его натруженный мозг отказался работать, и Алексей Петрович неожиданно для себя заснул. Эти несколько часов отдыха, которые подарил ему сон, станут роковыми не только для СССР, но и для него самого. Но что произошло, то произошло. Проснувшись около девяти часов утра, Губанов быстро позавтракал, сел в машину и поехал в Кремль. По дороге и в кабинете он анализировал в сотый раз информацию, делал выводы, строил планы, но к окончательному решению прийти никак не мог. Его мозги словно заклинило. Вроде они работали, но «на гора» выдавали мелкие и эгоистические мысли. Какой бы план в них не созрел, он мгновенно разрушался, когда на своем пути встречался с возможными кровавыми последствиями. Алексей Петрович никак не мог переступить порог понимания того, что в случае развала СССР бед, страданий и крови во сто крат будет больше, чем во время банального задержания предателей. Он хотел совершить решительный поступок, но какая-то сила крепко держала его в своих руках. Он бы копался и дальше в измученных мозгах, если бы не вошедший без стука в кабинет глава президентской администрации. «Алексей Петрович! Только что по радио и телевидению сообщили о том, что в Белоруссии лидерами трех союзных республик подписано соглашение о выходе из состава СССР и ликвидации СССР как субъекта международного права. О своем решении они оповестили Президента США и канцлера Германии», – сообщил он и с возмущением спросил: «Как это могло произойти? Это же заговор и прямое предательство? Почему КГБ и ГРУ не уничтожили этих подонков?». В это время зазвенел телефон, и Губанов поднял трубку. Прижав ее к уху, он рассеяно слушал говорившего на другом конце провода и не отвечал. Только в конце разговора он произнес: «Вы совершили не только юридическую ошибку, но и предательство в отношении страны и ее народа, и будете строго по закону наказаны», – и положил трубку.

Глава двадцатая

Все, что творилось после подписания соглашения, исторического значения не имеет. Этот период можно охарактеризовать как время разборок, унижений и страшного обмана. Если описывать его подробно, то получится толстый том детективного романа.

Самые оскорбленные и униженные в нем окажутся люди всех национальностей. Однако, восхищаясь фантастической терпимостью советских граждан, необходимо отметить их апатию, душевную аморфность и безразличие к своей судьбе. Занятые личными заботами, они не сделали даже робкой попытки, чтобы защитить интересы своей родины. Ну, а о «родной» направляющей и контролирующей коммунистической партии и говорить нечего. Особенно про чиновников центрального аппарата. При первом же запахе дыма они забыли про стерильную честь и совесть и стали лихорадочно устраивать свои судьбы. Чтобы показать лояльность к победителю, некоторые из них перед объективами телевизионных камер рвали на куски свои партийные билеты и с брезгливым выражением лица кидали их на землю. В общем, вели себя так, как подсказывала им их мелкая душонка.

Всего две недели оставалось у Президента СССР, чтобы попрощаться с этой должностью навсегда. Не совершив решительного поступка во время подписания лидерами трех союзных республик соглашения, которое, по сути, было нелегитимным, он стал стремительно терять власть. С ним перестали считаться даже руководители тех союзных республик, которые формально состояли еще в составе СССР.

Ну а Казистов и вовсе унижал его при любом удобном случае, как мог. Он демонстративно, при огромном скоплении народа заставлял Губанова подписывать нужные ему документы, упразднял союзные министерства и ведомства, увольнял с должностей их руководителей и делал все, чтобы Алексей Петрович покинул Кремль. На первых порах Губанов еще робко сопротивлялся, но, поняв, что уже никогда больше не сможет вернуть былую власть, он окончательно сник, замкнулся в себе и смирился с постигшей его судьбой. Двадцать третьего декабря Алексей Петрович последний раз посетил свой кремлевский кабинет. Связано это было с позорнейшим актом в его успешной биографии – подписанием документа о своем отрешении от президентской должности. Вокруг стола стояли люди Казистова и с ехидными улыбками на лицах внимательно всматривались в движения руки, которая совершала последние вензеля подписи некогда могущественного человека. Наверяд ли Губанов тогда понимал, что подписывает приговор в первую очередь не себе, а стране и простому народу. Патологический эгоизм, отсутствие человеческой совести и властолюбие до конца держали его волю в своих ежовых рукавицах. Губанов был их раб, и они его довели до страшного предательства.

Глава двадцать первая

Известие о том, что ее муж отрекся от высшей власти в разваливающейся стране Рита перенесла тяжело. Она некоторое время старалась скрывать от Алексея Петровича переживания, помогала ему советами, заботилась о нем. Даже тогда, когда в первый день после отставки мужа их семью в грубой форме попросили покинуть государственную дачу, она нашла в себе силы вытерпеть и это унижение. Нервы стали у Риты сдавать дней через десять после этих событий. Привыкнув за многие годы к вниманию, подхалимству, почитанию и беспрекословному подчинению, она вдруг напрямую встретилась с презрением, хамством, невежеством и неблагодарностью со стороны тех людей, которые еще недавно готовы были мыть ей ноги и пить из таза эту воду. Новые условия, в которых она оказалась, не укладывались в ее сознании и не воспринимались сердцем. Однажды, просматривая по телевизору какую-то политическую передачу, она на экране увидела криво усмехающегося Казистова. Он энергично жестикулировал перед корреспондентом и, растягивая слова, о чем-то рассказывал. Рита невольно прислушалась и замерла. «Тогда я возглавлял Московский ГК КПСС. Сижу я, понимаешь, раз в кабинете, спокойно работаю. Вдруг раздается телефонный звонок, я взял трубку и услышал громкий голос Маргариты Михайловны Губановой: «Как ты смеешь вести себя так подло по отношению к людям? Почему до сих пор не выполнил указание Президента и не выделил семье председателя Госагропрома квартиру? Ты не удельный князек, а первый секретарь Горкома, и соблюдение партийной дисциплины для тебя является высшим законом!». Не выдержал я ее визга, послал на три буквы и положил трубку. Вот после этого разговора ее муж и невзлюбил меня», – повествовал

триумфатор. «Какая скотина! Сволочь! Он просто упивается своей победой! А ведь еще совсем недавно голова дергалась и руки дрожали от страха во время разговора с Алексеем. В глаза ему, словно верный пес, заглядывал. Иуда проклятый!» – выкрикивала Рита сквозь слезы и рыдания. В это время рядом оказалась внучка, которая, испугавшись, во всю прыть кинулась искать деда. Заметив мужа в комнате, Рита перестала рыдать и вытерла платочком вспухшие от слез щеки. «Что еще случилось? Почему ты в таком состоянии?» – осторожно спросил Алексей Петрович жену. Но, не дождавшись ответа, посмотрел на экран и произнес: «Понятно, это морда Казистова тебя так расстроила. Ты выключи телевизор и не смотри на нее». «Алексей, почему ты оказался таким слабым человеком? Неужели не мог раздавить этого шута горохового, как червя? Я всегда считала тебя человеком умным, смелым и решительным, но теперь поняла, что таким ты никогда не был. Ты был обыкновенным везунчиком, которого комсомольские лозунги, лесть и выживающие из ума престарелые руководители коммунистической партии подняли на самый верх государственной пирамиды. У этих старцев просто не хватило время, чтобы раскусить тебя и перекрыть дорогу к власти. Теперь ты не только их доверие не оправдал, ты развалил страну и предал весь советский народ», – тихо, без эмоций на заплаканном лице, произнесла Рита и быстрыми шагами покинула комнату. Не ожидавший от жены столь откровенного обвинения, Губанов минут пять находился в шоке, не зная, что делать и как вести себя дальше. Наконец, он очнулся и тихо прошептал: «Ты несправедлива ко мне, Рита. Это я тебя сделал первой женщиной страны и позволил вести себя так, как не вела до тебя ни одна из жен Генеральных секретарей ЦК КПСС. В конечном итоге эта моя слабость обошлась мне так дорого, что сегодня я остался не у дел, в изоляции и одиночестве. Вот и ты решила мне насыпать соль на рану».

Эпизод

Свое истинное положение в обществе после отставки Губанов ощутил не сразу. Первое время он часто встречался с друзьями, которых знал еще по комсомольской работе, созванивался с лидерами иностранных государств, которые высказывали слова благодарности за тесное содружество в прошлом, и осваивал новые бытовые условия. Но однажды Алексей Петрович увидел сон, который затем держал его в напряжении длительный период. В то утро он проснулся от бешеного сердцебиения и сдавливающих горло рыданий. Губанову приснился высокий седой старик с небольшой круглой бородой и как две капли похожий на колхозного конюха деда Ивана. Старик был начитанным человеком, набожным и очень справедливым. За язвительный и острый язык деда Ивана в деревне побаивались многие жители, включая председателей колхоза. Алексей Петрович хорошо знал его и поначалу даже обрадовался встрече. «Разве ты еще жив, дед Иван? А я слышал, что ты давно умер. Сколько же теперь тебе лет? Пожалуй, за сто стукнуло?» – задал вопрос он односельчанину. «Не важно, Алешка, сколько мне лет. Важно то, что мы с тобой, наконец, увиделись. В детстве ты был славным мальчишкой, работающим и уважительным, а вот человек из тебя получился никудышный. Я внимательно следил за твоей судьбой. Радовался за тебя, когда ты совершал правильные и полезные поступки и очень сильно огорчался за твои мелкие делишки. Много ты дров наломал на своем пути, и все только во вред стране и народу. Видел это я, но помочь ничем не мог, так как темные силы тебя опекали. Ты легко их влиянию поддавался и выполнял все установки, направленные на разрушение, а не созидание. Тяжелый грех на тебе лежит за то, что ты предал страну и простой народ. Теперь даже раская-

ние тебе не поможет», – ответил старик. «Ты несправедлив ко мне, дед Иван. Я всю жизнь работал для народа и во имя народа. На всех постах, которые занимал, я не убежал от общения с людьми, а наоборот, старался разобраться в их трудностях и помочь им. Все силы положил на алтарь отечества, а взамен что получил? Враги меня оклеветали и выгнали из Кремля, а народ даже не заступился. Это народ виноват в том, что государство развалилось. Если бы он стал на мою защиту, то защитил бы и СССР. А сейчас во всем меня винит, будто хозяином страны был я, а не он сам. Видно тяжело ему было оторвать свой зад от дивана и выйти на улицы, чтобы разогнать пьяниц, туенядцев и авантюристов», – возразил Алексей Петрович. «Выходит, что все вокруг тебя виноваты, а ты чистый как белый лебедь. Нет, Алешка, ты не прав. Не соглашусь я с тобой. Да, хлопцем ты был гарным, пока не почувствовал прелесть власти. Поэтому вспомни, как расчищал себе дорогу, когда поднимался по крутой лестнице наверх. Скольких друзей ты сам оклеветал и предал. Вспомни, как один замечательный парень и комсомольский вожак после твоего обвинительного выступления на пленуме крайкома ВЛКСМ руки на себя наложил. А ведь потом должность секретаря его райкома ВЛКСМ ты занял. Неужели ты не понимал тогда, что наговариваешь на товарища? Все понимал, знал и делал это сознательно. Почти такими же методами ты разделался с заведующим сельскохозяйственного отдела крайкома партии. Да и первым секретарем крайкома КПСС ты стал не благодаря уму и выдающимся заслугам, а благодаря умению встретить и проводить высоких гостей из Москвы. Если бы не наличие циковских и совминовских санаториев в нашем крае, то ты бы и на пенсию ушел с должности секретаря крайкома КПСС. Но тебе же всегда не хватало власти над людьми. В Москву очень сильно рвался. А то, что за плечами кроме иппатовского метода раздельной уборки урожая ничего выдающегося больше не было, тебя не смущало. Вот и втирал пыль в глаза престарелым руководителям страны, чтобы доказать свою исключительность. И Генеральным Секретарем ЦК КПСС ты стал случайно. Происходят в природе разные необъяснимые явления, и одно из явлений – твое избрание на высший партийный пост в государстве. Конечно, оно только относительно необъяснимое. Мы-то с тобой знаем, сколько пришлось тебе интриг и провокаций сплести, чтобы занять этот пост. А дальше – больше: Президентом тебе захотелось стать. Вновь ты использовал проверенные способы влияния на ситуацию и людей. Оказавшись на самом пике власти, ты остался один на нем. Вокруг тебя не оказалось старых большевиков, преданных партийцев и верных друзей. Ты посмотрел вниз и испугался высоты, к которой всю жизнь стремился. Но что-то все-таки необходимо было делать на этом высоком посту. И ты стал совершать одну за другой грубые ошибки. Опасаясь, что рядом могут оказаться умные и талантливые руководители, ты произвел реорганизацию всего государственного аппарата. На все

важные посты назначил послушных, но ограниченных людей, а часть заслуженных людей старой закваски вовсе убрал с глаз долой. Ты тогда надеялся, что фортуна везения не покинет тебя, но как показало время, очень сильно ошибался. Первой тебе напомнила об этом атомная станция. Взрыв, произошедший на ней, вверг тебя в панику и ярость. Затем Армению затрясло. Весь город Спитак оказался в руинах. Только благодаря советским людям в том и другом случае удалось быстро ликвидировать последствия катастроф. Зато как напугались тогда западные страны! Они и до этого не по-доброму смотрели в сторону СССР, а после этих событий и вовсе злобу затаили. Первой ядовитой стрелой в деле распада страны был маленький самолет, который пролетел над границей и приземлился на Красную площадь. Тебе тогда уже необходимо было покинуть свой пост и перейти на преподавательскую работу, которая у тебя неплохо получалась. Но вместо этого ты решил стать благодетелем всего человечества и рьяно принялся обучать его демократии по советскому образцу. Слова: «новое мышление», «плюрализм мнений» и «гласность» – стали твоим паролем для запада. Чтобы понравиться руководителям этих стран, ты стал сдавать одну за другой позиции в политическом и в военном плане. Ты так разошелся в необузданном рвении стать человеком мира, что не стал даже слушать соратников по социалистическому лагерю и военных, когда объявил о согласии СССР на объединение двух Германий. Это предательство щедро оценили враги страны советов, вручив тебе нобелевскую премию мира. А ты ее принял с благодарностью, даже нисколько не жалея о своем поступке. Ну а затем ком твоих предательств стал быстро обрастать новыми поступками, наносящими огромный вред стране, Президентом которой ты являлся. В результате твоих заигрываний с западом и непрофессиональных решений резко упал уровень жизни населения. Людям приходилось с боем доставать пропитание, а в это время твои друзья за границей объявили торговую блокаду СССР. И вот ты пришел к финалу, который заслужил», – говорил, как вбивал гвозди в тело Губанова, дед Иван. «И что же дальше ждет меня? Что мне сделать, чтобы искупить свою вину? Может застрелиться, как это сделал Министр внутренних дел Черкашин?» – взмолился Губанов. «Ты слабый человек, и застрелиться сам не сможешь. Тебе придется долго жить, и это будет твоим главным наказанием. Ты будешь видеть, как простой народ, который ты предал, убивают голодом, наркотиками и алкоголем, как налево и направо раздают заводы, фабрики и пароходы, которые поколениями строили советские люди, и как пользуются природными ресурсами чужеземные компании, оставляя коренному населению черные дырки пустых скважин. Ты все это будешь видеть, но помешать и что-то исправить уже не сможешь. Тебе придется на много лет пережить жену, которая в результате тревог и переживаний заболеет неизлечимой болезнью и скончается на твоих руках. Ты будешь видеть, как ее жизнь угасает, но по-

мочь ей ничем не сможешь. Ты будешь слышать проклятия народа в свой адрес, но покаяться перед ним у тебя не будет возможности. Даже юбилейные даты своего рождения тебе придется отмечать за границей, а не в России, рядом с близкими, друзьями и товарищами. Ты не любил свой народ, и он ответил тебе той же монетой. В его памяти ты навечно, навсегда останешься предателем и иудой. Ты даже переживешь своего главного врага – Казистова и преданных тобой соратников. Но не совесть тебя будет душить за свои деяния, так как ты ее давно отдал дьяволу. Твое тело и душу будет разъедать гордыня, которая многие годы властвует над тобой. Мне не жалко тебя, Алешка. Ты сам выбрал такой путь к вечному покою. Тебе за него и страдать», – ответил старик и отвернулся от Губанова.

Москва. 2011 год.

Содержание

Рыбацкие истории из прошлого века

1. Бензин крепче водки	9
2. Члены ЦК КПСС тоже умели плавать.....	17
3. Министр обиделся	25
4. Охотничий трофей олимпийского чемпиона	29
5. Лось дипломат.....	33
6. Чемпионы Мира не тонут.....	38
7. Кулачный бой космонавтов	41
8. Ошибся адресом	44
9. Партийный выговор за рыбалку	47

Охотничья мозаика

1. «Клыкастый» профессор.....	54
2. Веселый «Дося».....	65

Рассказы

1. Тренер	76
2. Политолог с дальнего кордона	91
3. Старик и голуби	115

Повесть о человеческом предательстве

1. Узник Фороса.....	160
----------------------	-----